Г. И. Куликовскій.

ИЗЪ ОБЩИННО-АРТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ

ОЛОНЕЦКАГО КРАЯ.

Г. Петрозаводскъ.
Въ Губернской Типографіи.
1897.

Г. И. Куликовскій.

ИЗЪ ОБЩИННО-АРТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ

ОЛОНЕЦКАГО КРАЯ.

Перепечатано изъ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей 189[illegible] г.

Г. Петрозаводскъ.
Въ Губернской Типографіи.
1897.

Перепечатано изъ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1896—97 гг.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Одинъ и у каши не споръ и къ полосѣ придетъ—немного работаетъ“
Мѣстная пословица.

I.

Артели крючниковъ.

Величина артели и распредѣленіе работъ. „Батырь“. Солидарность отдѣльныхъ артелей. Обычаи артели. Пріемъ въ артель, штрафы и ссуда, Помощь больнымъ и вдовамъ. „Начинное“ и „Кончательное“. Дуванъ. Профессіональныя болѣзни крючниковъ.

Люди, свѣдущіе въ олонецкой хлѣбной торговлѣ, по количеству продаваемаго въ уѣзды хлѣба ставятъ города губерніи въ слѣдующемъ порядкѣ: во первыхъ г. Петрозаводскъ, затѣмъ с. Вознесенская пристань, Повѣнецъ, Вытегра, Олонецъ, Лодейное поле, Пудожъ и наконецъ Каргополь; исключивъ отсюда Вознесенскую пристань, какъ пунктъ, гдѣ совершается перегрузка хлѣба для всѣхъ почти городовъ губерніи, мы получимъ таблицу, выражающую сравнительную нужду уѣздовъ въ чужомъ хлѣбѣ, привозимомъ изъ Рыбинска.

Въ мѣстахъ, гдѣ хлѣбная торговля и перегрузка и выгрузка производится въ большихъ размѣрахъ (г. Петрозаводскъ, с. Вознесенская пристань), крючникъ является спеціальнымъ рабочимъ, тогда какъ въ мѣстахъ слабой торговли роль крючника обыкновенно исполняетъ и купеческій работникъ, и ломовой извощикъ. Нигдѣ такъ много крючниковъ не было, нѣтъ и теперь, какъ въ с. Вознесенская пристань, гдѣ производится перегрузка хлѣба въ паузки, складываніе на зиму въ амбары, нагрузка на суда весною, переборка на судахъ и въ амбарахъ въ случаѣ подмочки, порчи мышами и т. п. Въ былое время число крючническихъ артелей въ с. Вознесенская пристань доходило до ста, теперь же, благодаря болѣе усовершенствованному водному пути, суда имѣютъ

меньшую надобность въ перегрузкѣ и крючниковъ наберется лишь до ста человѣкъ.

Величина крючническихъ артелей зависитъ отъ характера и способа работы, такъ что, если напр., нужно хлѣбъ грузить на паузки и хлѣбъ въ мѣшкахъ, „талья“ [1]) не дѣлается и артель состоитъ изъ 5 человѣкъ (два подаютъ, два принимаютъ, одинъ носитъ и раскладываетъ по палубѣ судна); если на паузки же нужно грузить муку кулевую, то дѣляется „талья“ и артель состоитъ изъ 7 человѣкъ (одинъ „клюютъ“, т. е. зацѣпляетъ куль крюкомъ, 3 тянутъ „талью“, одинъ „топитъ“, т. е. подбираетъ сошедшую съ блоковъ веревку, чтобы она не запуталась, 2 носятъ кулье); если кулье или мѣшки нужно съ судна выгрузить въ амбары, то къ артели изъ 7 человѣкъ прибавляются еще „тачечники“ и лица, принимающія кулье въ абмарѣ на штабеляхъ, и получается артель изъ 10, 11 и 12 человѣкъ.

Въ каждой артели изъ 5 человѣкъ есть довѣренное лицо „батырь“ [2]); въ артели изъ 7 человѣкъ ихъ двое. „Батыри“ ведутъ переговоры съ нанимателемъ и въ артели изъ 5 и 7 человѣкъ обязательно они носятъ кулье и раскладываютъ по судну (въ артели изъ 10 челов. „батырь“ особой работы не исполняетъ), получая за все это такъ называемые „вершонки“ т. е. по 3 коп. съ каждаго артельщика за выношенную сотню кулей, иначе говоря, при артели въ 5 ч. „батырь“ получаетъ по 12 к. съ сотни кулей, а при артели въ 7 чел. два „батыря“ получаютъ 18 коп.; кромѣ того „батырь“ получаетъ равный со всѣми пай.

Строгой спеціализаціи въ артели нѣтъ и постоянна она лишь на одно лѣто.

Раньше, когда перегрузки здѣсь было больше, участвовавшіе въ ста артеляхъ „бывало разсядутся по панели, народу видимо-невидимо, все съ крючьями, въ жалѣткахъ [3]), цѣну постановятъ заобчую и пойдутъ работать по хозяевамъ“; точно также и оставшаяся теперь сотня крючниковъ назначаетъ цѣну сообща для всѣхъ (3 к. и $3^1/_2$ к. съ куля); если же артели поссорятся, то начинаютъ перебивать другъ у друга работу и цѣна падаетъ (до 2-хъ коп.).

Нанятая артель, принеся на судно или въ амбаръ нѣсколько кулей, обыкновенно дѣлаетъ „залогу“, т. е. всѣ садятся на кулье и закуриваютъ; хозяинъ раскошеливается и даетъ „начинное“

---

[1]) Блокъ или система блоковъ.

[2]) „Батырь“ одежды особой не носитъ.

[3]) Толстая, подушкообразная покрышка, одѣваемая крючниками на спину.

Благо ему, если совершается выгрузка въ амбаръ: тогда ему придется дать еще „кончательное"—и все; если же хлѣбъ паузится, то хозяину, кромѣ „кончательнаго", приходится еще дать „стрюмовое", по заполненіи кульями всего трюма, и „караванное", когда трюмъ будетъ уже закрытъ и начнутъ класть кулье на палубу.

Въ с Сермаксѣ (при устьѣ р. Свири) и Важинахъ производится лишь осенняя выгрузка хлѣба въ амбары и весенняя изъ амбаровъ въ суда, и крючническая артель составляется изъ 15 человѣкъ или на всю осень, или на всю весну (какъ въ Сермаксѣ), или же на одинъ только наймъ (какъ въ с. Важинахъ). Половина артели здѣсь обыкновенно носитъ на себѣ кулье, а другая достаетъ кулье изъ трюма, подаетъ, „штопитъ", „клюетъ" и т. п. Конечно, распредѣленіе такое неравномѣрно, и потому половина артели, не носившая кулье, по окончаніи каждой наемной работы, по установившемуся обыкновенію, должа купить четверть водки. Артели Сермаксы и Важинъ отличаются отъ артелей прочихъ мѣстностей тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ „батыря", единственный „батырь" въ Сермаксѣ, какой-то крестьянинъ, является въ то же время единственнымъ для всей Олонецкой губерніи эксплуататоромъ крючническаго труда: онъ имѣетъ артель изъ 10 чел., набранныхъ за долги, и, не принимая почти никакого участія въ артельномъ трудѣ, беретъ „вершонки"; кромѣ того задаетъ имъ деньги впередъ, такъ что, когда наступаетъ разсчетъ, крючникъ не только не получаетъ денегъ, но оказывается еще въ долгу.

Въ г. Петрозаводскѣ издавна работаетъ крючническая артель, доходящая теперь до 19 человѣкъ; артель эта если и представляется болѣе совершенно организованною, нежели артели прочихъ олонецкихъ крючниковъ, то вѣроятно въ силу того, что она постоянна, работаетъ изъ года въ годъ вмѣстѣ; случается, конечно, что артельщики крупно поссорятся между собою, составятъ вмѣсто одной артели въ 19 человѣкъ 2, 3 и 4 малыхъ, начнутъ перебивать другъ у друга работу, понизятъ цѣну на свой трудъ, но затѣмъ, сообразивъ всю невыгодность конкурренціи, опять сойдутся и работаютъ вмѣстѣ.

Всѣ артельщики живутъ здѣсь отдѣльно другъ отъ друга въ своихъ собственныхъ квартирахъ или по найму, тогда какъ артельщики с. Вознесенская пристань и Сермаксы живутъ часто по нѣскольку человѣкъ на общихъ харчахъ.

„Батыремъ" петрозаводская артель выбираетъ болѣе трезваго, честнаго и опытнаго крючника; онъ узнаетъ по лавкамъ, гдѣ есть работа, распредѣляетъ по нимъ своихъ товарищей, получаетъ

деньги за работу, нанимаетъ ломовыхъ извозчиковъ (если подрядились съ вывозкою), нанимаетъ въ случаѣ большой работы поденьщиковъ (отъ 50—70 к. у „тальи“ и 1 р.—1 р. 50 к. носить кулье въ день) и, вычтя изъ полученнаго заработка расходы, сдѣланные на наймы, дѣлитъ все остальное между собравшимися къ нему на домъ артельщиками

„Батырь“ работаетъ наравнѣ со всѣми прочими артельщиками, освобождаясь лишь для хожденій по дѣламъ артели, и получаетъ одинаковый со всѣми пай.

Артель принимаетъ въ свою среду хоть корела, хоть городскаго, хоть сельскаго жителя, лишь бы онъ былъ силенъ да не воръ.

Вступающій никакого взноса не дѣлаетъ, но долженъ угостить артель, а, затѣмъ ему остается только исправно ходить на работу, иначе за каждый просроченный безъ уважительной причины день (хотя бы даже и съ полудня) налагается штрафъ въ 50—60 к. и до 1 р.; штрафныхъ денегъ артель никогда не дѣлитъ между собою, но покупаетъ на нихъ водку, которая и выпивается „на мировую“ сообща оштрафовавшими и оштрафованнымъ.

Такъ какъ „батырь“ даетъ въ долгъ (изъ денегъ, взятыхъ у купца въ счетъ исполняемой работы) и каждый артельщикъ можетъ брать сумму, не превосходящую будущей его паевой получки, то субъекта, обманомъ перебравшаго денегъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, случается, слегка и побьютъ всею артелью, но потомъ „сжалятся“: соберутъ по 20, 30, 40 к. съ брата и возвратятъ деньги „батырю“; деньги эти обратно артель никогда не требуетъ и „развѣ только самъ угоститъ водочкой“.

Такой же сборъ артель устраиваетъ и въ томъ случаѣ, если узнаетъ о плачевномъ состояніи семьи больнаго товарища, оставленной имъ вдовы и сиротъ.

Артель заработываетъ 50 р. и 80 р. въ осень [1]) (съ 15-го августа до конца навигаціи) нанимаясь по $3^1/_2$ коп. съ куля безъ перевозки и по 8 коп. съ перевозкою, и дѣлежъ денегъ производится по выполненіи каждаго отдѣльнаго найма.

Отдѣльныя группы одной и той же артели, распредѣленныя „батыремъ“ по различнымъ лавкамъ, начавъ работу, приносятъ первые три куля, садятся на нихъ всѣ, садится и наниматель; посидѣвъ немного, крючники встаютъ, крестятся и поздравляютъ хозяина съ начатіемъ; хозяинъ даетъ тогда „начинное“ и кромѣ того подчуетъ всѣхъ чаемъ; „начинное“ по вечеру дѣлится въ каждой группѣ отдѣльно.

[1]) Вознесенскія артели въ былое время заработывали по 10 р. на брата въ недѣлю.

Случается, что одна какая-либо группа, или имѣвшая большую работу, или работавшая менѣе энергично, запоздаетъ окончаніемъ работы, тогда всѣ прочія группы являются на мѣсто ихъ дѣйствій, садятся на кулье и поютъ пѣсни, запоздавшіе же продолжаютъ работать.

По окончаніи работы бываетъ „окончательное", т. е. угощеніе чаемъ и артель идетъ въ квартиру „батыря" для дѣлежа заработанныхъ денегъ.

Послѣ дувана обыкновенно варятъ пельмени и на оставшіяся отъ дѣлежа деньги покупаютъ водки; но такъ какъ отъ этой водки, обыкновенно, нельзя опьянѣть, то усердные поклонники Вакха складываются, сколько кто можетъ, и отправляются въ какое-либо заведеніе, распѣвая сложенную ими же о самихъ себѣ пѣсню:

Ужъ какъ крючники плетутся
Изъ работы да въ кабакъ,
Словно курочки кладутся
Кто-ли гривну, кто пятакъ....
. . . .

Трудная работа крючниковъ, состоящая въ переноскѣ на спинѣ большихъ тяжестей, создаетъ, какъ показываетъ народная патологическая терминологія, двѣ болѣзни, одинаково вездѣ именуемыя.

Чаще всего и въ особенности при большой и спѣшной работѣ у крючниковъ бываетъ болѣзнь „гривны" (натертыя отъ продолжительнаго ношенія кулей мѣста на спинѣ) и рѣже „сухія крылья" (длинныя валькообразныя опухоли, идущія вдоль внутренняго края лопатки). Первую крючники Вознесенской пристани лѣчатъ, прикладывая къ натертымъ мѣстамъ „мохъ" (корпія); лѣченіемъ второй занимаются спеціально женщины-шведки, примѣняя массажъ (отъ шеи вдоль больнаго мѣста съ легкимъ разминаніемъ опухоли съ боковъ).

II.

Артели калѣкъ и нищихъ.

Количество слѣпыхъ въ губерніи и ихъ занятія. „Вожатель". Артель, ѣздящая „по добрымъ маткамъ" или „по кусочки". Колдунъ въ артели и его пай.

По переписи 1886 г. [1]) слѣпыхъ, невидящихъ на оба глаза, въ въ Олонецкой губерніи насчитывается 440 мужскаго пола и 521 женскаго.

---

[1]) Статистика Россійской Имперіи, т. II. „Статистика слѣпоты въ Россіи по переписи 1886 года".

Нѣкоторые изъ нихъ продолжаютъ снискивать пропитаніе работою: изъ всего количества слѣпыхъ мужчинъ 3 занимаются хозяйствомъ, 1—кузнечнымъ ремесломъ, 1—молотьбою хлѣба, 1—сукновальнымъ производствомъ, 7—вязаніемъ сѣтей, 1—плетеніемъ лаптей и 3—торговлею; изъ всего количества слѣпыхъ женщинъ 1 занимается хозяйствомъ и 5—пряденіемъ.

Изъ общаго числа слѣпыхъ лишь 70 мужчинъ и 60 женщинъ имѣютъ собственныя средства, 239 мужчинъ и 322 женщины получаютъ средства и призрѣваются родными, 13 мужчинъ и 31 женщина—сторонними лицами, 2 мужчинъ—сословными обществами, 7 мужчинъ и 2 женщины—казною.

Сто мужчинъ и 104 женщины не имѣютъ средствъ и живутъ исключительно подаяніемъ, кромѣ того изъ числа призрѣваемыхъ нѣкоторые тоже просятъ милостыню, увеличивая число просящихъ до 158 мужчинъ и 157 женщинъ.

Одни изъ нихъ особенно женщины держатся больше мѣста своего жительства, особенно если родная ихъ деревня велика или на небольшомъ пространствѣ сгруппировалось много деревень.

Вооружившись клюкою, изучивъ всѣ препятствія, встрѣчающіяся на деревенскихъ улицахъ, слѣпые свободно и увѣренно переходятъ отъ одной хаты къ другой и набираютъ болѣе или менѣе достаточно для своего существованія.

Чтобы двинуться за границу своей деревни или волости, слѣпому необходимъ уже проводникъ, а проводнику нужно платить, слѣдовательно и напросить нужно больше и кромѣ того является необходимость знанія духовныхъ стиховъ.

Странствующіе слѣпцы, не поющіе стиховъ, крайне рѣдкое явленіе; странствующихъ же съ пѣніемъ стиховъ женщинъ мнѣ привелось видѣть лишь однажды: двѣ изъ нихъ были слѣпыя и одна зрячая служила имъ проводникомъ. Лица, которымъ посчастливилось заучить стихи „О книгѣ голубиной“, „Егоріѣ храбромъ“ и т. п., а также при неимѣніи средствъ къ жизни въ своей деревнѣ или даже просто ради выгоды, уходятъ въ чужія мѣста.

Рѣдко бываетъ, чтобы одинъ калѣка шелъ съ проводникомъ, обыкновенно мальчикомъ лѣтъ 6, 10 и болѣе, чаще слѣпцы одного села, одной волости или даже и различныхъ волостей сговариваются идти вмѣстѣ, собираются человѣка 2, 3, 5 и болѣе и берутъ на двухъ слѣпцовъ одного и двухъ, а на 3, 5 слѣпыхъ—двухъ и трехъ «вожателей», берутъ, какъ это сообщаетъ и В.

Майновъ [1]) „слогомъ" платя на полномъ содержанiи со включенiемъ и одежды по 50 к. и до 1 р. въ мѣсяцъ.

Чѣмъ меньше такихъ платныхъ „вожателей", тѣмъ для артели выгоднѣе и потому нерѣдко встрѣчаются вереницы въ 3, 5 слѣпыхъ, предводительствуемыя однимъ „вожателемъ"; одинаковое же количество „вожателей" и слѣпыхъ бываетъ лишь въ томъ случаѣ, если мальчики родня слѣпымъ и сыновья кого-либо изъ обывателей, по бѣдности пожелавшаго избавиться отъ лишняго рта въ семьѣ, или дѣти самихъ же слѣпцовъ.

Артель калѣкъ хорошо знаетъ всѣ ярмарки, праздники ближайшихъ селъ, городовъ, особенно же монастырей и спѣшитъ къ урочному дню пѣшкомъ, да разсчитывая на то, что кто либо добрый человѣкъ и подвезетъ.

На праздникѣ, усѣвшись по ту и другую сторону дороги въ церковь, слѣпцы распѣваютъ стихи и принимаютъ подаянiе въ деревянныя чашечки, лежащiя у нихъ на колѣняхъ: между разбитыми старческими голосами временемъ слышатся молодые голоса „вожателей", то „подголосничающихъ" своимъ хозяевамъ, то молча зѣвающихъ на разнообразную праздничную толпу. Набравъ денегъ у церкви, слѣпцы продолжаютъ до вечера бродить подъ окнами хатъ съ тѣми же стихами, собирая хлѣбъ и зерно.

Изъ всего собраннаго съѣстного для себя оставляется лишь необходимое, все прочее калѣки продаютъ и всѣ вырученныя за день деньги (иногда нѣсколько рублей на артель) дѣлятъ между собою поровну, не включая „вожателей" въ число пайщиковъ.

Мальчуганъ—„вожатель" шатающiйся со слѣпыми, прiучается къ постоянному бездѣльничанiю, скитанiямъ, научается надувать и обкрадывать сначала своихъ слѣпыхъ хозяевъ, а потомъ и зрячихъ обывателей, пьянствовать на украденныя деньги и становится, по справедливому замѣчанiю В. Майнова, „отвратительнымъ нарывомъ той среды, изъ которой онъ вышелъ" [2]).

Такова артель слѣпыхъ калѣкъ; весь прочiй убогiй и неубогiй нищенствующiй людъ обыкновенно не дѣлаетъ большихъ переходовъ; подаютъ ему больше хлѣбъ и печенiе, да и ходятъ эти несчастные люди по одиночкѣ, жалобно полуговоря, полувыпѣвая: „подайте милостыньку, Христа ради!"

Артель, кормящуюся Христовымъ именемъ, мнѣ привелось встрѣтить лишь въ Нименской волости Каргопольскаго уѣзда; въ волости этой, дѣйствительно бѣдной въ нѣкоторыхъ своихъ углахъ,

---

[1]) «Поѣздка въ Обонежье и Корелу» стр. 36.

[2]) Тамъ же.

въ другихъ же просто въ силу лѣности и установившейся привычки къ попрошайничеству, существуетъ издавна такъ называемая ѣзда „по добрымъ маткамъ“ или „по кусочки“.

Какъ только откроется санная дорога, артель отправляется въ путь „по кусочки“ и объѣзжаетъ нерѣдко сотни верстъ, посѣщая хлѣбныя мѣстечки не одной Олонецкой губерніи (больше всего Мехреньгу, Мошинскую волость и Вохтому), но и Вологодской и Архангельской.

Артель, состоящая изъ двухъ, трехъ или четырехъ семействъ, доходящая до 6, 8, 10 и болѣе человѣкъ, ѣдетъ на одной лошади, не только кормясь и ночуя по всѣмъ деревнямъ безвозмездно, но даже и сѣно для лошади нищенски выпрашивая по дворамъ. Артель „Христа—ради“ получаетъ печеный хлѣбъ, хлѣбъ зерновой, толокно, ленъ, горохъ и т. п.

Печеный хлѣбъ на мѣстахъ же ночевокъ разрѣзывается на куски (оттуда вѣроятно и названіе „ѣзда по кусочки“), сушится на сухари и по пріѣздѣ домой дѣлится между артельщиками по паямъ, какъ и напрошенный горохъ и ленъ и проч.

Всѣ артельщики безъ различія пола и возраста, получаютъ по одному паю; тотъ-же, которому принадлежитъ лошадь и сани, получаетъ два пая; если лошадь принадлежитъ одному, а сани другому, то два пая получаетъ имѣющій лошадь, а сани въ разсчетъ не идутъ.

Рѣдкая артель не имѣетъ въ средѣ своей знахаря колдуна или колдуньи, которые и главенствуютъ въ боящейся ихъ артели.

Знахарь или знахарка при хожденіи за милостыней не прочь помочь ближнему чѣмъ умѣетъ: приворожить кого либо къ кому либо, „отсушить“, мыть дѣвицъ для славы, отъ „глазу“, отъ „призора“ или „приходнаго“ лечить и т. п. Такая особа кромѣ денегъ, платья и обуви, и всю прочую милостыню получаетъ въ повышенномъ количествѣ. Артель эта хорошо понимаетъ и даетъ колдуну два пая: одинъ, какъ обыкновенному артельщику и одинъ за волховство.

Деньги, одежда, обувь, выпрошенныя тѣмъ или другимъ артельщикомъ въ дѣлежъ не идутъ.

III.

Ремесленныя артели.

Олонецкая ремесленная артель.—Совмѣстная работа ремесленниковъ.—Подрядчикъ и наемныя лица.—Судостроительныя артели Б. Н. Майнова.—Артель ладвинскихъ стекольщиковъ.—Условный языкъ.—Артели валяльщиковъ катанокъ.

Суровая природа Обонежскаго края, не всегда достаточно вознаграждающая трудъ крестьянина земледѣльца, принуждаетъ его, кромѣ занятій промыслами на мѣстѣ своего жительства, напр., рыболовствомъ, охотою, еще къ странствованіямъ съ предложеніемъ извѣстной ремесленной помощи обывателямъ разныхъ захолустій своей губерніи, а также не рѣдко и другихъ, съ нею смежныхъ; такъ, напр., ладвинскій стекольщикъ доходитъ до Петербурга, Новгорода, Вологды, Пскова, бываетъ и въ „Шведчинѣ“ (Финляндіи), точно также странствуетъ и кирпичникъ Троицкой вол. Каргопольскаго уѣзда и нѣкоторые другіе. Ремесленники поименованныхъ мѣстностей пользуются извѣстною репутаціею и представляютъ явленіе групповое, простирающееся на цѣлую деревню, общество или и волость; не мало также и одинокихъ выходцевъ изъ другихъ мѣстъ для предложенія той же ремесленной помощи или же шерстобитовъ, портныхъ, сапожниковъ и т. д.; переходя изъ одной деревни въ другую, такой ремесленникъ находитъ себѣ работу, уговаривается съ хозяиномъ о цѣнѣ и, вытащивъ изъ сумы необходимые инструменты, получая лучшій обыденнаго деревенскаго столъ, нѣсколько разъ въ день чай, пользуясь почетомъ всей семьи, работаетъ обувь, платье или что̀ и другое изъ хозяйскаго матеріала.

Въ то время, какъ работа портнаго, сапожника и т. п. можетъ быть исполненною отъ начала до конца однимъ лицомъ,—работа плотника, кирпичника и др. требуетъ уже соединеннаго труда нѣсколькихъ лицъ, и поэтому, напр., кирпичники Троицкой вол. Каргопольскаго уѣзда, ходятъ или ѣздятъ цѣлыми группами, состоящими изъ подрядчика и извѣстнаго количества рабочихъ, получающихъ отъ подрядчика плату, выговоренную еще дома за каждую тысячу или еще сырыхъ или уже обожженныхъ кирпичей; при этомъ ни величина подряда, ни величина платы, получаемой подрядчикомъ за всю наемную работу, не вліяютъ на величину платы рабочаго. Харчи по уговору или хозяйскіе, или свои, общіе, но хозяинъ обязательно справляетъ „начинное“, „печное“ (когда печь уже сложена и затопляется), „заперное“ (когда

печь прокалена, отверстія, чрезъ которыя производилась топка, закупорены и кирпичамъ остается только остыть) и „кончательное“. Плотникъ Заонежья, хорошо знающій свое дѣло, является такъ-называемымъ „мастеромъ“, который или самъ набираетъ себѣ помощниковъ съ извѣстною платою въ день или недѣлю каждому, или же предоставляетъ набрать рабочихъ самому нанимателю. Отъ хозяина зависитъ по степени искусства каждаго нанятаго лица назначить ему приличную плату: одному, напр., 2 р., другому 1 р. 50 к. въ недѣлю. Кромѣ того, онъ долженъ кормить, поить плотниковъ, а также справить имъ „обложейное“ (когда на фундаментъ или и прямо на землю положенъ первый рядъ бревенъ), „балочное“ (при закрѣпленіи балокъ), „коневое“ (при возведеніи конька) и „кончательное“. Каждый разъ при этомъ угощаютъ водкою и пряжатъ пироги, и бѣда, если хозяинъ поскупится и чего-либо не справитъ: разсердившіеся плотники могутъ положить въ какой-либо уголъ мертвую кость, вбить какой-либо особый клинъ въ стѣну,—начнетъ въ дому чудиться, и не жизнь тогда суевѣрному олончанину въ этомъ домѣ. При судостроительствѣ отношенія работающихъ устраиваются точно также какъ и у плотниковъ, но мастеръ с. Вязострова [1]) (на р. Свири) является обязательно уже съ заранѣе нанятыми рабочими, и В. Майновъ, упоминая о судостроительныхъ артеляхъ на Свири „въ круглую“ [2]), по всей вѣроятности констатируетъ единственныя въ своемъ родѣ—одну, двѣ или болѣе артелей, дѣйствительно работавшихъ въ то время „въ круглую“; мы же на всѣ распросы о существованіи артелей „въ круглую“ не только въ семидесятыхъ годахъ (издана книга Майнова въ 1877 г.), но даже и раньше, получали отрицательные отвѣты отъ лицъ пожилыхъ, 60, 70 лѣтъ отъ-роду, и близко стоящихъ къ этому дѣлу.

Ремесленную артель въ полномъ смыслѣ слова мы встрѣчаемъ лишь у стекольщиковъ с. Ладвы (Петрозаводскаго уѣзда), въ отличіе отъ другихъ стекольщиковъ называемыхъ „билямцами“ или „билямщиками“. Въ августѣ-мѣсяцѣ „билямщики“, собравшись въ числѣ 3, 4, 5 человѣкъ, покупаютъ сообща стекла, замазку [3]) и

[1]) Благодаря высокой поденной платѣ въ Олонецкой губ. судостроительство пало и появляющіеся на олонецкихъ водахъ суда покупаются и строятся въ Череповскомъ уѣздѣ изъ лѣса, покупаемаго въ частныхъ дачахъ.

[2]) „Поѣздка въ Обонежье и Корелу“, стр. 45. „Постройка судовъ, говоритъ Майновъ, производится по большой части артелями въ „круглую“, съ подряда за все судно“.

[3]) Если случится, что замазка въ дорогѣ кончится и мѣлу нѣтъ, то „билямцы“ замѣняютъ его золою, а то вставятъ и совсѣмъ безъ замзки въ рамѣ желобки.

проч. и покидаютъ свою родину (сс. Ладва, Ивина, Муромля), спускаясь на купленной на общій же счетъ лодкѣ внизъ по рр. Ивинкѣ и Острочинкѣ до р. Свири; здѣсь одни изъ нихъ ѣдутъ внизъ по Свири, другіе—вверхъ; проѣхавъ извѣстное разстояніе, „билямщики" продаютъ лодку и одни отправляются въ свои излюбленныя мѣста на лошадяхъ, другіе—пѣшкомъ, третьи—на пароходѣ (плата за харчи и проѣздъ сообща). Увидѣвъ въ селѣ или городѣ одного „билямщика", можно смѣло искать его товарищей, живущихъ па одной общей квартирѣ и общихъ же харчахъ.

Артельщики ежедневно расходятся по ближайшимъ деревнямъ для работъ и лишь къ вечеру являются на общую квартиру; здѣсь артельщики сообщаютъ другъ другу о предстоящихъ работахъ, назначаютъ, кому куда идти завтра, и сдаютъ заработанныя за день деньги старшему артельщику, обыкновенно трезвому и честному малому; присутствующая при этомъ артель провѣряетъ, сколько каждый изъ нихъ израсходовалъ стекла, замазки и проч., и затѣмъ, соразмѣрно съ количествомъ сработаннаго, каждый отдаетъ деньги, сообразуясь съ условленной еще дома таксою. Артельщикъ, которому удалось вставить стекло подороже условленной таксы, напр., за 20 коп. вмѣсто 15 к., лишнія 5 коп. имѣетъ право взять себѣ, потому что работу онъ все равно и за 20 к. и за 15 коп. исполняетъ въ одинъ промежутокъ времени; если же, кромѣ вставки стеколъ, кѣмъ-либо произведена еще работа, стоившая извѣстной затраты времени—одного часа, двухъ и т. п., напр., тѣмъ же лицомъ предварительно сдѣлана оконная рама,—то плата, полученная за изготовленіе рамы, цѣликомъ поступаетъ въ распоряженіе артели, какъ бы въ уплату за потраченное артельное время. Всѣ полученныя за время путешествія деньги хранятся у старшаго артельщика; изъ нихъ платятъ за харчи, за подводу, иногда случается на нихъ же выпьютъ артельнаго „полстебеха" (полуштофъ водки); дѣлежъ же заработка производится уже дома, и пай артельщика доходитъ до 50, 70 и болѣе рублей. Къ празднику „Михаила" (8-го ноября) артели или на лошадяхъ, или „пѣшо" возвращаются домой и лишь зашедшіе далеко отъ родины ходятъ „годъ кругомъ"; впрочемъ, нѣкто Василій Ефимовъ проходилъ однажды 9 лѣтъ сряду, за что и получилъ прозвище „гулень". Въ артель принимаются и ученики-„первогодники", первое время лишь заготовляющіе дерево для рамъ, стругающіе и замазывающіе рамы подъ руководствомъ опытнаго артельщика. По приходѣ домой, ученикъ получаетъ равный съ прочими артельщиками пай, но обязанъ внести въ артель нѣчто въ родѣ плен-

скаго взноса, такъ называемый „вѐршникъ" (нѣсколько рублей по опредѣленію артели). Въ слѣдующемъ году уплатившій „вѐршникъ" является въ той же артели равноправнымъ артельщикомъ, и такъ какъ артель постоянна и ходитъ обыкновенно въ мѣста, куда ходили ихъ отцы, а иногда и дѣды, то положеніе его въ артели уже обезпечено.

Издавна одинаковый трудъ „билямщиковъ", жизнь въ одномъ раіонѣ, встрѣчи въ пути и на мѣстахъ работы, общность интересовъ, желаніе иногда въ пути переговорить относительно запрашиваемой или предлагаемой цѣны и пр.,—переговорить такъ, чтобы люди посторонніе не поняли,—выработали условный, „самоучебный" языкъ, называемый „билямскимъ" или „мàссовскимъ". Лексиконъ „билямскій" очень невеликъ: въ него вошло, какъ они сами говорятъ, то, что̀ нужно, „а пустяковъ всякихъ нѣтъ". Сначала, какъ говорятъ, „билямцы" изъяснились „по херàмъ", т. е., напримѣръ, вмѣсто „пошелъ къ дому", говорили: „по-херъ шелъхеръ къ до-херъ му-херъ"; но публика стала догадываться, и вотъ они начали употреблять слова частью финскія, какъ, напр., койра (koira), салуга (salakka), нелякъ (nelja), кедрить (kerità) и многія другія, шведскія, какъ напр., стивуха, стиверъ (styver) и другихъ языковъ; образовали слова сами отъ русскихъ же корней въ родѣ того, какъ „зглядникъ" (окно), „меркоть" (сумерки), „ходаки" (ноги) и т. д., не мало быть можетъ и сами повыдумывали.

Считаютъ „билямцы такъ: Енай (1), Трофиль (2), Сбахъ (3), Нелякъ (4), Филька (5), Енай съ филькой (6), Трофиль съ филькой (7), Безъ трофиль марушникъ (8), Безъ стивухи марушникъ (9), Марушникъ (10), Марушникъ съ енай (11), Марушникъ съ трофиль (12), Маруша съ филькой (15), Безъ трофиль двумарфеной (18), Безъ стивухи двумарфеной (19), Двумарфеной (20), Махъ-марушъ (30), Нелякъ-марушъ (40) .... Безъ трофиль фера (98), Безъ стивухи фера (99), Фера (100), Фера со стивухой (101), Трофиль фера (200), Сбахъ фера (300) и т. д. Тысяча въ счетѣ „билямцевъ" не имѣетъ наименованія, потому что „такихъ и денегъ не бываетъ" какъ замѣтилъ мнѣ одинъ изъ „билямцевъ".

Изъ прилагательныхъ имѣются: Голямой—высокій, Ерой—старый, Мѝкрай—низкій, Люсей—хорошій (у Рыбникова—люсо) [1], Хѝлай—худой (у Рыбникова—хило).

Изъ глаголовъ: Бу̀сать—пить, Бряшить—брать,—за стиверы—ку-

[1]) Олон. Губ. Вѣд. 1866 г. № 8 „Слова такъ называемаго билямскаго языка, употребляемаго Ладвинскими стекольщиками".

пить, Вторуетъ—повторяетъ, Горошиться—смѣяться (Рыбниковъ), Дошить—дать, Зехать—говорить (у Рыбникова—голямо?), Кедрить—варить, жарить, Мерковать—спать, Сидомать—сидѣть, Свирйкать—хлебать (Рыбниковъ), Стебехнуть—ударить, Тереньть—ѣсть, Тягурить—тащить, Хлябать—ходить. Щолбить—курить.

Изъ существительныхъ обозначающихъ: полъ, возрастъ, общественное положеніе: Ересъ сглѣбъ—отецъ (у Рыбникова—сглебъ), Кубасья—жена и вообще женщина (у Рыбникова—Куба), Мікрай шихта—дѣвушка, Пайшанишка—мальчикъ, Сглѣбъ—хозяинъ (у Рыбникова—злебакъ), Шйхта—дочь, Ярой сглѣбъ—старикъ, Билящгекъ—стекольщикъ (у Рыбникова белямщикъ), Коверь—купецъ, богачъ, Ковриха—купчиха (Рыбниковъ).

Изъ словъ, обозначающихъ духовныхъ лицъ и предметы: Эфесъ—праздникъ (по сборнику Рыбникова—Богъ, образъ, икона), Эфесникъ—священикъ, Эфесница—церковь (Рыбниковъ), Эфлякъ—архіерей (по сборнику Рыбникова—священникъ), Бурить—молиться.

Изъ словъ, обозначающихъ мѣры времени, вѣса и т. п.: Годймша—годъ, Енай гвозъ—фунтъ, Лепесъ—рубль и вообще бумага, Меркоть—вечеръ, Спобутру—утро, Стйворы—деньги, Стивуха—копейка.

Изъ словъ, обозначающихъ домашнихъ и дикихъ животныхъ, рыбъ, растеній: Брякотунъ—овца, Копра—собака, Паршанъ—кошка, Пестрядь—лошадь (у Рыбникова—пестрякъ), Пурхунья—курица и вообще птица, Стафья—свинья (у Рыбникова), Трубоха—корова, Голяма койра—медвѣдь, волкъ, Микра койра—лисица, Микрей койрачъ—заяцъ, Салуга—рыба, Стебешина—дерево.

Изъ словъ, обозначающихъ части тѣла: Гафель—носъ, Качева—голова, Костякъ—глазъ, Ротимша—ротъ, Ходакъ—нога, Юрья—рука

Изъ словъ, обозначающихъ пищевые продукты, напитки и предметы роскоши: Гальмо—молоко, Гарно—водка, Ленша—вода, чай (у Рыбникова послѣдній зовется—пчева), Леншавикъ—самоваръ (Рыбниковъ), Кругляшъ—яицо, Скресакъ—мясо. Сумакъ—хлѣбъ (Рыбниковъ), Хрустакъ—сахаръ (тамъ-же), Щава—табакъ.

Изъ словъ, обозначающихъ разнаго рода постройки. утварь, инструменты и пр.: Беконя—шуба, Бульясни—фонарь, Бульясница—кисетъ (по сборнику Рыбникова свѣча), Гатуля—ящикъ для стеколъ, Гарновикъ—кабакъ, Зглядникъ—окно, Кирвесъ—топоръ, Коверъ—городъ, Косье—стекло (у Рыбникова—кось), Куджалъ—ножъ (у Рыбникова—кучакъ), Кюля—комната (у Рыбникова—тюля), Маждакъ—алмазъ, Паруха—домъ, Полстебехъ—полуштофъ

водки, Похазка—замазка, Похазникъ—отхожее мѣсто, Порхунья—постель (Рыбниковъ), Стѣба—крыша, Стебехъ штофъ, Фертенья—баня (Рыбниковъ), Щапурка—печь (Рыбниковъ).

Въ артеляхъ валяльщиковъ катанокъ Исаевской волости Вытегорскаго уѣзда, повидимому, тоже былъ свой условный языкъ, но вмѣстѣ съ вымираніемъ ремесла и артели [1]) вымеръ и языкъ; теперь отъ него сохраняется только счетъ до десяти; который любезно сообщенъ мнѣ финляндскимъ изслѣдователемъ Яльмаръ Базильё, въ 1887 г. посѣтившемъ Олонецкую губернію. Счетъ этотъ таковъ: Первёшка (1), Другишка (2), Трошка (3), Черёшка (4), Пятышъ (5) Ладышъ (6), Сомбалъ (7), Ломбалъ (8), Деребо (9), Лодига (10).

IV.

Артели рыбаковъ.

Свободная заимка озерной поверхности и очередное пользованіе рѣчною поверхностью.—„Неводъ“, „керегодъ“, „складникъ“, „мѣстовщина“ и „сябра“.—Частные, семейные, „сложные“ и общинные невода.—„Большакъ“ или „староста“.—Величина сѣтей и артелей.—Взносы деньгами и продуктами.—Артельная сушка и соленіе рыбы.—Очередная специализація.—Привеллегированный „жердогонъ“.—Количество тонь лѣтомъ и зимою.—Дѣлежъ рыбы.—Жеребьевка.—Продажа рыбы.—„Лаза“.—Дѣленіе улова не по количеству участниковъ, а по паямъ.—Пай на церковь.—„Бранники“.—Отношеніе Каргопольскихъ нищихъ къ артели.—Артельныя пирушки. Пріемъ въ артель. Отсутствіе племеннаго общиннаго и кастоваго антагонизма.—Контроль артели и штрафы. Пай за трудъ и пай за капиталъ.—Отношеніе артелей къ участію женщинъ.—Странствующія артели и причины къ тому.—Выгоды рыбной ловли и артельный заработокъ.—Кабала, truck-system *и пониженіе цѣнъ на рыбу.—Задолженность отдѣльныхъ лицъ и артелей.—Наемная рыболовная артель.—Староста - кулакъ.—Что поддерживаетъ кабалу?—Недостатокъ кредита.—Непостоянство артелей.—Отсутствіе фонда.—Обѣдненіе края рыбою.—Упадокъ промысла усиливаетъ кабалу.—Трудность доставки рыбы на рынки и неумѣніе заготовлять ее въ прокъ.—Цѣны мѣстныя и рыночныя.—Мѣры артелей противъ безрыбицы и кабалы.—Общинное рыборазведеніе.—Соединеніе нѣсколькихъ артелей для очередной доставки рыбы на рынки.—Круговая порука и кредитъ со стороны артели.*

Самыя разнообразныя артели Олонецкаго края—артели рыбо-

[1]) Исаевскіе валяльщики раньше ходили артелями въ 3 и 4 человѣка, доходили до р. Ояти и Бѣлозерска; ходятъ изрѣдка и теперь.

ловныя; организація артелей разнится не только въ артеляхъ одного уѣзда, одной волости, одного озера, но иногда, какъ напр., на озерѣ Лачъ, организація артелей одного берега существенно разнится отъ организаціи артелей другаго берега; на озерѣ Лачъ артели западнаго берега—артели кабальныя и имѣютъ „старосту“, который подобно десятнику набираетъ себѣ артель изъ должниковъ; на восточномъ берегу артельщики сходятся по взаимному соглашенію и ни „старостъ“, ни „большаковъ“ между ними нѣтъ, всѣ дѣла артель рѣшаетъ общимъ совѣтомъ.

Обликъ артели, величина ея, ея особенности зависятъ какъ отъ рода сѣтей, такъ отъ времени ловли, близости тракта, отъ того—на озерѣ ли или на рѣкѣ производится ловля, отъ степени предпріимчивости рыболововъ и проч., благодаря этому наблюдается большая разница въ отношеніяхъ артелей къ своимъ членамъ, къ ихъ отсутствію при ловлѣ, по отношенію къ найму рабочихъ, къ женскому участію въ ловлѣ и т. д.; такъ, напр., на однихъ озерахъ женщина не допускается къ участію въ артели ни подъ какимъ видомъ, на другихъ можетъ лишь замѣнить больнаго мужа, брата, въ третьихъ, наконецъ, можетъ быть равноправнымъ съ мужчиною членомъ артели; таково отношеніе артелей къ женскому участію, всѣ прочія сходства и различія будутъ ясны изъ послѣдующаго изложенія.

Мы не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что дѣленіе озерныхъ водъ на сгодія не имѣетъ мѣста въ обычномъ правѣ олончанъ. Единственный случай дѣленія на сгодія на Выгозерѣ Повѣнецкаго уѣзда представляютъ не больше, какъ исключеніе: озеро Выгъ подѣлено прежде всего на два сгодья между Выгозерскимъ и Койкинскимъ обществами; въ свою очередь эти большія сгодья для погоднаго пользованія подѣлены на „трети“ или „ловища“; каждое „ловище“, кромѣ того, дѣлится еще на тони; по ловищамъ распредѣляютси деревни (каждое общество въ своемъ лишь сгодьѣ), а по тонямъ распредѣляются группы обывателей этихъ деревень; такимъ образомъ, напр., д. Корельскій островъ на 70 душъ обывателей имѣетъ 5 тонь; 1) Калма островъ, 2) Заячій островъ, 3 и 4) два берега острова Янь и 5) „лѣтній“, т. е., южный берегъ самаго Корельскаго остова. Тонями этими пользуются группы по очередно, перемѣщаясь съ одной тони на другую съ нею сосѣднюю; обмѣнъ ловищами и тонями внѣ очереди, когда, напр., одна группа или деревня хочетъ продолжить или укоротить свое пребываніе на извѣстномъ „ловищѣ“ или тонѣ, допускается по взаимному соглашенію, и дозволеніе ловить оплачивается деньгами; кромѣ того, не могущіе или не желающіе уча-

ствовать въ ловлѣ могутъ передать свое право кому угодно за деньги или за снасти.

Сколько мнѣ извѣстно, въ районѣ, занимаемомъ великоруссами Олонецкаго края, это единственный примѣръ дѣленія озерной поверхности на сгодья и при томъ съ такимъ сложнымъ способомъ пользованія, что онъ можетъ быть поставленъ наряду съ пользованіемъ рѣчными сгодьями. Кромѣ Выгозера дѣленіе на сгодья встрѣчается еще на Логмозерѣ Петрозаводскаго уѣзда, но мотивы дѣленія на сгодья представляютъ здѣсь уже нѣчто иное: во первыхъ, нужно замѣтить, что Логмозеро, пожалуй, и не озеро, а та же рѣка Шуя, давшая разливъ по низинѣ; поэтому въ Логмозерѣ замѣчается глубокое русло, гдѣ слышно теченіе и мелкій разливъ, мелкій до того, что не рѣдко рыбацкія лодки садятся на мель; конечно, по отношенію къ рыболовству есть разница между русломъ рѣки и ея разливомъ. Мало того, озеро не все цѣликомъ принадлежитъ прибрежнымъ деревнямъ, а лишь частью, все же остальное составляетъ собственность монастыря, у котораго крестьяне и арендуютъ эту водную поверхность, внося ежегодно по 150 руб. Такъ какъ не всѣ крестьяне могутъ платить поровну, то арендуемая часть озера на общемъ „скопѣ“ [1]) дѣлится на отдѣльныя площади-сгодья различной цѣнности такимъ образомъ, что общая сумма этихъ цѣнностей какъ разъ составляетъ арендную плату; эти то сгодья, смотря по степени состоятельности, берутъ на себя артели, составляющіяся изъ обывателей прибрежныхъ деревень; такимъ образомъ одна артель (изъ 5, 8, 12 участниковъ) [2]) беретъ одно сгодье (за 50, 20, 30 рублей), другая—другое, третья —третье и т. д. и въ продолженіе всего года ловятъ на своемъ участкѣ. На площади не арендуемой дѣленія на сгодья уже нѣтъ, дѣленіе же, какъ видно изъ самого дѣла, вызвано совсѣмъ особыми обстоятельствами.

Если на озерахъ отсутствуетъ дѣленіе на сгодья, то на рѣкахъ оно является болѣе или менѣе необходимымъ, потому что иначе при движеніи рыбы по рѣкѣ (особенно во время нароста) львиную долю будетъ получать тотъ, кто помѣстится ближе къ устью рѣки, всѣ же рыбаки, имѣющіе несчастіе быть обитателями верховій и средняго теченія рѣки, получатъ одни очень мало, а другіе при усердномъ ловѣ нижнихъ рыбаковъ будутъ вытаскивать сѣть изъ воды, пожалуй, и совсѣмъ пустою. Такое неудобство обходится на рѣкахъ чередованіемъ нижнихъ рыбаковъ съ

Продолженіе въ № 5.

---

[1]) Сходкѣ.

[2]) Берутъ и отдѣльныя лица съ платою въ 2 р., 5 р., 25 р. и болѣе.

верхними, дѣленіемъ на тони, сгодья и „трети", особеннаго интереса въ этомъ отношеніи заслуживаютъ порядки, имѣющіе мѣсто на рѣкахъ Водлѣ Пудожскаго уѣзда и Сунѣ Петрозаводскаго уѣзда. „При устьѣ рѣки Водлы, передаетъ И. С. Поляковъ [1]), волость, состоящая изъ 400 душъ мужскаго пола, подѣлила все протяженіе рѣки, отъ устья верстъ на 6 вверхъ по теченію, на 4 участка, или тони; на этихъ тоняхъ ежедневно присутствуютъ представители сотенъ; на каждую тоню приходится по одной сотнѣ. Въ свою очередь каждая изъ сотенъ распадается на части, посуточно чередующіяся между собою въ ловлѣ. Въ то же время всѣ четыре сотни ежедневно мѣняются мѣстами такъ, что первая сотня, промышляющая рыбу на самомъ устьѣ, на другой день уступаетъ свое мѣсто второй, на мѣсто второй идетъ третья, уступая свое мѣсто, второе,—четвертой, и первая, такимъ образомъ, становится послѣднею, восходя на четвертый день опять на самое устье и т. д. Это чередованіе основано на томъ, что первая отъ озера тоня даетъ самый обильный уловъ, и пропорціонально отдаленію отъ тони онъ становится все меньше и меньше, чему причина сейчасъ будетъ очевидна. Всего неводовъ дѣйствуетъ на тоняхъ и немного ниже по рѣкѣ до 15 и всѣ они содержатся на артельномъ началѣ. На каждую тоню приходится по нѣскольку неводовъ. Неводъ обыкновенно перекидывается чрезъ всю рѣку и въ такомъ положеніи держится нѣсколько времени, минутъ 10 и болѣе; затѣмъ онъ заворачивается однимъ концомъ и подводится къ другому, на одинъ и тотъ же берегъ. Лишь только онъ начинаетъ свой заворотъ, на то же мѣсто опускается постепенно другой неводъ; въ то время какъ первый вытягиваютъ и начинаютъ вынимать изъ него добычу, второй уже раскидывается чрезъ всю рѣку; поэтому едва-едва выпадаютъ моменты, когда рыба можетъ идти вверхъ по рѣкѣ, не встрѣчая на пути ловушки; вотъ почему на нижней тонѣ уловъ изобиленъ, а вверху становится все меньше и скуднѣе; изъ всего сказаннаго видно, до какой степени равномѣрно распредѣлены шансы на уловъ между всѣми членами большой общины. Первое мѣсто отъ озера даетъ изрѣдка на одну тоню по 100 и 150 сиговъ, какъ это передаютъ сами крестьяне"

Нѣсколько выше по той же рѣкѣ, „близъ д. Падунъ [2]), среди гнейсовыхъ воротъ (порога), пробитыхъ быстрымъ теченіемъ рѣки, устроены заѣздки съ ловушками, и въ нихъ жители деревни ловятъ рыбу, чередуясь поденно".

---

[1]) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. III, стр. 425—426.

[2]) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этн., т. III, стр. 432.

На рѣкѣ Сунѣ [1]) „основнымъ правиломъ пользованія служитъ то, что каждый крестьянинъ изъ 274 жителей приречныхъ деревень имѣетъ право на занятіе своими снастями 1/274 части ширины рѣки въ обѣихъ линіяхъ мережъ. Но такъ какъ каждый свои снасти выставить не можетъ, а также мѣста по степени улова различны и, наконецъ, не всѣ имѣютъ средства и желаніе ловить, то, во первыхъ, многіе продаютъ свое право лова [2]); во вторыхъ, дѣйствительно ловящіе соединяются въ артели и такъ называемыя „трети". Покупаютъ мѣста самые богатые крестьяне. Настоящая покупка бываетъ весною предъ началомъ лова, и не желающіе ловить продаютъ свою часть по 12 р. на душу, что и считается нормальною цѣною. Бѣдные же и нерадивые продаютъ свое право за 3—4 рубля и на нѣсколько лѣтъ впередъ. Есть покупатели, скупающіе право на ловъ душъ у 60-ти и болѣе, рублей на 800. Дѣйствительные ловцы съ своими и покупными душами распредѣляются по числу душъ на части—„трети", между коими раздѣляется рѣка на 3 части: правую, среднюю и лѣвую. Всякая неравномѣрность уничтожается тѣмъ, что трети недѣльно между собою чередуются, для чего рѣка и раздѣляется на трети. Сверхъ этого дѣленія на трети существуетъ еще дѣленіе на артели. Большею частью артель совпадаетъ съ третью, но иногда одинъ болшемочный ловецъ выдѣляется и ловитъ на себя особо, тогда отводятъ ему въ трети такое пространство, какое ему приходится по числу душъ, коими онъ располагаетъ, и связь его съ третью состоитъ только въ томъ, что онъ чередуется съ ними мѣстомъ въ рѣкѣ; артельные ловцы дѣлятъ между собою добычу на равныя части по числу душъ".

Такимъ образомъ, на рѣкахъ или всѣ пускаютъ по очередно свои сѣти на одномъ мѣстѣ (рѣка Сойда Вытегорскаго уѣзда) или же поочередно ставятъ сѣти на различныхъ мѣстахъ; въ то время, какъ, напримѣръ, на рѣкѣ Сунѣ каждый имѣетъ право на занятіе 1/274 ширины рѣки, и рыбаки, соблюдая очередь, движутся поперекъ рѣки, на рѣкѣ Водлѣ каждый имѣетъ право на занятіе 1/400 длины рѣки, и артели, соблюдая очередь, двигаются вдоль рѣки; такъ или иначе, но сложность этихъ организацій доказываетъ стремленіе крестьянъ къ возможно болѣе справедливому пользованію рѣкою, къ возможно равномѣрному распредѣленію выгодъ отъ рыболовства. Такую же организацію пользованія или

---

[1]) Данилевскій „Отчетъ экспедиціи", Сельское хозяйство. 1873 г., т. 113

[2]) Продажа права на ловлю обозначается мѣстными жителями выраженіемъ „продать душу".

вообще что либо похожее думалъ я встрѣтить и на рѣкѣ Свири, но ожиданія оказались совершенно напрасными: невода рѣки Свири, какъ оказалось, состоятъ изъ рабочихъ, работающихъ по найму, при чемъ, какъ расказываютъ крестьяне, чуть ли не всѣ ловли, начиная съ верховья рѣки Свири и до ея устья включительно, принадлежатъ одному сильному капиталисту; капиталъ такимъ образомъ является здѣсь ферментомъ, до того упрощающимъ организацію пользованія рѣкою, что она сводится къ одному найму рабочихъ.

На озерахъ, гдѣ рыба гуляетъ на просторѣ и не связана такими строгими правилами передвиженія, какъ въ рѣкѣ, какъ я уже сказалъ, нѣтъ раздѣленія на сгодья, здѣсь господствуетъ право свободной заимки: „кто гдѣ хочетъ, тамъ и волочитъ!" говорятъ крестьяне. „Кто попалъ, тотъ и панъ!" Исключеніе изъ этого правила дѣлается лишь на Ковжозерѣ Вытегорскаго уѣзда для „сябры", которая раньше выѣзда изъ дому назначаетъ мѣсто своей ловли, и туда уже никто не поѣдетъ. „Сяброю" въ Олонецкой губерніи зовется артель вообще, но среди рыбаковъ „сяброю" зовется лишь такая артель, въ которую вошло нѣсколько небольшихъ артелей со своими, напримѣръ, неводами; солидарность такихъ артелей выражается тѣмъ, что, ловя не рѣдко въ различныхъ мѣстахъ отдѣльными артелями, выручку онѣ все же дѣлятъ поровну сначала по числу участвовавшихъ неводовъ, а затѣмъ уже въ каждомъ неводѣ дѣлежъ производится между членами особо.

Такія соединенія, практикуемыя повсемѣстно между неводами, имѣютъ мѣсто, сравнительно впрочемъ рѣже, и между другими сѣтями; такъ, напримѣръ, на Ковжозерѣ, Вытегорскаго уѣзда, кромѣ „неводныхъ сябръ", бываютъ еще сябры при ловлѣ „курмами"; [1]) каждая отдѣльная курма, принадлежащая обыкновенно отдѣльному хозяину, ловитъ отдѣльно, но разъ рѣшено „ловить въ сябру", по окончаніи ловли всѣ курмы съѣзжаются въ одно мѣсто, и уловъ дѣлятъ между собою поровну: „разъ одному попадетъ плохо, комментируютъ это обыкновенно рыбаки, такъ другому попадетъ хорошо". Такимъ-то образомъ каждая артель получаетъ въ сябрѣ уловъ средней величины, тогда какъ при одиночномъ ловѣ разъ словила бы много, а другой разъ, пожалуй, и на уху не наловила бы.

На Водлозерѣ [2]) бываетъ сябра при ловлѣ „цапами" и даже

[1]) Тоже, что и „мережа"; описаніе—у Майнова: „Поѣздка въ Обонежье и Корелу", стр. 88.

[2]) Олон. Губ. Вѣд. 1872 г., № 41 П. П. Петровъ, ст. „Рыбная ловля на Водлозерѣ", ст. 445.

„мутниками“ [1]). Въ Вытегорскомъ уѣздѣ обыватели рѣки Сойды ѣздятъ для ловли рыбы на озерѣ Кемскомъ, при этомъ каждый рыбакъ ѣдетъ на своемъ собственномъ, осиновомъ, одновесельномъ челнѣ и со своею „сѣткою“. Сѣтки ставятся одна за другою вдоль берега такъ, чтобы онѣ образовали одну длинную стѣну; придвигая эту стѣну, выгнутую дугою, къ берегу, рыбаки разъѣзжаютъ на своихъ легкихъ челнахъ съ озерной стороны сѣтокъ и пугаютъ рыбу, стуча особаго рода палками—„торбалами“ по водѣ. Испуганная рыба, окруженная съ однихъ сторонъ дугообразною сѣтью, съ другихъ—берегомъ, бросается на стѣну и застрѣваетъ въ ячеяхъ сѣтокъ; дѣлежъ производится поровну между всѣми участниками. Количество участвующихъ въ такой сябрѣ неопредѣленное: „собралось три—хорошо, собралось пять—еще лучше, собралось 12—подавай Богъ!“

Благодаря подобнаго рода соединеніямъ, получаются „сябры“, напримѣръ, изъ 3-хъ рыбаковъ съ тремя „мережами“ (Логмозеро Петр. у.), изъ 3 или даже 12 рыбаковъ съ 3 и до 12 „сѣтокъ“ (рѣка Сойда), изъ 5 и 12 рыбаковъ съ 5 и 12 „гарвами“ [2]) (Логмозеро), изъ 4—6 рыбаковъ при 2 и 3 лѣтнихъ малыхъ неводахъ (Заонежье), изъ 8—12 рыбаковъ при 2 и 3 лѣтнихъ неводахъ и изъ 16 при 4 лѣтнихъ неводахъ (Логмозеро), изъ 24 при 2 зимнихъ неводахъ (Лачозеро) изъ 24—30 съ тремя зимними неводами (Ковжозеро Вытегорскаго уѣзда), изъ 30 съ 10 „керегодами“ [3]) (Лачъ) изъ 36 съ 9 неводами (Лачъ), изъ 30 и до 40 рыбаковъ съ 5 зимними неводами, какъ это имѣетъ мѣсто на Воезерѣ Каргопольскаго уѣзда. Участіе въ ловлѣ на Воезерѣ принимаютъ въ каждую зиму однѣ и тѣ же деревни цѣликомъ.

Въ то время какъ рыболовные снаряды бываютъ частные, семейные и „сложные“ („слога“—работа сообща усиліями нѣсколькихъ семействъ), встрѣчающіеся повсемѣстно и принадлежащіе обывателямъ часто различныхъ общинъ, бываютъ также снаряды, принадлежащіе одной или нѣсколькимъ деревнямъ или общинамъ цѣликомъ, но послѣднее случается сравнительно рѣже; „намъ, пишетъ Майновъ [4]), случилось видѣть такой неводъ только одинъ разъ: онъ принадлежалъ цѣлой деревнѣ, расположенной на берегу Выгозера“.

Въ Кондужахъ Вытегорскаго уѣзда также наблюдается рыболовство сообща у всей деревни. „Такой промыселъ, сообщаетъ

---

[1]) Майновъ, описаніе мутника, стр. 84.

[2]) Описаніе у Майнова, стр. 86.

[3]) „Поѣздка въ Обонежье и Корелу“, стр. 82.

[4]) Тамъ-же, стр. 77.

П. Минорскій [1]), имѣетъ каждая деревня сообща, и рѣдкое семейство не имѣетъ пая въ неводу, и тогда почти съ каждаго пая приходится отправлять на ночь человѣка на устье рѣки Мегры, гдѣ производится ловля". Чаще встрѣчаются общинные невода въ восточной части Олонецкой губерніи, гдѣ община сохранилась до нашихъ дней въ сравнительно болѣе цѣломъ видѣ, чѣмъ въ западной; на Мошинскомъ озерѣ, напр., соединяются въ артель иногда 2, 3 общины цѣликомъ, на Воезерѣ Каргопольскаго уѣзда и на Айнозерѣ Вытегорскаго—4 общины, а на Лекмозерѣ Каргопольскаго уѣзда даже 5 общинъ; иногда такія артели имѣютъ одинъ большой неводъ, иногда же нѣсколько неводовъ; такъ на Воезерѣ 4 общины имѣютъ 5 неводовъ, ловятъ ежегодно сообща, хотя и въ различныхъ мѣстахъ.

Такія-то артели, владѣющія нѣсколькими неводами или другими какими либо ловушками, въ отличіе отъ артелей, составляющихся для созданія одной какой либо ловушки изъ отдѣльныхъ взносовъ части сѣтки, веревокъ и проч., зовутся повсемѣстно, исключая озеро Лачъ („цѣпа") и оз. Кемскаго („мѣстовщина")—„сяброю"; отдѣльныя же артели при одной какой либо сѣткѣ зовутся по имени этой сѣтки; такъ, напр., артель съ однимъ неводомъ зовется „неводъ", съ однимъ „кереголомъ"—кереголъ и т. д., нерѣдко такую неводную артель зовутъ еще „складникомъ", или „складомъ" (Выгозеро, Кенозеро, Ковжозеро, Укшозеро, оз. Кемское, Мошинское и Онежское); при этомъ всѣ отдѣльные участники также зовутся не иначе, какъ „складникъ", т. е., участвующій въ складникѣ; лишь на Лекмозерѣ участвующіе зовутся „попайщиками", да въ артеляхъ с. Косельги „мальчиками", откуда и становится понятнымъ выраженіе: „по три рубля на мальчика". Мнѣ лишь на Айнозерѣ привелось услышать названіе такой артели „сяброю" [2]), да на Тудозерѣ, какъ сообщаетъ Г—й [3]), такая артель зовется „себрою". Что оттѣняется этими терминами—трудно сказать окончательно; быть можетъ, этимъ олончанинъ отличаетъ артель, составляющуюся по волѣ, отъ артели, составляющейся въ силу необходимости, въ силу экономической и физической невозможности распоряжаться большою сѣтью въ одиночку: иная сѣть, во первыхъ, стоитъ десятки рублей, а во вторыхъ, не можетъ быть ни опущена въ воду, ни вытащена однимъ челове-

---

[1]) „Вытегорскія Кондужи", стр. 19.

[2]) „Сяброю тамъ зовется и артель съ однимъ неводомъ, а также и то, что обыкновенно зовется рыбаками „сяброю".

[3]) „Рыболовныя артели на Вытегорскомъ устьѣ Онежскаго озера". „Живописн. Обозр." 1877 г., № 45.

комъ; то и другое можетъ сдѣлать или большая семья или иногда и очень не большая артель.

Какъ па „неводъ“, такъ на „керегодъ“ и „сябру“ олончанинъ смотритъ какъ на юридическую единицу, въ которой всѣ ингредіенты какъ бы растворились, давъ однородную реакцію. Вглядываясь въ организацію артели, мы видимъ, что это дѣйствительно нѣчто одно цѣлое, однородное; мы увидимъ, что чаще дѣла артели рѣшаются всею артелью; выборъ мѣста для ловли напр., хотя и исходитъ отъ ловца болѣе опытнаго, но зависитъ цѣликомъ отъ всей артели. Такимъ образомъ „большаки“ представляютъ собою функцію, регулируемую всею ассоціаціею; онъ такой расплывающійся ингредіентъ, какъ и всѣ прочіе артельщики, и оцѣнивается съ ними на равнѣ, не получая ни лишняго пая, ни „матицы“ по расшивкѣ невода, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ русскихъ рыболовныхъ артеляхъ другихъ губерній; „большакъ“ этотъ имѣетъ ни больше, ни меньше правъ сравнительно съ прочими; при предложеніи имъ какого либо мѣста для ловли, любой изъ участниковъ можетъ остановить его, сказавъ одно лишь слово: „зацѣпитъ“, слово, равносильное veto, и развѣ только на Тудозерѣ возраженія не допускаются [1]).

Часто бываетъ, что большаковъ въ артели совсѣмъ нѣтъ и всѣ дѣла рѣшаетъ общій совѣтъ артели, все равно—касается ли дѣло выбора мѣста для рыбной ловли, назначенія дня общей починки сѣтей (бывающей 2—3 раза въ зиму), а также прочихъ нуждъ. Бываетъ въ артели и два большака: одинъ на одномъ крылѣ невода, другой на другомъ; они смотрятъ, чтобы то и другое крыло равномѣрно подвигалось впередъ, и на дѣлѣ заправляетъ все же одинъ изъ нихъ, болѣе опытный; чаще это старикъ-рыбакъ, но бываетъ „и молодой да понятливый“.

Кромѣ того, что большакъ выбираетъ мѣсто, онъ является еще и довѣреннымъ лицомъ отъ артели: у него хранятся до дѣлежа деньги, а зимой и рыба на погребу; онъ „ходатель“ по дѣламъ артели, высоко держащій свое знамя, не позволяющій себѣ надуть ни покупателя, ни кого либо изъ своей артели; иначе, какъ говорятъ рыбаки, рыба „перестане поподать“.

Большакъ не избѣгаетъ и очередной спеціализаціи, хотя однако же преимущественно идетъ въ качествѣ „пешальника“; одни только личозерскіе старосты ограничиваютъ роль свою тѣмъ, что „торбаютъ“, т. е. стучатъ особо устроенною палкою по водѣ въ то время, когда неводъ вытягивается изъ-подо льда; но о нихъ поговоримъ особо, коснувшись закабаленности артелей.

[1]) „Живоп. Обозр.“ 1877 г., № 45.

Всѣ сѣти въ родѣ „калеги“, „керегода“, „вешн“, „бродца“, „мережи“, приблизительно, одинаковы по величинѣ по всѣмъ озерамъ губерніи; такъ, напр., „керегодъ“ почти одинаковой величины и на озерѣ Лачъ, и на Онежскомъ озерѣ и на другихъ; совсѣмъ другое дѣло неводъ. Величина невода, количество въ немъ участвующихъ, въ большинствѣ случаевъ имѣютъ соотношеніе съ глубиною или вообще величиною озера, исключеніемъ представляются лишь невода Онежскаго озера, которые не только не больше, но сравнительно съ неводами нѣкоторыхъ озеръ средней величины, напр., Лекшмозера, даже меньше величиною.

Лѣтніе невода, имѣющіе отъ 40 до 60 саж. длины, на Колодозерѣ Пудожскаго уѣзда управляются 4 человѣками; на Айнозерѣ Вытегорскаго уѣзда невода въ 60 саж. имѣютъ 4 участниковъ; на озерѣ Нименскомъ невода въ 70 с. имѣютъ 4 участниковъ; онежскій неводъ до 120 с.—5 участниковъ; зимніе невода Укшозера Петрозаводскаго уѣзда имѣютъ при 100 саж. длины 8 участниковъ; такіе же невода Колодозера имѣютъ столько же участниковъ; нименскіе зимніе невода при 150 саж. длины—12 участниковъ и т. д.; „керегодъ“, не имѣющій болѣе 90 саж. длины, посемѣстно управляется тремя человѣками (Ялгуба, Вознесенская прист., Кижи, Лачъ озеро, Ковжозеро); „боталки“ [1]) на Воезерѣ управляются 4—6 человѣками, изъ нихъ 2 человѣка стоятъ, одинъ на одномъ, другой на другомъ берегу и держатъ за канаты сѣть, перетянутую чрезъ рѣку, придавая ей по возможности вертикальное положеніе, а 2 или 4 человѣка, хлопая по водѣ „ботками“ [2]), загоняютъ „ельця“ [3]) въ сѣти; „курма“, „мерда“ и др. мелкія сѣти могутъ быть поставлены однимъ человѣкомъ.

Величина сѣти, не соотвѣтствующая ни глубинѣ, ни величинѣ озера, встрѣчающаяся въ силу традиціи, въ послѣднее время начинаетъ уступать мѣсто величинѣ большей; такъ, напр., прежде на Мошинскомъ озерѣ рыболовная артель съ маленькимъ зимнимъ неводомъ состояла изъ 8 человѣкъ, затѣмъ изъ 12 человѣкъ, а три года тому назадъ появилась артель уже изъ 16 человѣкъ съ неводомъ въ 240 саж. длины и до 7—8 саж. вышиною; пока такихъ большихъ артелей на Мошинскомъ озерѣ одна, но ея удачныя ловли на мѣстахъ глубокихъ ручаются за то, что это общество пустить здѣсь свои корни и глубже.

Экспедиція Данилевскаго констатируетъ на Лекшмозерѣ Каргопольскаго уѣзда невода съ артелями въ 20 участниковъ, и дѣй-

---

[1]) Тоже, что и „калега“; опис. у Майнова, стр. 86.
[2]) Палка съ утолщеннымъ концомъ.
[3]) Головень—елецъ.

ствительно такія артели тогда здѣсь и были, но съ недавняго времени здѣсь возникли артели въ 24—28 человѣкъ съ неводомъ 300 сажень длиною и до 7—8 саженъ вышиною, съ неводомъ, которому нѣтъ равнаго по величинѣ ни на одномъ изъ озеръ Олонецкаго края.

Единственнымъ примѣромъ уменьшенія количества участвующихъ въ артели до сихъ поръ является артель Ежесельги Петрозаводскаго уѣзда: эта лѣтняя неводная артель состояла прежде изъ 6 человѣкъ, теперь же, благодаря несогласіямъ, артель сократилась до 3, и умудренные опытомъ артельщики говорятъ: „артель поменьше — не хуже: несогласій меньше; а какъ много — одинъ другаго укоряетъ, что мало работаетъ и ссорятся".

Взносъ при вступленіи въ артель деньгами производится лишь одною неводною артелью Ежесельги, при чемъ соблюдается такое правило: положимъ, что артель, состоящая изъ 3-хъ человѣкъ, имѣетъ избушку для сушки сѣтей и прочихъ снарядовъ въ общей сложности на 200 р.; въ такомъ случаѣ вступающій 4-й артельщикъ вноситъ деньгами столько, сколько приходилось бы на его пай, если бы онъ уже былъ членомъ этой артели движимаго имущества и недвижимаго, то есть, $^{200}/_{4}$ или 50 рублей; деньги эти согласно уговору могутъ быть внесены или заразъ или въ разсрочку; во всѣхъ послѣдующихъ пріобрѣтеніяхъ вступившій участвуетъ наравнѣ съ прочими. Во всѣхъ прочихъ артеляхъ края деньги вносятся лишь на покупку веревокъ, весь же остальной взносъ производится прямо принадлежностями лова, напр., сѣтями; при этомъ каждый обязанъ на своей паевой части нацѣпить необходимые грузы, поплавки и проч., а также, въ случаѣ если его часть порвется во время лова, онъ обязанъ чинить ее единолично, потому что общая починка невода производится лишь 2—3 раза въ зиму; тогда артель или отдаетъ неводъ въ починку на сторону какому либо мастеру и раскладаваетъ расходъ по паямъ, или чинитъ его сама въ полномъ своемъ составѣ. Если случится, что чей либо паевой кусокъ невода оторвется совсѣмъ или изорвется такъ, что станетъ уже негоднымъ къ лову, то, напр., въ Ялгубѣ Петрозаводскаго уѣзда (керегодныя артели) хозяинъ ея лишается пая и можетъ быть принятымъ въ артель лишь въ томъ случаѣ, если онъ замѣнитъ утерянную сѣть новою; въ другихъ мѣстахъ артельщикъ, не смотря на отсутствіе сѣти, продолжаетъ посѣщать ловлю и, участвуя въ артели уже однимъ трудомъ, получаетъ равный съ прочими пай; срокъ такого положенія въ артели опредѣляется обыкновенно въ нѣсколько дней; въ артеляхъ

озера Лачъ на обзаведеніе сѣтью дается по уговору одна или двѣ недѣли; въ артеляхъ Лекшмозера дается срокъ въ 2 недѣли, при этомъ говорятъ, что „въ неводѣ въ 300 саж. одного пая и не знать!", т. е., не замѣтно, есть ли онъ или нѣтъ. По окончаніи даннаго срока артельщикъ или вноситъ сѣть, или замѣняется другимъ лицомъ; однѣ только артели Логмозера при „гарвахъ" въ такихъ случаяхъ не требуютъ новаго взноса и продолжаютъ давать потерпѣвшему полный пай до окончанія сезона. Такимъ образомъ артель Логмозера за одно уже участіе трудомъ беретъ на себя ущербъ своего товарища.

Взносъ сѣтей въ общій неводъ въ различныхъ мѣстахъ дѣлается различно, при этомъ въ большинствѣ случаевъ какъ самую „матицу", такъ и крылья плететъ сама артель, распредѣляя по паямъ, такъ что, напр., одни плетутъ матицу, другіе крылья къ ней, или всѣ вяжутъ по части матицы и по части крыла, или всѣ вяжутъ по части крыла, а матицу пріобрѣтаютъ на общій счетъ.

На Выгозерѣ, напр., 2 участника въ лѣтнемъ неводѣ—„складникѣ" взносъ сѣтей распредѣляютъ такимъ образомъ: одинъ плететъ одно крыло невода, другой—другое, кромѣ того каждый запасается своею собственною матицею; благодаря этому на первую половину осени къ однимъ и тѣмъ же крыльямъ пришивается одна, на вторую половину—другая; если же который либо изъ участниковъ не имѣетъ матицы, то онъ или доставляетъ для ловли лодку [1]) или, если лодка общая, ловля всю осень производится одною и тою же матицею, не имѣющій же матицы платитъ своему товарищу по 60 коп.. за каждую недѣлю своей очереди.

На Укшозерѣ, Кончезерѣ, Пертозерѣ Петрозаводскаго уѣзда какъ требуемыя снасти, такъ и все прочее для невода взносится поровну по предварительному уговору, кому что вязать: кому „окнейки" (частая сѣть, прикрѣпляющаяся непосредственно къ матицѣ), кому „заринья" (болѣе рѣдкая сѣть, слѣдующая за „окнейкомъ"), кому „рѣдкія" (самая рѣдкая крайняя сѣть), кому матицу или, какъ тамъ ее зовутъ, „кнею". При этомъ бываетъ много варіацій, одна изъ которыхъ состоитъ въ томъ, что 4 человѣка вяжутъ „кнею", два остальные клинья къ ней, затѣмъ всѣ какъ вязавшіе клинья, такъ и вязавшіе кнею вносятъ еще по куску крыла.

---

[1]) На Ходкозерѣ, Пудожскаго уѣзда, какъ сообщилъ мнѣ лично Н. Н. Харузинъ, точно также одинъ доставляетъ лодку, другой матицу, и уловъ дѣлится поровну.

Въ лѣтнемъ неводѣ на Ковжозерѣ Вытегорскаго уѣзда, состоящемъ изъ 4-хъ человѣкъ, изъ коихъ обыкновенно два хозяина и два работника, хозяева плетутъ по половинѣ матицы и по одному крылу.

Въ лѣтнемъ неводѣ на Айнозерѣ того же уѣзда 4 участника плетутъ по 10 саж. крыла, затѣмъ изъ 4-хъ клиньевъ, связанныхъ отдѣльными участниками, составляется матица.

Въ осеннихъ артеляхъ с. Ошты Лодейнопольскаго уѣзда и с. Косельги Петрозаводскаго, состоящихъ изъ 18 человѣкъ, 10 плетутъ кнею, остальные же по десяти сажень крыла, кромѣ того всѣ вносятъ еще по 10 сажень крыла; такимъ образомъ артельщики дѣлятся на внесшихъ по 20 саженей крыла и на внесшихъ только 10 сажень крыла, но вязавшихъ кромѣ того еще матицу; одно считается приблизительно равнымъ другому.

Въ зимнихъ неводныхъ артеляхъ Айнозера четверо изъ 8 участниковъ плетутъ кнею, кромѣ того всѣ вносятъ по 10 сажень крыла; вносъ 10 сажень для лицъ, вязавшихъ кнею, не обязателенъ, но разрѣшается, и тогда они получаютъ уже пай, а два: пай на часть кнеи и пай на часть крыла.

Въ керегодныхъ артеляхъ Косельги и Кижъ (Петрозаводскаго уѣзда) двое участниковъ плетутъ по одному крылу, а третій плететъ кнею, и такое распредѣленіе считается справедливымъ.

Нѣкоторые изъ артелей не плетутъ матицу сами, но или берутъ ее на прокатъ, или покупаютъ, или отдаютъ кому нибудь вязать, распредѣляя между собою какъ денежные, такъ и нитяные или пеньковые взносы попайно; такъ, напр., въ лѣтнемъ неводѣ на озерѣ Лачъ 4 участника вносятъ по 5 „рѣдкихъ“ и по 2 „частыхъ“ сѣти, а матицу покупаютъ сообща за 17 р., 20 р., 25 р.; по окончаніи ловли матица эта продается, и деньги дѣлятся между пайщиками.

На мошинскомъ озерѣ и на Лекшмозерѣ матицу отдаютъ кому либо вязать [1]), представляя извѣстное количество пряжи попайно. По окончаніи сезона матица или продается, или оставляется

[1]) Въ Олонецкой губерніи встрѣчаются люди, спеціально занимающіеся плетеніемъ сѣтей; они обыкновенно совершаютъ переходы изъ одной мѣстности въ другую, подобно кирпичникамъ, сапожникамъ, портнымъ и прочему странствующему ремесленному люду; случается, что, найдя мѣсто побогаче работою, они переселяются туда со своей родины, подобно тому, какъ напр., старикъ Семенъ Боталинъ переселился съ Лекшмозера на оз. Нименское; раньше онъ лишь заходилъ туда, а теперь живетъ постоянно и занятъ плетеніемъ сѣтей какъ для обывателей озера Нименскаго, такъ и прочихъ сосѣднихъ съ нимъ озеръ.

до слѣдующей ловли или въ случаѣ нужды закладывается кулаку; на Лекшмозерѣ, гдѣ артель очень постоянна, матица сохраняется до тѣхъ поръ, пока ею еще можно ловить; случается иногда, что нуженъ хлѣбъ, и вотъ матицу отдаютъ „за хлѣбъ", но непремѣнно кому либо изъ артельщиковъ же своихъ побогаче; онъ осенью, возвращая артели сѣть, „столько же, сколько далъ, вычтетъ *по-братски*"; вычетъ при этомъ производится не заразъ, а сообразно съ уловомъ.

На Ковжозерѣ или сами вяжутъ матицу, или берутъ ее на пользованіе, платя за осень по 25—50 коп. съ человѣка.

Кромѣ взноса сѣтей, необходима еще, напримѣръ, для лѣтней ловли лодка, а также избушка для просушиванія сѣтей; лодка обыкновенно общая; но если, напримѣръ, одинъ имѣетъ лодку, а другой сѣть, все равно будетъ ли это „мутникъ", „кeрегодъ", „калега" или что другое, то добычу дѣлятъ поровну; избушка строится часто цѣлою артелью на берегу близъ излюбленныхъ мѣстъ ловли [1]); въ ней не рѣдко устраивается печь съ большимъ подомъ, на которомъ сушатъ рыбу. На восточномъ берегу оз. Лачъ считается до 60 избушекъ какъ принадлежащихъ артелямъ, такъ и частнымъ лицамъ; не доѣхавшій до своей собственной избушки можетъ остановиться въ любой изъ чужихъ избушекъ, топить печь и сушить рыбу. Такимъ образомъ онъ распоряжается всякой избушкой, если знаетъ, что хозяинъ ея не выѣзжалъ въ этотъ день, но только на своемъ берегу; на чужомъ берегу нужно испросить на то позволеніе хозяина избушки. Сушка рыбы производится не рѣдко безъ предварительнаго дѣлежа улова, дѣлежъ же производится послѣ сушеною рыбою; не менѣе интересно также артельное приготовленіе въ прокъ рыбы, производимое рыбаками Заонежья: при богатыхъ уловахъ, чтобы рыба не испортилась, рыбаки покупаютъ артелью ушаты, шайки, боченки, соль и солятъ уловъ; до копченія еще не додумались.

При зимней ловлѣ необходимы лошади для перевозки сѣтей и другихъ орудій ловли отъ одной тони къ другой; лошадь рѣдко употребляется при рыбной ловлѣ для чего либо другаго, кромѣ этой перевозки, развѣ впрягутъ иногда въ стоячій воротъ, чтобы помочь рыбакамъ тащить изъ воды неводъ, какъ это практикуется на р. Свири и Ковжозерѣ. Лошади со всею сбруею, санями представляются поочередно то тѣми, то другими пайщиками, въ од-

[1]) Въ избушкахъ часто сушатся сѣти и артель спокойно уходитъ домой; лишь въ мѣстахъ, гдѣ много народу пришлаго, нанимается какой либо караульный—старикъ за 3—5 руб. въ мѣсяцъ.

нихъ мѣстахъ по 2 лошади въ день (оз. Лачъ, Заонежье, Укшозеро и многія другія озера), по 3 (Ковжозеро), а на Лекшмозерѣ, благодаря громадности невода—6 лошадей въ день. По отношенію къ этой повинности пайщики дѣлятся попарно, по тройкамъ или шестеркамъ. Безлошадные обыватели на малорыбныхъ озерахъ, считая для себя невыгоднымъ наемъ лошадей, въ артель не вступаютъ; поденная плата за лошадь простирается отъ 15—20 к. (восточный берегъ озера Лачъ) до 30, 40, 50 к. (Айнозеро, Выгозеро, Мошинское оз. и другія) и 60 к. (западный берегъ озера Лачъ) [1]) и можетъ колебаться „по погодѣ и по ѣздѣ глядя".

Изо всѣхъ видовъ рыбной ловли большаго вниманія заслуживаетъ ловля неводомъ въ зимнее время; она ведется на большинствѣ озеръ; исключеніе представляютъ Ухтозеро Вытегорскаго уѣзда, Айнозеро, отчасти Онежское и нѣкоторыя другія: въ однихъ мѣстахъ трудная зимняя ловля замѣняется извозомъ, вывозкою бревенъ, отхожими промыслами, въ другихъ вину сваливаютъ на слишкомъ толстый ледъ. Зимній способъ ловли представляетъ собою сложнѣйшую организацію сравнительно со всѣми прочими способами ловли. Кромѣ взноса сѣтями и снастями здѣсь требуются жерди, вилы, доставка лошадей и проч.

Если въ лѣтнемъ неводѣ нѣтъ спеціализаціи, кромѣ развѣ раздѣленія на гребцовъ и „тяглецовъ" [2]), такъ въ зимнемъ необходимо раздѣленіе на „пешальниковъ" (рубящихъ во льду проруби), на „жердогоновъ" (прогоняющихъ снастью невода), „лямочниковъ" и т. д. Спеціальности эти не одинаково легки; поэтому, если бы спеціализацію провести до конца, т. е. оставить ее положомъ на всю зиму, то неравномѣрный трудъ отдѣльныхъ артельщиковъ потребовалъ бы распредѣленія артельнаго заработка сообразно съ количествомъ энергіи, затраченной каждымъ отдѣльнымъ лицомъ; артель попала бы въ темную область опредѣленія величины мускульной затраты каждаго изъ участниковъ; это постоянно вызывало бы пререканія между спеціалистами, явилась бы масса недовольныхъ. Всѣ эти могущіе возникнуть безпорядки по возможности предупреждены въ артеляхъ очередною спеціализаціею, дѣлающею то, что вчерашній „жердогонъ" дѣлается сегодня „пешальникомъ", вчерашній „пешальникъ"—„лямочникомъ" [3]) и т. д. Этотъ переходъ отъ одной спеціальности къ другой дѣлается съ

---

[1]) Разницу въ цѣнѣ, наблюдаемую между восточнымъ и западнымъ берегомъ озера Лачъ, крестьяне объясняютъ тѣмъ, что „Тихманга стоитъ на почтовухѣ, а Ольга въ усторонкѣ".

[2]) Лицо, которое, сидя на кормѣ, тянетъ неводъ изъ воды.

[3]) Обязательно являться съ необходимыми орудіями.

тѣмъ большею легкостью, что всѣ спеціальности не требуютъ большой эрудиціи и понятны каждому артельщику чуть не „съ измальства“; мало того, очередь вовсе не строга, допускаетъ соглашенія, слѣдовательно жалоба о томъ, что одинъ мало дѣлалъ, а другой много, не могутъ быть основательными.

Очереди не избѣгаютъ и „большаки“, но они идутъ больше въ качествѣ „пешальника“. Интересно, что на озерѣ Лачъ „при ловлѣ рыбы предъ праздниками Введенія, Николая Чудотворца, Рождества Христова и Новаго года, ловецъ, прогнавшій первымъ жердь подъ льдомъ, считается въ артели первымъ и въ праздникъ занимаетъ между товарищами самое почетное мѣсто; съ него и угощеніе начинается“ [1]).

Зимняя неводная ловля бываетъ днемъ, тогда какъ лѣтняя больше ночью; при этомъ, напримѣръ, Ялгубскія кперегодныя артели успѣваютъ вытаскивать до 20 тонь въ одну ночь; такое большое количество тонь объясняется тѣмъ, что лѣтніе невода кере-годы не велики, значитъ не требуютъ большаго количества времени на закидываніе и вытягиваніе; зимній же неводъ, требующій кромѣ очень медленнаго и труднаго опусканія сѣтей въ воду, вытягиванія, еще рубку прорубей, требуетъ на одну тоню отъ 4-хъ часовъ и болѣе, смотря по величинѣ невода, количеству участвующихъ и толщинѣ льда; поэтому зимній неводъ, начиная отъ 4 ч. утра (оз. Лачъ) или 6 (Ковжозеро) или отъ разсвѣта и до темнаго времени, позволяетъ сдѣлать не болѣе 2 (Ковжозеро, оз. Лачъ при толстомъ льду), 3, 4 (Лачъ при тонкомъ льду, Заонежье и многія другія озера), 5 тонь (артели Ошты и Косельги, ловящія пока ледъ тонокъ) въ одинъ зимній день.

Наловленная артелью рыба дѣлится чаще не деньгами, а рыбою, даже при дѣлежѣ деньгами часть улова дѣлится между участниками, какъ говорятъ, „на варю“, т. е. чтобы хватило сварить на семью; для этого назначается обыкновенно рыба мелкая, и лишь одни рыбаки оз. Лачъ берутъ себѣ „на варю“, какъ пишетъ Карачевъ [2]), лучшую рыбу; но во-первыхъ это дѣлается ими лишь во время пребыванія въ избушкахъ на берегу озера, во вторыхъ вся артель беретъ въ этомъ случаѣ лишь одну „варю“; для „варки“ домой дается рыба мелкая, кромѣ того еще налимы, которые не продаются, а дѣлятся по рукамъ.

По отношенію къ способу дѣлежа всѣ артели можно подѣлить

[1]) Олон. Губ. Вѣд. 1869 г., № 92. Карачевъ, „Рыбная ловля на озерѣ Лачъ“, стр. 977.

[2]) Тамъ-же.

вообще на три категоріи: 1) на дѣлящихъ исключительно рыбою, 2) на дѣлящихъ и рыбою и деньгами, смотря по уговору между собою, 3) на дѣлящихъ исключительно деньгами („не рыбу ловятъ, а деньги ловятъ“ говорятъ о рыбакахъ оз. Лачъ); вторая и третья форма, а иногда и всѣ три вмѣстѣ встрѣчаются на одномъ и томъ же озерѣ.

При дѣлежѣ рыбою каждый пайщикъ или съѣдаетъ со своею семьею доставшійся ему пай, или продаетъ его, или отдаетъ своему кредитору въ уплату долга; при дележѣ деньгами рыбу продаютъ сообща кому угодно изъ покупателей, лишь бы продать повыгоднѣе; исключеніе представляютъ лишь артели Укшозера и оз. Лачъ: на первомъ предпочитаютъ продавать рыбу своимъ „маркитанамъ [1]), на второмъ по установившемуся коренному обычаю продажа не допускается не только по отношенію къ постороннимъ общинѣ лицамъ, но даже и къ своимъ однообщинникамъ; продается рыба лишь кому либо изъ рыбаковъ же, а тотъ уже перепродаетъ рыбу скупщикамъ большею частью Кириловскаго уѣзда.

Дѣлежъ рыбы не рѣдко производится на глазомѣръ, и не смотря на то, что рыба особенно мелкая, привозится оледенѣвшею, комками какими то, какъ артельщики, такъ и покупатели рѣдко ошибутся въ вѣсѣ; приступая къ дѣлежу, артельщики раскладываютъ рыбу на отдѣльныя кучки и производятъ жеребьевку; такъ на Мошинскомъ озерѣ вся рыба раскладывается первоначально на 2 большія кучи, затѣмъ вырѣзываются двѣ щепочки, одна нѣсколько длиннѣе другой, и ихъ берутъ не глядя два представителя, одинъ одного, другой другого крыла невода; такимъ образомъ одно крыло получаетъ одну кучу, другое другую; участники каждаго крыла въ свою очередь дѣлятъ доставшуюся имъ кучу по поламъ, сами дѣлятся на двѣ группы и бросаютъ опять жребій; эти кучки, представляющія въ отдѣльности 1/4 улова, дѣлятся опять пополамъ, опять бросается жребій и т. д. Количество жеребьевыхъ щепочекъ увеличивается по мѣрѣ увеличенія количества кучъ и рѣшаетъ въ концѣ концовъ величину паевыхъ получекъ. Г-нъ Г—ій сообщаетъ [2]), что на Тудозерѣ практикуется раскладываніе рыбы на кучи и производится жеребьевка, но какъ все это производится, г. Г—ій, къ сожалѣнію, не сообщаетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно при лѣтней ловлѣ, дѣлежъ производится ков-

[1]) Скупщики рыбы; при покупкѣ рыбы, напр., на Лекшмозерѣ рыба продается кому либо одному, а тотъ уже платитъ отъ себя всѣмъ пріѣхавшимъ для закупки же рыбы по 10 или 20, т. н. „лаза“.

[2]) „Живописное Обозр.“ 1877 г., № 45.

шами, иногда корзинами (Заонежье, Лекмозеро), а на Водлозерѣ Пудожскаго уѣзда; пишетъ П. П. Петровъ [1]), рыбу дѣлятъ особо имѣемою для этого мѣркою, которая и зовется „дѣловухою". Крупную, цѣнную рыбу дѣлятъ вѣсомъ, а при маломъ уловѣ и счетомъ; при этомъ на Выгозерѣ и въ Заонежьѣ практикуется даже разрѣзаніе рыбы на части въ томъ случаѣ, если количество рыбъ не дѣлится безъ остатка на количество участвующихъ въ ловлѣ; на другихъ озерахъ разрѣзаніе обходятъ тѣмъ, что получающій пай соглашается вмѣсто одной большой рыбы взять нѣсколько рыбокъ меньшей величины; при этомъ если попадетъ одна особенно крупная рыба, то беретъ ее одинъ кто либо, въ слѣдующихъ же уловахъ берутъ другіе поочередно.

Дѣлежъ рыбы никогда не производился по количеству участвующихъ въ неводѣ, а по количеству внесенныхъ паевъ, 1) потому что иногда одинъ участникъ вноситъ 2 пая, 2) потому что не рѣдко одинъ пай вносится нѣсколькими „маломощными"; взносъ одного пая двумя очень распространенъ по Олонецкому краю, взносъ одного пая тремя практикуется на Лекмозерѣ, Ковжозерѣ, Логмозерѣ (Петроз. уѣзда), Кончезерѣ и оз. Лачъ (на восточномъ берегу), четверо одинъ пай вносятъ на Тудозерѣ; внесшіе такой артельный пай посѣщаютъ ловлю поочередно; при этомъ на Лекмозерѣ, гдѣ иногда 3 рыбака вносятъ лишь 2 пая, соблюдается чередованіе такого рода: въ первую смѣну идутъ на озеро первый и второй, во вторую смѣну—второй и третій, въ третью—третій и первый, такимъ образомъ въ каждыхъ трехъ смѣнахъ каждый участникъ отбываетъ 2 очереди.

Дѣлежъ рыбою производится ежедневно, а въ Заонежьѣ даже 2 раза въ день, т. е. при каждомъ перерывѣ ловли; только зимою или при малыхъ лѣтнихъ ловляхъ рыба нѣсколько дней сохраняется на погребу; дѣлежъ денегъ бываетъ всегда чрезъ недѣлю и лишь при неудачныхъ ловахъ, давшихъ малую выручку, дѣлежъ откладывается до слѣдующаго раза; деньги въ такихъ случаяхъ хранятся обыкновенно у „большака" или вообще у кого либо изъ артели, у человѣка болѣе честнаго и трезваго.

Кромѣ паевъ, распредѣленныхъ между участниками по паевымъ взносамъ, въ нѣкоторыхъ артеляхъ выдѣляется еще цѣлый пай или извѣстная часть добычи, употребляемые артелью на особый случай, такъ напримѣръ, на оз. Лачъ зимніе невода дѣлятъ добычу постоянно не по одному количеству внесенныхъ паевъ, а выдѣляютъ еще одинъ пай на церковь, „Николѣ угоднику", за

[1]) Олон. Губ. Вѣд., 1872 г. № 41.

храненіе артели на водахъ: пай этотъ послѣ каждаго дѣлежа сдается въ церковь и доходитъ до 150—400 р. въ годъ [1]); остатки той же древней церковной десятины сохранились также и на Лекшмозерѣ: тамъ пай откладывается точно также, но до Пасхи хранится у „большака" артели, на Пасхѣ вся артель собирается въ церковь Петра и Павла, служитъ молебенъ и сдаетъ „церковный пай" по принадлежности; на оз. Лачъ также сдаются въ церковь и тѣ остатки при дѣлежѣ денегъ, которые нельзя подѣлить между всѣми поровну; такъ напримѣръ, 10, 15, 20 коп., въ Ольскомъ обществѣ, что на восточномъ берегу того же озера; въ церковь же поступаютъ всѣ штрафы, налагаемые за неявку на ловлю.

Ни одна артель не откажетъ дать бѣднякомъ „на варю" мелкой рыбы, но выдѣленія пая „на бѣдныхъ — встрѣтить который я ожидалъ еще до пріѣзда моего на озерѣ Лачъ, вѣря разсказамъ ямщиковъ и содержателей станціи Вытегорско-Каргопольскаго тракта — не существуетъ. Пріѣхавъ на оз. Лачъ, я тщетно искалъ этотъ пай и въ неводахъ и въ керегодахъ, но за то натолкнулся на такъ называемыхъ „бранниковъ", представляющихъ аналогію съ „кошевниками", озера Пейпусъ, съ тою лишь разницею, что здѣсь берутъ рыбу со всего крыла, не останавливаясь тогда, когда остается только 20 саж. до матицы, какъ дѣлаютъ нищіе на оз. Пейпусъ. Кромѣ этого интересно также отношеніе нищихъ г. Каргополя къ керегоднымъ артелямъ озера Лачъ: рыбаки оз. Лачъ, пріѣзжая въ г. Каргополь для продажи рыбы, всегда останавливаются въ извѣстныхъ мѣстахъ; нищіе прекрасно знаютъ эти мѣста, а также приблизительно и время пріѣзда рыбаковъ; поэтому лишь только лодка рыбаковъ подойдетъ къ берегу, какъ толпа давно уже поджидавшихъ ее нищихъ бросается къ лодкѣ, хватаетъ за что кому придется и, хопая своими опорками по водѣ, дружно вытаскиваетъ на берегъ, часто съ рыбаками, неуспѣвшими заблаговременно выскочить изъ лодки.

Существованіе этого обычая обусловливается тѣмъ, что пріѣхавшимъ рыбакамъ, коихъ обыкновено 3 человѣка, не подъ силу вытащить на берегъ лодку, нагруженную рыбою; между тѣмъ, прежде чѣмъ приступить къ продажѣ, ради удобствъ какъ покупателей, такъ и самихъ торгующихъ, необходимо вытащить на берегъ лодку цѣликомъ; не помоги нищіе, рыбакамъ каждый разъ приходилось бы тратить время на подыскавіе помощи. Такимъ образомъ, обычай этотъ на руку какъ нищимъ, такъ и рыбакамъ и

---

1) По словамъ Карачева отъ 150 до 300 р Олон. Губ. Вѣд. 1869 г. № 92.

публикѣ каргопольской: первые за доставленіе удобствъ тѣмъ и другимъ получаютъ возможность полакомиться ухою изъ свѣжей рыбы, рыбакамъ не приходится опасаться быть опрокинутыми торопливою публикою въ р. Онегу, какъ это могло бы случиться, если бы распродажа производилась не на берегу, а на водѣ; публика въ свою очередь избѣгаетъ всѣхъ непріятностей, могущихъ случиться при переходахъ съ пристани въ лодку и обратно.

Въ нѣкоторыхъ артеляхъ часть добычи при особенно богатомъ уловѣ идетъ на общую пирушку, при чемъ покупается и водка (артели Ошты Лодейнопольскаго уѣзда и Укшозера); на оз. Лачъ при каждомъ дѣлежѣ денегъ, бывающимъ обыкновенно въ воскресенье, изъ общей суммы выдѣляется отъ 50 к. до 1 р. на калачи, которые тутъ же и съѣдаются [1]). Угощеній, устраиваемыхъ по поводу какого либо праздника, исключая оз. Лачъ, нигдѣ, на сколько мнѣ пришлось убѣдиться, не бываетъ. На оз. Лачъ, передаетъ Карачевъ [2]), „Новый годъ празднуется выпивкою и обѣдомъ. Для этой цѣли ловецкому старостѣ отдается изъ улова значительное количество самой хорошей рыбы на пироги (рыбники) и уху. Кромѣ того артель— „цѣпа“ съ 24 человѣками покупаетъ ведро или два водки. Напившись и наѣвшись, ловцы отправляются на средину волости (погоста) поразгуляться и, столкнувшись съ артелью другою „цѣпа“, начинаютъ судить да рядить выгоды рыбной ловли въ той и другой артели, хвастаютъ другъ предъ другомъ и хулятъ неудачу ловцовъ другого „цѣпа“. Нерѣдко такія сходки и пересуды оканчиваются бранью, потасовкою или дракою; но съ обиженной стороны никогда не вчинается за это судебныхъ дѣлъ“. Вообще тихманьгскія артели не отказываютъ себѣ въ удовольствіи: „ловцы, возвращаясь съ озера, читаемъ мы у того же Карачева [3]), варятъ для себя лучшую рыбу и при томъ въ такомъ количествѣ, что кормятъ и постороннихъ. Свареная рыба вываливается изъ котла на „кару“, т. е. большую четыреугольную, деревянную доску въ родѣ противня; четверо ловцовъ, поднимая кару вверхъ троекратно, приговариваютъ: „пошли, Господи! пошли, Господи! пошли, Господи!“

На другихъ озерахъ рыбаки варятъ себѣ мелкую рыбу, пирушекъ періодическихъ не устраиваютъ, экстренныя пирушки тоже рѣдки; празднуется лишь начало ловли; при этомъ рыбаки служатъ молебенъ, молятся, „чтобы не измѣнить неводу“; затѣмъ

[1]) Олон. Губ. Вѣд. 1869 г., № 92, стр. 977.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же, стр. 978.

собираются въ какой либо хатѣ для „свёрыванія невода“, т. е. сшиванія отдѣльныхъ паевыхъ кусковъ. При „свёрываніи“, напримѣръ, на Укшозерѣ, покупаютъ рыбы; варятъ уху и пьютъ водку; на озерѣ Лачъ водки не пьютъ, но варятъ кашу и ѣдятъ пряники; та-же артель изъ обывателей озера Лачъ, странствующая по Вытегорскому уѣзду, наступленіе ловли также празднуетъ кашею; но вмѣсто того, чтобы лакомиться пряниками, пьетъ уже чай и водку.—Кромѣ пира при сшиваніи сѣтей, артели озера Лачъ празднуютъ еще пиръ близъ Лебяжьей пустыни, куда артели Тихманги ежегодно ѣздятъ предъ тѣмъ, какъ начать ловлю; изъ дому каждый беретъ съ собою съѣстнаго, а, кромѣ того, складываются еще по 30 коп. на водку. На Айнозерѣ при сшиваніи сѣтей никакого пира не бываетъ, но соберутся, сошьютъ неводъ, перекрестятся и вынесутъ его на улицу; выносятъ всѣ присутствующіе безъ исключенія; для того же, „чтобы злые люди не испортили дѣла“, неводъ переносятъ и сами стараются шагать чрезъ горшки, наполненные тлѣющими угольями; на угли положены „призорныя травы“; окуренный дымомъ отъ этихъ травъ неводъ считается застрахованнымъ отъ вліянія всякаго рода недоброжелательствъ, и въ артель послѣ этого никто уже не принимается.

При расшивкѣ невода лишь на Ковжозерѣ выпивается полведра водки, во всѣхъ прочихъ артеляхъ расшивка не празднуется.

Замѣтимъ въ заключеніе, что всѣ описанныя празднованія пріурочиваются къ зимней ловлѣ, при лѣтней ловлѣ пирушекъ не бываетъ.

Во всѣ рыболовныя артели Олонецкаго края пайщики входятъ съ общаго согласія артели; исключеніе представляютъ лишь артели озера Лачъ (Тихманги), гдѣ староста-кулакъ набираетъ себѣ артель изъ своихъ должниковъ. Артель принимаетъ въ свою среду всякаго, лишь-бы онъ не былъ буяномъ, горькимъ пьяницею, лѣнтяемъ или воромъ; при этомъ артель чужда всякаго племеннаго, общиннаго, кастоваго антагонизма; она приметъ въ свою среду и Чудина и Корела (артели озера Укшозера) [1]), и члена чужой общины, и сельскаго учителя, и дьячка и т. п., лишь бы онъ удовлетворялъ требованіямъ артели. Такого принципа артель держится теперь, да, повидимому, держалась и прежде, „Акты историческіе“ [2]) передаютъ намъ, что на рѣкѣ Водлѣ (Пудожскаго уѣзда) въ Меневскомъ порогѣ ловили вмѣстѣ крестьяне Пу-

[1]) См. мою статью: „Поѣздка на Укшозеро“. Ол. Губ. Вѣд. 1888 г. № 7.
[2]) Акты Историч. ,т. III, № 75.

ложскаго погоста и Юрьевъ монастырь; по писцовой книгѣ Сабурова 7004 года крестьяне имѣли $43\frac{1}{2}$ „мерды", а монастырь $21\frac{1}{2}$.

Артельщики, по большей части, принадлежатъ къ различнымъ общинамъ, и постановленія продавать уловъ непремѣнно кому либо изъ однообщинниковъ, какъ это встрѣчается въ другихъ уголкахъ нашей имперіи, здѣсь мы не встрѣчаемъ; артели озера Лачъ продаютъ свой уловъ не однообщиннику непремѣнно; а кому либо изъ рыбаковъ же, а тотъ уже продаетъ рыбу обыкновенно скупщикамъ Кириловскаго уѣзда, артели Укшозера продаютъ „маркитанамъ", но скорѣе потому, что берутъ у нихъ въ долгъ; всѣ прочія артели продаютъ кому угодно, лишь бы продать повыгоднѣе.

Артельщики не связываются никакими письменными обязательствами; связь чисто нравственная; нѣкоторыя артели предъ началомъ ловли служатъ молебенъ и молятся, „чтобы не измѣнить неводу„; артельщикъ можетъ уйти изъ артели, продавъ, передавъ кому либо или отшивши свой паевой кусокъ сѣти, или поставивъ вмѣсто себя работника. Каждый артельщикъ обязанъ блюсти интерены артели и потому доводить до свѣдѣнія всей артели о дѣйствіяхъ товарищей, направленныхъ такъ или иначе во вредъ артели; провинившагося иногда поколотятъ, „да онъ и въ люди не сказываетъ"; артель же миритъ поссорившагося и только въ крайнемъ случаѣ обращается къ сходу. Вообще для артели нуженъ народъ „умильной": „съ неумильнымъ бѣда! пойдутъ упреки, брань, а тутъ недалече и до драки". Если въ артель и придется взять человѣка не совсѣмъ добросовѣстнаго, не чистаго на руку, то надъ нимъ устанавливается строжайшій контроль; только такіе случаи рѣдки; потому что обыкновенно „ужъ воръ къ вору и копится". Дискредитировавшемуся артельщику или отшиваютъ его паевой кусокъ сѣти, или покупаютъ его у него и исключаютъ сейчасъ же; лишь въ артеляхъ озера Лачъ даютъ ему доловить до конца сезона.

Каждый артельщикъ обязанъ являться на ловлю или самъ лично, или ставить вмѣсто себя лицо, вполнѣ его замѣняющее; впрочемъ артель, въ случаѣ крайности, снисходительно смотритъ на замѣну артельщика его сыномъ-подросткомъ, женою или дочерью (Укшозеро, Выгозеро, озеро Лачъ, Ковжозеро и др.); на Тудозерѣ по этому поводу замѣчаютъ, что „на водѣ у всѣхъ ноги жидки; да и рыба идетъ не на сильнаго, а на счастливаго, а счастье вѣдь кому Богъ дастъ... изъ одной счастливой всѣмъ собравамъ

можетъ быть хорошо [1]). Всѣ ли артели такъ вѣрятъ въ счастіе, будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Артель, слѣдя за исправнымъ посѣщеніемъ артельщиками ловли, въ то же время контролируетъ ихъ безъ канцелярской неумолимости, и если: напримѣръ, артельщикъ недолго отсутствуетъ въ силу какой либо крайней нужды (требованія въ правленіе, посылки нарочнымъ, свадьбы, похоронъ, крестинъ и тому подобное), то онъ даже не лишается пая изъ уловов, въ добываніи которыхъ онъ собственно и не участвовалъ; получавшій таковые паи „развѣ водочки поставитъ въ благодарность". Артели Логмозера даютъ такой пай не болѣе недѣли, и лишь артели Тудозера, Косельги и Заонежья пая въ такомъ даже случаѣ не даютъ, но требуютъ замѣны отсутствующаго.

Если артельщикъ запьянствовалъ и въ то же время вмѣсто себя никого не представилъ, то, напримѣръ, на Ковжозерѣ онъ получаетъ уже не полный пай, а половинный, другая же половина дѣлится на весь неводъ; неводъ не нанимаетъ работника вмѣсто отсутствующаго и ловитъ въ такомъ случаѣ какъ бы „въ половину" съ съ отсутствующимъ, т. е. даетъ ему половину пая за снасть, которая не отшита и на которую идетъ, значитъ, полный пай, другую же половину беретъ за тотъ излишекъ усилій, который, благодаря отсутствовавшему члену пришлось приложить къ работѣ.

На Укшозерѣ въ такихъ обстоятельствахъ артель сама, не испрашивая согласія кутилы, нанимаетъ работника, даетъ ему „передницу" [2]), кормитъ и расплачивается съ нимъ сама, отдавая пропьянствовавшему члену столько, сколько останется по вычетѣ изъ его пая денегъ, расходованныхъ на наймъ и содержаніе работника. На Мошинскомъ озерѣ артель точно также нанимаетъ, вмѣсто пьянствующаго, работника, но отдаетъ ему цѣликомъ пай, слѣдующій отсутствующему.

На озерѣ Лачъ отсутствующій, несмотря ни на какія обстоятельства, (случай въ своемъ родѣ единственный), штрафуется на 25 коп., которыя и вычитаются изъ его пая; такимъ образомъ, вмѣсто рубля, напримѣръ, получаетъ онъ уже 75 к., вмѣсто 75 к. —50 к. и т. д. На Лекшмозерѣ штрафъ простирается до 30 коп.; какъ на Лекшмозерѣ, такъ и на озерѣ Лачъ штрафъ дѣлится между пайщиками (въ Лекшмозерѣ между 28 человѣками, а на озерѣ Лачъ между 23) по копейкѣ, а остальныя одна, двѣ или болѣе копеекъ отдаются въ церковь; на озерѣ же Лачъ, но на восточ-

---

[1]) „Живописн. Обозр." 1877 г., № 45.

[2]) Кожанный фартукъ.

номъ берегу, въ Ольскомъ обществѣ, всѣ штрафы цѣликомъ поступаютъ въ церковь.

При долгомъ отсутствіи отсутствующій нанимаетъ кого либо вмѣсто себя или за деньги, или „съ половины", „съ трети" пая (Ялгуба, озеро Лачъ, Лекшмозеро, озеро Котечное), въ большинствѣ случаевъ имѣетъ мѣсто принципъ: „пай за капиталъ, пай за трудъ"; такъ, напримѣръ, на озерѣ Лачъ полученный „керегодомъ" уловъ нерѣдко дѣлится на 4 и даже 5 паевъ, тогда какъ участвующихъ въ „керегодѣ" только три человѣка. Дѣленіе это объясняется тѣмъ, что участвующіе въ „керегодѣ" дѣлятся, съ одной стороны, на участвующихъ и трудомъ и взносомъ сѣтей, съ другой стороны на участвующихъ лишь однимъ трудомъ; благодаря этому, при дѣлежѣ выручки первые получаютъ два пая, т. е. пай за трудъ и пай за капиталъ, а вторые—лишь одинъ пай за трудъ; такимъ образомъ, если участвующихъ капиталомъ въ „керегодѣ" одинъ, то добыча дѣлятся на 4 части, если 2—на 5 частей, т. е. въ первомъ случаѣ капиталъ получаетъ $^2/_4$, а во второмъ—по $^2/_5$ добычи [1]).

На озерѣ Нименскомъ Каргопольскаго уѣзда, если ловящіе берутъ неводъ у кого либо для пользованія, то отдаютъ хозяну $^1/_2$ улова.

На Сарозерѣ, Пудожскаго уѣзда, если рыбаки берутъ у кого либо на прокатъ „калегу" и лодку, то отдаютъ владѣльцу ихъ $^2/_3$ улова, а $^1/_3$ оставляютъ себѣ за трудъ [2]). На Ковжозеро, Вытегорскаго уѣзда, „съ половины" нанимаютъ ловить лишь однообщинника; членъ другой общины, „чужестранный" какъ здѣсь говорятъ, никогда не приглашается на такомъ условіи, ему платятъ обыкновенно отъ 1 р. до 1 р. 50 к. въ недѣлю; здѣсь, такимъ образомъ, на скалу труда кладется еще нѣкоторая доля общинныхъ симпатій; уловы здѣсь богаты и участіе въ ловлѣ „съ половины" значительно выгоднѣе получки платы работника.

Работникъ нанимается обыкновенно отдѣльнымъ артельщикомъ, и наемъ работника цѣлою артелью для усиленія ея комплекта мнѣ пришлось наблюдать лишь въ Ежесельскихъ рыболовныхъ артеляхъ, ловящихъ при верховьяхъ рѣки Свири; въ осеннее время артель эта нанимаетъ одного рабочаго за 25 р. въ осень.

Рабочіе нанимаются обыкновенно лишь отсутствующими почему

---

[1]) Въ зимнихъ неводахъ такого дѣлежа не бываетъ: 24 пая дѣлятся не между 12 человѣками, какъ пишетъ Данилевскій, а между 24 человѣками; „цѣпа" состоитъ всегда изъ 24 лицъ.

[2]) Сообщено Н. Н. Харузинымъ.

либо членами на одинъ день, на 2, на 3 и болѣе; по отношенію къ рабочимъ, нанимаемымъ для рыбной ловли, до того сильна традиція, до того крѣпокъ взглядъ на него, какъ на явленіе скоропроходящее, что даже въ томъ случаѣ, когда онъ нанимается на мѣсяцъ и болѣе, плата ему производится не помѣсячно, а понедѣльно. На Айнозерѣ нанимается иногда рабочій на все лѣто, но съ тѣмъ условіемъ, что онъ недѣлю будетъ ловить, другую же проводить дома за своими работами, и хозяину приходится на это время подыскивать подставнаго. Дневная плата рабочему простирается отъ 15 до 25 к., недѣльная отъ 50 к. (Укшозеро) до 1 р. 50 коп., сравнительно рѣдкій наемъ на цѣлую зиму отъ 10 до 30 р. [1]), и чуть ли не единственный наемъ на цѣлый годъ отъ 20 до 60 р. (Укшозеро).

Рабочій пользуется хозяйскимъ хлѣбомъ, „передницею", квартирою (при продолжительномъ срокѣ и платьемъ); иногда, впрочемъ, онъ живетъ въ своей семьѣ и, являясь лишь на ловлю, получаетъ отъ хозяина пищу, передницу, иногда катанки и подкову, „чтобы нога на яркомъ льду не зглездѣла".—Живя у лица нанявшаго, работникъ по приходѣ домой не рѣдко исправляетъ и домашнія работы, какъ-то: колетъ дрова; носитъ кормъ скоту и пр.; на эту помощь со стороны работника смотрятъ какъ на услугу, а не какъ на нѣчто обязательное.

Наемъ работника имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ производится продажа улова; но если артель ловитъ лишь для собственнаго потребленія, да „работника нанять", то, какъ говорятъ зимнія неводныя артели Косельги, „надо изъ деревни прибавлять".

Къ участію женскаго пола въ рыбной ловлѣ различныя артели относятся различно: есть, напримѣръ, артели, которыя, не говоря уже о томъ, что не берутъ женщину въ качествѣ пайщика, не берутъ ее даже на одинъ день вмѣсто мужа или брата (кeрегодныя артели Ялгубы, артели Логмозера при „гарвахъ", артели Тихманги); артели озера Купецкаго, Пудожскаго уѣзда, хотя и принимаютъ къ себѣ пайщиками бездѣтныхъ вдовъ, но участіе ихъ выражается лишь дачею части невода: сама вдова на ловлѣ работать не имѣетъ права, а должна представить вмѣсто себя работника, которому и платитъ $1/3$ своей добычи [2]).

Во многихъ артеляхъ женщина допускается къ участію въ ловлѣ лишь въ томъ случаѣ, если мужу или брату некѣмъ больше

---

[1]) На оз. Лачъ староста—кулакъ даетъ своему работнику должнику лишь 7 руб. за всю зиму.

[2]) Сообщено Н. Н. Харузинымъ.

замѣнить себя, какъ женою или сестрою (Айнозеро, Косельга, Кижи, Ошта, Мошинское озеро, Ежесельга, Лекшмозеро и многіе другіе), „и баба за то не прошатается“ говорятъ въ такомъ случаѣ. На Выгозерѣ и на Ковжозерѣ вдовы допускаются наравнѣ съ мужчинами къ участію въ артельныхъ работахъ какъ при зимней, такъ и въ особенности при лѣтней ловлѣ; на Кенозерѣ же лѣтняя рыбная ловля (зимней совсѣмъ не бываетъ) считается прямо женскимъ дѣломъ.

Разъ женщина допущена къ участію въ ловлѣ, она является равноправнымъ съ мужчинами пайщикомъ, и вотъ, запасшись изъ дому „подковами“, одѣвъ суконные брюки, она фигурируетъ и въ качествѣ „жердогона“ и „лямочника“ и т. д. „Иногда, говорила мнѣ на Укшозерѣ жена рыбака Дондыря, мятель, морозъ, перезябнутъ мужики, устанутъ, а и на варю не добудутъ; холодные, голодные придутъ мужики домой да и корзины объ зень! мужики-то, мужики, а и мы бабы тоже: порки на ноги да и маршъ! подолы эдакъ замерзнутъ, какъ иногда барыни обручи [1]) носили“.

Рыболовныя артели Олонецкой губерніи ни въ теперешнее время, ни въ прежнее не отличались осѣдлостью, ловлею лишь въ своемъ заливѣ, лишь въ своемъ озерѣ, лишь въ своей рѣкѣ; артели дѣлали не рѣдко переѣзды въ нѣсколько сотъ верстъ; такъ, напримѣръ, „Акты историческіе“ [2]) передаютъ, что съ верховій рѣки Свири пріѣзжало въ Ладожское озеро по 100 лодокъ и больше и ловили рыбу въ озерѣ близъ Олонца; Н. Озерецковскій [3]) передаетъ, что каждую весну артели села Щелейки лавливали рыбу даже въ финскомъ заливѣ, ловили недѣль пять и возвращались къ началу полевыхъ работъ домой. Самые большіе переѣзды по водѣ въ наше время дѣлаютъ артели Кижской волости, переѣзжаютъ изъ сѣверо-западнаго конца Онежскаго озера въ югозападный къ верховьямъ рѣки Свири, и посѣтившій село Вознесенскую пристань безъ труда найдетъ ихъ тамъ по развѣшаннымъ предъ ихъ квартирами сѣтямъ. Ялгубскія „к페регодныя“ артели, ловящіе все лѣто въ Пинь-губѣ и Онежской-губѣ, на осень переѣзжаютъ Онежскимъ озеромъ къ Покшинскому берегу: здѣсь онѣ ловятъ „керегодомъ“ ряпушку, насаживаютъ ее на крючки „маселги“ [4]) или „продольника“ и забрасываютъ въ Онежское озеро [5]).

[1]) Кринолинъ.

[2]) Акты Историч., т. V, № 5.

[3]) Озерецковскій: „Путешествіе по Ладожскому и Онежскому озерамъ въ 1792 г.“.

[4]) То же, что и „продольникъ“; описаніе—у Майнова, стр. 90.

[5]) Распорядки артелей приблизительно таковы же, какъ описанные мною въ главѣ „Артели Петрозаводскихъ чиновниковъ—рыболововъ“.

Артели Укшозера по рѣкѣ Шуѣ и Логмозеромъ проѣзжаютъ въ Онежскую губу, къ мѣстности „зимнякъ“ для ловли ряпушки.

Кромѣ артелей, совершающихъ свои переѣзды по водѣ, не мало также артелей, передвигающихся сухимъ путемъ ради ловли на лѣсныхъ, иногда арендованныхъ [1]) озерахъ, верстъ за 20—30 отъ дому; о нихъ мы говорить много не будемъ въ виду ихъ незначительности, и перейдемъ прямо къ переѣздамъ; совершаемымъ артелями озера Лачъ. Въ 1887 г. во время экскурсій по Вытегорскому уѣзду, и на Айнозерѣ, и на озерѣ Кемскомъ, и въ другихъ мѣстахъ Вытегорскаго уѣзда я постоянно слышалъ о переѣздахъ этихъ артелей. Оказывается, что вотъ уже въ продолженіе чуть не 8 лѣтъ ежегодно, зимою, на Кемское озеро пріѣзжаютъ обыватели Тихманги по одной артели въ 12 человѣкъ; пріѣзжаютъ со своимъ неводомъ, на своихъ лошадяхъ и, уплативъ купцу Громову арендныя деньги (12 р.), ловятъ здѣсь рыбу въ продолженіе всей зимы, уѣзжая домой лишь на Рождество и Масляницу. Переѣзды эти совершаются, какъ говорятъ, въ томъ случаѣ, если, напримѣръ, озеро Лачъ занесетъ сильно мусоромъ и ломомъ, если ледъ слишкомъ бугристъ или если артель не подыщетъ себѣ достаточнаго количества участниковъ. Такая артель, а иногда и двѣ артели берутъ одинъ или два невода и, смотря по тому, 2 или 4 лошади, хлѣбъ изъ дому въ дорогу беретъ каждый для себя, но на мѣстѣ стоянки живутъ на общихъ квартирахъ, платя за постой и прокормленіе сообща. Во время пути артель пѣшкомъ сопровождаетъ нагруженныя сѣтями сани и присядетъ развѣ заболѣвшій только. „Какъ на парѣ да за прогоны ѣхать, подсмѣиваются рыбаки надъ своею не особенно добычливою поѣздкою, такъ только кататься, да корову еще продашь!“.

Такъ какъ пріѣхавшая артель озера Кемскаго въ достаточной степени не знаетъ, то приглашаетъ къ себѣ ради указаній кого либо изъ рыбаковъ-обывателей озера Кемскаго. Приглашенные, поступая въ артель, вносятъ по 1 р. 50 к. или по 2 р. за имѣющійся на ихъ пай кусокъ сѣти; по окончаніи зимней ловли сѣть эта обыкновенно отшивается внесшему за нее деньги и употребляется этимъ послѣднимъ при ловлѣ лѣтнимъ неводомъ.

Кромѣ того, вступающій въ артель у нихъ же нанимаетъ на свой очередной день лошадь по 30, 40 и 50 к. за день (12 очередныхъ конскихъ дней зовутся „путиною“); во взносѣ арендной

---

[1]) Такъ, напр., артели озера Кемскаго арендуютъ у купца Громова два лѣсныхъ озера за 25 р.

платы Кемскіе обыватели не участвуютъ, но за то должны показывать мѣста ловли, участвовать въ артельномъ трудѣ, помогая тащить сѣти, чередуясь въ должностяхъ „лямочника" „жердогона" и пр. Одна изъ такихъ артелей Тихманги въ 1886 году предприняла цѣлое путешествіе по озерамъ Вытегорскаго уѣзда. Около Рождества, какъ узналъ я отъ обывателей Айнозера, артель изъ 8 человѣкъ пріѣхала сюда, взяла „ставельщиковъ", т. е. рыбаковъ, указывающихъ мѣста ловли, и ловила рыбу въ большомъ количествѣ; бѣда была лишь въ томъ, что рѣка Андома, втекающая и вытекающая изъ Айнозера, заноситъ туда массу мусора, обломковъ бревенъ, жердей и т. п., благодаря этому большой лачозерскій неводъ нѣсколько разъ рисковалъ навсегда остаться въ водахъ Айнозера, рвался и терпѣлъ сильную порчу.

Половивъ безвозмездно на Айнозерѣ и починивъ сѣти, артель двинулась на сосѣднее озеро Лебяжье, но здѣсь ее встрѣтили уже не такъ дружелюбно: обыватели озера Лебяжьяго дозволили ловить у себя лишь подъ тѣмъ условіемъ, что они возьмутъ съ собою на ловлю по одному человѣку съ каждаго дома; такимъ образомъ, артели предстояло дѣлить добычу уже не на 8 частей, не на 12, а на двадцать, потому что на озерѣ Лебяжьемъ имѣется 12 дворовъ. Артель, наслышавшаяся о богатыхъ уловахъ на этомъ озерѣ, согласилась и на это условіе, обѣщавшее $^3/_4$ улова обывателямъ озера Лебяжьяго за одно предоставленіе права ловли и только $^1/_4$ улова рыбакамъ озера Лачъ. Послѣдствія показыли впрочемъ, что предъявленіе такого условія со стороны обывателей озера Лебяжьяго, было не болѣе, не менѣе какъ маневромъ для отдаленія Лачозерскихъ рыбаковъ отъ ихъ озера. Когда рыбаки согласились на условіе; то на ловлю явилось не 12, а только 4 домохозяина озера Лебяжьяго, которые подобно „ставельщикамъ" Айнозера получили по одному паю за указаніе мѣста и посильную помощь при ловлѣ; артель раздѣлила такимъ образомъ уловъ не на 20 паевъ, а на 12.

Къ сожалѣнію, эта смѣлая, предпріимчивая артель почти постоянно терпѣла неудачи: въ самомъ дѣлѣ, на Айнозерѣ хоть и сильно порвала неводъ, но наловила все же порядочно, на Ладвозерѣ она лишь рвала неводъ, но почти ничего не ловила, на Куржинскомъ же озерѣ неводъ такъ зацѣпился, что, порвавъ его окончательно и не вытащивъ даже изъ воды, несчастная артель должна была вернуться домой ни съ чѣмъ, питаясь въ дорогѣ не рѣдко Христовымъ именемъ.

Причинами, толкающими артели въ путь, служатъ или временныя неудобства ловли въ своемъ озерѣ, какъ, напримѣръ, бугри-

стый ледъ на озерѣ Лачъ, или желаніе быть поближе къ самому покупателю, или рынку [1]), или же чаще всего недостатокъ въ рыбѣ, ощущаемый на извѣстномъ озерѣ, рѣкѣ; такъ, напримѣръ, артели Укшозера и Кончозера прежде ловили ряпушку у себя дома, но такъ какъ теперь тамъ ея не стало, то рыбаки ѣздятъ ловить ее въ Онежскомъ озерѣ, близь мѣстности „Зимнякъ“ [2]); на Ковжозерѣ, благодаря тому же обстоятельству, артели ѣздятъ ловить рыбу на 2 близь лежащія озера, платя за нихъ купцу, Громову 45 р. арендныхъ денегъ; по всей вѣроятности, и въ странствованіи артелей озера Лачъ эта же причина играетъ не послѣднюю роль. Догадку эту подтвердила бы, по всей вѣроятности, и статистика олонецкаго рыболовства, но, къ сожалѣнію, эта статика можетъ отвѣтить лишь рядомъ оффиціальныхъ данныхъ.

Собрать же статистическія данныя о рыболовствѣ, т. е. опредѣлить количество вылова, производимаго той или другой ловушкою въ различныя времена года, перечислить всѣ ловушки, находящіяся десятками и сотнями на отдѣльныхъ озерахъ, наконецъ, объѣхать всѣ эти озера, надо сознаться, для одного какого либо лица совершенно невозможно; тѣмъ болѣе, если это лицо, хотя бы оно было и изслѣдователемъ, пріѣзжаетъ лишь лѣтомъ, пріѣзжаетъ не для изслѣдованія рыболовства спеціально, а лишь въ связи его съ другими явленіями народной жизни. Поэтому въ ожиданіи того блаженнаго времени, когда статистическія изслѣдованія, охватившія уже значительный рядъ губерній, коснутся наконецъ и Олонецкаго края, я сообщу рядъ цифръ, лишь приблизительно говорящихъ о выгодахъ рыболовства, цифръ, частью выбранныхъ изъ литературы Олонецкаго края, частью собранныхъ мною лично, касающихся нѣсколькихъ большихъ озеръ и двухъ рѣкъ Водлы и Суны.

„Выгозерскій ловъ, говоритъ Данилевскій, нельзя оцѣнить ниже 5½ тысячъ рублей“, и дѣйствительно, какъ передавали мнѣ рыбаки и скупщики этой мѣстности, цифра эта едва ли будетъ преувеличенною, если вѣрить словамъ тѣхъ же лицъ о томъ, что одной икры здѣсь ежегодно предается около 170 пудовъ цѣною отъ 5 р. 50 к. до 6 р. за пудъ, т. е. на 1000 руб. приблизительно. Водлозерскій уловъ И. С. Поляковъ [3]) считаетъ доходящимъ до 15000 пудовъ, по цѣнѣ не ниже одного рубля, т. е. до 15000

[1]) „Путешествіе по Ладожскому и Онежскому озерамъ“. Озерецковскій самъ слышалъ такого рода объясненіе отъ артелей с. Ежесельги, ѣздившихъ въ Финскій заливъ для производства рыбной ловли.

[2]) Зимняя дорога въ с. Ялгубу.

[3]) Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. III, стр. 435.

рублей; по разсказамъ крестьянъ, на ярмаркахъ Ивановской и Троицкой продается сухой и соленой рыбы, привезенной съ Водлозера, на 6000 рублей, отъ весенняго улова въ село Ошту, Лодейнопольскаго уѣзда, и въ Каргопольскій уѣздъ сбывается 1400—1600 пуд. корюшки, на сумму отъ 5000 до 7000 р.; въ осень ловится ряпушки до 1000 пуд., дающей 3000—4000 рублей.

На Лекшмозерѣ, по вычисленіямъ Данилевскаго, было 6 артелей съ 120 рыбаками, на пай приходилось до 40 рублей; такимъ образомъ уловъ однихъ неводовъ простирался на сумму до 4000—5000 р.; теперь на этомъ озерѣ 4 большихъ невода (по 28 ч. въ каждомъ) и 4 малыхъ (по 12—14 участниковъ); въ большихъ неводахъ участники получаютъ отъ 40 до 90 р. на пай, а въ малыхъ около 10 р., значитъ, уловъ однихъ этихъ зимнихъ неводовъ придется оцѣнить въ 6000—7000 р., а ловятъ тамъ не только зимою и не только одними неводами.

На озерѣ Лачъ считается до 300 „мутниковъ" [1]), не считая „мутниковъ" Лекшморѣцкаго и Ноккольскаго обществъ, до 50 „керегодовъ"; кромѣ того, какъ мнѣ извѣстно, въ Тихмангѣ и Ольскомъ обществѣ имѣется 24 лѣтнихъ невода и 16 зимнихъ. „Мутникъ", по разсчету И. С. Полякова [2]), заработываетъ въ лѣто и осень вмѣстѣ до 100 руб., лѣтній неводъ, какъ и „керегодъ" въ 2 мѣсяца до 50—60 р. [3]), зимній неводъ въ 12 участниковъ до 500 рублей; слѣдовательно, на ловлѣ „мутникомъ" получается до 30000 р., на ловлю лѣтнимъ неводомъ и „керегодомъ" до 4000 р., на ловлю зимнимъ неводомъ до 8000 руб., въ общей сложности до 40000 рублей.

При устьѣ рѣки Суны, особенно когда вѣтеръ „съ моря" [4]), попадается до 1000 сиговъ въ день; въ Петрозаводскѣ цѣна сига 15—25 коп., а въ Петербургѣ промышленники продаютъ каждаго сига по 30 коп., что и составитъ до 6000 р. за 22000 сиговъ [5]). Вся рыба, ежедневно вылавливаемая въ устьѣ рѣки Водлы во второй половинѣ августа и частью въ сентябрѣ, по словамъ Полякова [6]), даетъ крестьянамъ 42 р. 50 к.

Всѣ вышеприведенныя цифры, представляющія нерѣдко значительный валовой доходъ, въ дѣйствительности несравненно меньше, потому что рыбакъ олонецкій принужденъ брать въ долгъ

[1]) Олон. Губ. Вѣд. 1865 г., № 11, стр. 167.
[2]) Ялгубскій керегодъ до 100 р., а Косельскій до 150.
[3]) Зап. Имп Русс. Геогр. Общ. по отд. этн., т, IX, стр. 22—23.
[4]) Съ Онежскаго озера.
[5]) Олон. Губ. Вѣд. 1858 г., № 44,
[6]) Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ. по отд. этн., т. III, стр. 42.

у прасола, кулака не только деньгами, но и вообще жизненными припасами, которые, будучи сравнительно плохими, оцѣниваются дающимъ лицомъ очень высоко; въ то же время кредиторъ требуетъ, чтобы вылавливаемая рыба никому, кромѣ него, не была продаваема, и, пользуясь задолженностью рыбака, его безвыходнымъ положенiемъ, даетъ ему за рыбу цѣну очень пониженную. „Водлозерскiе скупщики, сообщаетъ П. П. Петровъ [1]), закупаютъ на Весьегонской ярмаркѣ пеньку, пряжу и веревки для неводовъ, на сумму до 600 рублей, отдавая таковыя крестьянамъ за 1000 рублей въ счетъ будущаго улова". „На Выгозерѣ богатые закупщики, передаетъ И. С. Поляковъ [2]), даютъ хлѣбъ подъ рыбу копѣекъ на 10—20 дороже цѣнъ, существующихъ на озерѣ, а рыбу ставятъ на такое же количество дешевле; или же задаютъ пряжей для неводовъ, ставя фунтъ вмѣсто 10—15 коп. за 25—30 к. —Въ случаѣ повышенiя цѣнъ на рыбу уплата производится рыбою по старой же цѣнѣ. Спускъ въ цѣнѣ дѣлается только для неблагонадежныхъ плательщиковъ, которые потомъ лишаются кредита". На Выгозерѣ же за икру кредитора платятъ вмѣсто 6 р. или 5 р. 50 к. за пудъ лишь по 4 рубля; на Ковжозерѣ цѣна судаку 3 р. 20 к. за пудъ, между тѣмъ кредиторы даютъ лишь 1 р. 80 к., на Логмозерѣ вмѣсто 12 р. за пудъ рыбы лишь 7 р. и т. д.; такой задолженности подвержены какъ отдѣльныя лица, такъ нерѣдко и цѣлыя артели при какой либо сѣткѣ; благодаря этому существуютъ „заборные невода", „заборные керегоды" и т. п. „заборные невода" и „заборные керегоды" обязаны продавать весь свой уловъ кредитору, между тѣмъ какъ „не заборные" невода, имѣющiе въ своей средѣ лицъ, попавшихъ въ сѣти кредитора, даже при дѣлежѣ улова деньгами, обыкновенно выдѣляютъ артельный пай рыбою лицамъ, имѣвшимъ случай задолжать, сами же продаютъ затѣмъ остальное и дѣлятъ деньги на оставшееся количество артельщиковъ. Цѣна, назначаемая кредиторомъ всякому отдѣльному должнику, обязательна также и „заборному неводу", точно также обязательно для него и забирать и товаромъ; такъ какъ все забираемое, несмотря на свою высокую цѣну, плохо въ то же время качество, то скорѣе, конечно, портится, изнашивается, скорѣе приходится замѣнять его, а тутъ вновь является на сцену повышенная цѣна и вновь не долго заставляющая себя ожидать необходимость замѣны; у попавшаго въ такой circulus vitiosus долгъ растетъ и растетъ, расплатиться становится все труднѣе и труднѣе, а продать „потайно" рискованно: кредиторъ

[1]) Олон. Губ. Вѣд. 1872 г., № 41. стр. 455.

[2]) Зап. Имп. Русск. Общ. по отд. этн., т. III, стр. 436.

лишитъ кредита, подастъ ко взысканію; такимъ образомъ, не рѣдко по окончаніи ловли становится яснымъ, что рыбакъ не только не свелъ концы съ концами, а оказался еще долженъ кредитору за доставку лошадей или за коноплю, потому что, какъ сообщалъ мнѣ одинъ изъ старостъ озера Лачъ, „если артельщикъ ничѣмъ другимъ не возьметъ, такъ ужь коноплей-то безпремѣнно возьметъ“.

Получая громадный процентъ, кредиторъ и отчасти помогаетъ артели, или цѣликомъ даетъ ей все необходимое и требуетъ себѣ за это часть улова (такъ, напримѣръ, на озерѣ Нименскомъ дающій неводъ требуетъ себѣ половину улова) или же просто нанимаетъ извѣстное количество рабочей силы и приставляетъ ее къ неводу; послѣдній способъ эксплоатаціи все болѣе начинаетъ завоевывать себѣ мѣсто; такъ, напримѣръ, на рѣкѣ Свири, начиная чуть не съ самого верховья и вплоть до озера Ладожскаго, невода принадлежатъ одному мѣстному богачу и управляются наемными рабочими, нерѣдко уроженцами различныхъ губерній [1]). Изъ двухъ неводовъ, ловящихъ на Вытегорскомъ устьѣ, по сообщенію И. С. Полякова [2]), ни одинъ не принадлежитъ крестьянамъ; оба эти невода, говоритъ онъ, купеческіе, дѣйствующіе силою тѣхъ же наемныхъ крестьянъ изъ окрестностей. Первый неводъ обошелся хозяину въ 1000 р. При немъ работаютъ 7 человѣкъ крестьянъ на слѣдующихъ условіяхъ: въ продолженіе всего періода неводьбы, отъ мая до половины или даже до конца октября, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти съ половиною мѣсяцевъ крестьяне должны ежедневно дѣлать не менѣе 7 тонь „хоть есть рыба, хоть ея нѣтъ“, какъ они выражаются; въ случаѣ же успѣшнаго лова и болѣе; при этомъ каждая тоня требуетъ до 1 часа 15 минутъ времени; слѣдовательно, только на одно закидываніе тонь они должны употребить около 9 часовъ; на самомъ же дѣлѣ времени уходитъ несравненно болѣе; вытягиванію невода препятствуютъ вѣтры, особенно сѣверные, производящіе нижніе токи воды, противоположные тому направленію, по которому съ помощью воротовъ вытягивается неводъ; затѣмъ переѣзды отъ рыбацкаго стана къ мѣстамъ лова отнимаютъ иногда цѣлые часы; я часто видалъ, говоритъ Поляковъ, лѣтомъ рабочихъ, отправляющихся на ловлю послѣ 4 часовъ вечера и возвращающихся обратно около пяти или шести часовъ утра, т. е. проводящихъ въ работѣ 13 - 14 часовъ, кромѣ того, что потомъ по пріѣздѣ, они должны были привести въ порядокъ неводъ. Въ

[1]) Дейтеръ, „Изъ лѣтнихъ экскурсій въ Онежское озеро“, стр. 17.
[2]) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этн., т. III, стр. 421.

томъ случаѣ, когда число тонь сокращается, именно во время бурь и проливныхъ дождей, ловцы возвращаются домой мокрые не только снизу, какъ это бываетъ обыкновенно, но и сверху: тогда на нихъ не остается сухой нитки, хотя бы это случилось глубокою осенью.—Пища рабочимъ полагается хозяйская; она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ чернаго хлѣба, просовой каши съ конопляннымъ масломъ и сущика, т. е. изъ сушеной корюшки;—пища при подобной тяжелой работѣ вообще не питательная, такъ какъ мясо допускается въ крайнихъ случаяхъ, а налавливаемая рыба—никогда. Рабочіе увольняются отъ работъ только въ большіе праздники. При такомъ порядкѣ работъ они получаютъ за весь рабочій періодъ въ пять съ половиною мѣсяцевъ по 40 руб. сер. жалованія или по 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ, почти по 25 коп. въ день; значительная часть этой платы забирается обыкновенно впередъ или идетъ на уплату податей чрезъ хозяина. Вмѣстѣ съ деньгами даются каждому изъ рабочихъ непромокаемые сапоги; полученіемъ ихъ рабочій обязуется быть всегда на работѣ въ хорошей обуви, но въ случаѣ ея отсутствія онъ долженъ выносить всѣ неудобства, безъ какихъ бы то ни было упрековъ хозяину. И признаться, дѣло такъ и случается, что чрезъ недѣлю послѣ полученія, сапоги уже снашиваются, сквозь нихъ течетъ, какъ сквозь рѣшето, и тогда рабочему приходится поправлять обувь на свои средства, или онъ обираетъ все лучшее изъ дома, предоставляя часто беременной женѣ, сестрѣ или братьямъ ловить рыбу въ дырявой обуви или и совсѣмъ безъ нея, такъ какъ это происходитъ около дома. Мнѣ самому приходилось видѣть рабочихъ, стоявшихъ въ водѣ и тянувшихъ неводъ въ то время, когда на ногахъ ихъ была какая-то пародія на обувь; по выходѣ изъ воды сапоги ихъ представлялись наноскахъ въ видѣ пасти сирены съ завороченной кверху губою. Видалъ я также, передаетъ Поляковъ, какъ по праздникамъ являлись иногда жены рыбаковъ и штопали ихъ платья съ одного края до другого; и все это за тѣ же 40 рублей. Старичекъ управляющій ходомъ промысла неводчиковъ, строго ихъ контролировавшій и оживлявшій Вытегорское устье своею разнообразною, настойчивою и часто безпричинною бранью, передавалъ, что при всемъ томъ содержаніе невода и рабочихъ неокупается уловомъ, съ чѣмъ однако я, говоритъ Поляковъ не могъ вполнѣ согласиться, тѣмъ болѣе, что на рабочихъ лежитъ обязанность ставить еще крючки и осматривать ихъ; они же обязаны возить рыбу въ городъ, такъ что расходъ на жалованье имъ около 300 рублей, вмѣстѣ съ кухаркою, получающею до 2 р. жалованья въ мѣсяцъ, есть главный и, сравнительно, ни-

чтожный; капиталистъ же, не удрученный нуждою, всегда сбываетъ рыбу дороже, чѣмъ безденежный крестьянинъ; кромѣ того, по словамъ старичка, въ лѣто вылавливается до 8 штукъ стерлядей; нѣсколько лѣтъ назадъ была изловлена одна, вѣсомъ въ 18 фунтовъ, которая стоила до 40 или 50 рублей.

Другой неводъ принадлежалъ также Вытегорскому купцу, но обладавшему, повидимому, большею долею гуманности. Этотъ неводъ меньше перваго; рабочіе въ числѣ 4-хъ человѣкъ находились подъ управленіемъ своего же крестьянина; и хотя они получали не больше жалованья, чѣмъ въ первомъ случаѣ, но за то не мучились по пустому на безрыбьи при озерѣ, и возвращались съ первыми признаками наступленія мокрой и бурной погоды. Хозяинъ этого невода не былъ въ претензіи, если его рабочіе позволяли себѣ воспользоваться наименѣе цѣнною изъ улова рыбою —мелкими сигами, окунями или налимчиками. Здѣсь отношенія между рабочими были гораздо свободнѣе, тогда какъ члены первой артели держались всегда подъ дисциплиною, ибо управляющій ими состоялъ нѣкогда въ нижнихъ чинахъ военнаго сословія; и при всемъ томъ, несмотря на всю невыгоду условій, рыбаки какъ бы гордились предъ другими своимъ управителемъ, извѣстнымъ по своему экономическому вліянію на всю окрестность, и въ рукахъ котораго не одно дѣло могло принять иной оборотъ, такъ какъ рыбы всегда вылавливалось всетаки вполнѣ достаточно для того, чтобы поколебать равновѣсіе и на вѣсахъ правосудія.

Такъ или иначе, но кулакъ постоянно старается поставить крестьянъ въ зависимость отъ себя, и если этого нельзя сдѣлать прямо, то дѣлаетъ косвенно, такъ напримѣръ, на Лужандозерѣ Вытегорскаго уѣзда, кулакъ арендуетъ у монастыря озеро и беретъ съ рыбаковъ за право ловли на озерѣ одну треть улова [1]).

Крупный ли кулакъ или мелкій, но ссужая артель и вообще ставя отъ себя въ зависимость, онъ самъ никогда не принимаетъ участія въ рыбной ловлѣ; на одномъ лишь озерѣ Лачъ кулакъ является не рѣдко „старостою" большакомъ артели, подбирая въ эту артель своихъ должниковъ, идущихъ изъ боязни лишиться кредита. Артель у него кредитуется, онъ даетъ ей и сѣтьми, и другими продуктами, у него безлошадные артельщики должны брать по найму лошадей въ свои очередные дни, и за все это онъ, конечно, не преминетъ взять красненькую цѣну. Въ довершеніе всего онъ же продаетъ рыбу, у него хранятся до дѣлежа деньги, а, значитъ, изъ нихъ онъ можетъ дѣлать вычеты по своему лич-

[1]) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. III, стр. 431.

ному разсмотрѣнію. Въ такой артели личность артельщиковъ окончательно стирается кулакомъ: участіе его непріятно уже тѣмъ, что не его выбрала артель, а онъ составилъ ее, составилъ насильно и заставилъ признать себя „старостою"; мало того, онъ участвуетъ въ ловлѣ съ полученіемъ пая, но такъ какъ сдѣлался старостою не благодаря своимъ знаніямъ, а благодаря своему кошельку, то въ силу этого незнанія онъ нерѣдко ставитъ неводъ на такомъ мѣстѣ, что неводъ рвется; между тѣмъ, по правиламъ артели, сѣть долженъ чинить тотъ, у кого она порвалась, староста, такимъ образомъ, остается въ сторонѣ, не платится за причиненный артели ущербъ.

Гдѣ же причины всего этого, что даетъ такую силу, мощь кулаку и ведетъ крестьянина въ его сѣти? Причинъ тутъ не одна, тутъ цѣлая сумма причинъ, и тѣмъ то онѣ и неотразимѣе! Такими причинами являются: недостатокъ кредита, непостоянство артели, общее уменьшеніе рыбы въ водахъ Олонецкаго края трудность доставки рыбы на рынки, несовершенство способовъ заготовленія рыбы въ прокъ.

Недостатокъ кредита даетъ себя чувствовать какъ при требованіи податей, такъ и вообще при всякихъ экстраординарныхъ случаяхъ, гдѣ сразу нужна болѣе или менѣе значительная сумма денегъ, такъ и при необходимости дѣлать какое нибудь обзаведеніе, напримѣръ, сельско-хозяйственными орудіями и принадлежностями и т. д., и между тѣмъ все это тутъ же услужливо предлагается мѣстнымъ или заѣзжимъ купцомъ, предлагается въ долгъ крестьянину, страдающему отсутстіемъ денегъ, не могущему такимъ образомъ противустоять соблазну. Кулакъ это прекрасно знаетъ и дѣйствуетъ навѣрняка.

Въ 1886 г. экскурсируя по Повѣнецкому уѣзду, я самъ нечаянно попалъ въ поѣздъ одного изъ мѣстныхъ скупщиковъ. Когда на Выгозерѣ, пріѣхавъ вечеромъ, я просилъ хозяина достать лодку съ гребцами для дальнѣйшаго пути, то онъ попросилъ меня обождать до утра, говоря, что утромъ ѣдетъ на Корельскій островъ, куда я и направлялся, какой то купецъ и я могу съ нимъ отправиться. Я согласился. Пріѣхали мы на Корельскій островъ вечеромъ, и мнѣ на время пришлось поселиться съ купцомъ въ одной комнатѣ. Тюки и ящики съ товаромъ помѣщались тутъ же, и не успѣлъ еще вскипѣть самоваръ, какъ все было развязано, распаковано и на воронцѣ повисли ржавленыя вѣсы,

Лавочка была открыта. Предъ являющимися покупателями заманчиво лежали серпы, косы, сахаръ, чай, всевозможные ситцы и многое другое, не исключая конфектъ и пряниковъ или по мѣстному „закусокъ". На деньги покупала лишь молодежь и то въ крайне незначительныхъ размѣрахъ: то дѣвушка купитъ на пятакъ „закусокъ", то какой либо мальчуганъ пару ренделей или конфектъ; всѣ же дѣлавшіе болѣе или менѣе значительныя пріобрѣтенія, платили сушеною рыбой; они являлись обыкновенно попарно, неся большія корзины съ „сущемъ" и оказывалось, что приносимая рыба отдается ими не за получаемый товаръ, а въ уплату долга. Рыба большинства приносимыхъ молча взвѣшивалась и ссыпалась въ кучу въ уголъ избы, заявлялось только о величинѣ долга вмѣстѣ съ отмѣреннымъ и отвѣшеннымъ крестьянину товаромъ; нѣкоторымъ (вѣроятно еще не состоящимъ должниками) заявлялось, что требуемой цѣны они не получатъ, „потому что рыба плоха". Начинали торговаться; рыба нѣсколько разъ выносилась изъ избы и вносилась снова; въ концѣ концовъ рыба, признанная прежде худою, ссыпалась въ общую кучу: если кто нибудь, видя это, выражалъ сомнѣніе въ недоброкачественности рыбы, имъ уже проданной, купецъ отвѣчалъ улыбкою, изобличавшею мастера своего дѣла. Вскорѣ значительная часть товара была обмѣнена на рыбу и оказывалось, что большинство лишь увеличило свой долгъ.

Непостоянство артелей, отсутствіе обыкновенія откладывать часть выручки въ фондъ артели, подобно тому какъ артели озеръ Лачъ и Лекшмозера откладываютъ пай на церковь, ведетъ къ тому, что артель не имѣетъ запаснаго капитала, а, слѣдовательно, и не въ состояніи давать ссуды. Составъ артели часто мѣняется ежегодно; „въ этомъ году, говоритъ Г—ій [1]), неводъ можетъ принадлежать 6—7 дворамъ, въ слѣдующемъ году даже артели можетъ не быть, а неводъ либо продадутъ въ другую деревню, либо раздѣлятъ и перешьютъ на простыя сѣти. Число членовъ артели также не постоянно: въ этомъ году неводъ имѣлъ, напримѣръ, 10 себрянъ, а въ слѣдующемъ году ихъ будетъ можетъ быть только 3".

Такъ же непостоянны артели и другихъ мѣстъ, и случаи, гдѣ бы артель въ одномъ и томъ же составѣ ловила нѣсколько лѣтъ сряду, сравнительно рѣдки; объясняется это какъ раздорами, несогласіями между артельщиками, такъ и тѣмъ, что артельщикъ не связанъ съ данною артелью никакими традиціями, ни общностью имуществи и капитала; самый взносъ сѣтей производится

[1]) „Живописное Обозр." 1877 г., № 45.

такъ, что каждый артельщикъ является хозяиномъ лишь своего куска сѣти, рѣдко бываетъ, чтобы матица была общая, т. е. купленная и заказанная на общій счетъ, съ общимъ взносомъ пряжи; постройка избушки—сушилки стоитъ развѣ только 2 рабочихъ дня; благодаря этому нѣтъ почти никакой разницы въ томъ, ловитъ ли Иванъ съ Петромъ и съ Федоромъ или съ кѣмъ другимъ. Артели болѣе постояннаго характера мнѣ пришлось встрѣтить лишь на Лекшмозерѣ, Мошинскомъ озерѣ, на Воезерѣ и Укшозерѣ, на послѣднемъ передаютъ о рѣдкомъ случаѣ ловли одною артелью въ одномъ и томъ же составѣ въ продолженіи 7 лѣтъ; но и здѣсь, какъ повсемѣстно, откладыванія денегъ въ фондъ артели не существуетъ.

Надо сознаться къ тому же, что при общемъ обѣднѣніи Олонецкаго края рыбою, откладываніе такое является дѣломъ не легкимъ; фактъ же обѣднѣнія озеръ рыбою годъ отъ году становится очевиднѣе, такъ, напримѣръ, при верховьѣ рѣки Свири прежде ловилось до 40000 сиговъ въ осень; теперь же не вылавливается и 20000; на островахъ насупротивъ с. Толвуи на озерѣ Онежскомъ въ былое время была такая масса рыбацкихъ избушекъ, что издали можно было принять всю сумму этихъ избушекъ за громадную деревню, но вотъ рыбы стало мало и отъ избушекъ не осталось почти никакого слѣда. Жалобы на обѣднѣніе повсемѣстны и указываютъ на повсемѣстную нераціональность способовъ рыбной ловли; въ самомъ дѣлѣ масса рыбы вылавливается во время икромета, масса молоди ловится такими мелкими сѣтями какъ „мутникъ", „бродецъ", сакъ и т. п. Еще въ 1802 г. одинъ іеромонахъ Спасскаго монастыря Каргопольскаго уѣзда описывалъ этотъ губительный способъ ловли и посылалъ прошеніе Императору Александру I о запрещеніи мутниковъ [1]); въ 1858 г. были посланы на заключеніе начальниковъ губерній правила, выработанныя экспедиціею Бера; они гласили, что ячеи невода и другихъ сѣтей не должны безъ особаго на то разрѣшенія имѣть болѣе полувершка въ квадратѣ; несмотря на то мутникъ, давно признанный бичемъ рыбы, мутникъ, имѣющій ячеи не въ полвершка въ квадратѣ, а иногда до 100 ячей въ квадратномъ вершкѣ, до сихъ поръ существуетъ въ Олонецкой губерніи и распространяется все болѣе и болѣе; такъ, напримѣръ, на Ковжозерѣ зимними неводами ловятъ около 100 лѣтъ, лѣтними около 150 лѣтъ, а мутникъ появился лишь 70 лѣтъ тому назадъ, будучи принесенъ съ Новозерской ярмарки крестьяниномъ Доронею, и съ тѣхъ поръ все

[1]) Просьба напечатана въ Олон. Губ. Вѣд. 1862 г., №№ 12—13.

болѣе и болѣе распространяется; на Укшозерѣ мутниками недавно еще ловило одно Корельское населеніе, а теперь начинаетъ ловить и русское. На Водлозерѣ уже въ 1872 г. [1]) насчитывалось до 70 штукъ мутниковъ, вылавливающихъ до 1000 четвериковъ ершей на сумму до 300 – 400 руб. На озерѣ Лачъ при одномъ устьѣ рѣки Ольги И. С. Поляковъ [2]) насчиталъ до 60 мутниковъ, тогда какъ за 50 лѣтъ до его изслѣдованія ихъ было только 2; на всемъ озерѣ Лачъ насчитывали въ 1865 г. до 300 мутниковъ [3]) Неужели хоть на одинъ этотъ снарядъ не будетъ наложено запрещеніе? тѣмъ болѣе, что, по словамъ Полякова, рыбаки сами сознаютъ пользу запрещенія этой сѣти.

Упадокъ промысла между тѣмъ только усиливаетъ кабалу; мы видимъ, напримѣръ, что въ Челмужахъ, а точно также и въ с. Вознесенская пристань, благодаря хорошимъ уловамъ, является много желающихъ купить рыбу, а потому рыбакъ всегда можетъ перейти къ тому, кто дороже даетъ; мало того, если онъ даже и находится въ кабалѣ, то кредиторъ изъ опасенія перехода его къ другому лицу постережется давать ему плохой товаръ изъ лавки или уменьшить произвольно цѣну на рыбу; совсѣмъ другое дѣло, если уловы плохи; желающихъ покупать тогда уже становится меньше. потому что рыба не обѣщаетъ хорошаго торговаго оборота, часть богачей переходитъ или къ скупанію продуктовъ другаго сорта или вообще берется за другія предпріятія, оставшееся же на долю рыбаковъ меньшинство начинаетъ жесточе, безжалостнѣе эксплуатировать рыбаковъ; тѣмъ страшнѣе эта эксплуатація, если рыбаки живутъ вдали отъ рынка. Доставка рыбы изъ такихъ мѣстностей сопряжена со страшными затрудненіями и убытками, требуетъ массу времени, и тѣмъ легче конечно попасть рыбѣ къ скупщику; по выкладкамъ, напримѣръ, свѣдущихъ туземцевъ доставка рыбы съ с. Водлозера въ Каргопольскій уѣздъ вмѣстѣ съ переѣздомъ туда и обратно отнимаетъ у жителей до 400 – 600 руб. ежегодно, что, какъ говоритъ Поляковъ [4]), сравнительно вѣроятно: „они должны спустить лодки съ грузомъ по рѣкѣ Водлѣ чрезъ 17 главныхъ пороговъ! затѣмъ въ вершинахъ рѣки Черевы, поднявшись противъ теченія, около деревни Заволочье, они оставляютъ свои лодки и ѣдутъ на чужихъ за плату или перевозятъ кладь на наемныхъ лошадяхъ на протяженіи 5 верстъ по волоку и заготовляютъ на рѣкѣ Волошкѣ свои собственныя лодки. На-

[1]) Олон. Губ. Вѣд. 1872 г., № 41. стр. 455.
[2]) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. IX, стр, 22—23.
[3]) Олон. Губ. Вѣд. 1865 г., № 11, стр. 167.
[4]) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. III, стр. 438.

задъ, обмѣнявъ рыбу по большей части на хлѣбъ, они возвращаются еще съ большими трудностями, перевозятъ хлѣбъ на наемныхъ лошадяхъ чрезъ волокъ, поднимаются вверхъ по рѣкѣ Вамѣ чрезъ ея пороги".

О такой же дорогѣ П. П. Петровъ разсказываетъ такъ [1]): „съ Водлозера скупщики собираютъ частью сушеную, частью соленую рыбу и везутъ въ Каргопольскій уѣздъ на Троицкую и Ивановскую ярмарку на лодкахъ, вмѣщающихъ по 50 пудовъ [2]) рѣкою Черевою до Малаго волока; здѣсь лодки и грузъ перевозятъ горою 4 версты, затѣмъ сплавляютъ озеромъ Воложевымъ, рѣкою Понею, Кенозеромъ, рѣками Кеною и Онегою до Троицкаго погоста Каргопольскаго уѣзда и здѣсь уже продаютъ барышникамъ. Такой путь крайне затруднителенъ и значительно понижаетъ цѣну рыбы на мѣстѣ вылова" не мало мѣстъ въ Олонецкой губерніи по отношенію къ доставкѣ рыбы на рынокъ, стоящихъ въ такомъ же положеніи, какъ Водлозеро; найдутся даже такія, положеніе которыхъ и еще того безотраднѣе; между тѣмъ, разница между цѣнами рынковъ и цѣнами на мѣстѣ заслуживаетъ того, чтобы рыбаки сами, устранивъ посредство скупщиковъ, устроили артельную доставку рыбы прямо на рынки. Соотношеніе цѣнъ рыночныхъ съ цѣнами на мѣстѣ таково [3]):

		Рыба свѣжая.				Рыба соленая.				Рыба вяленая.				Рыба сушеная.			
		на мѣстѣ.		на рынкѣ.		на мѣстѣ.		на рынкѣ.		на мѣстѣ.		на рынкѣ.		на мѣстѣ.		на рынкѣ.	
Мелочь	р.	—	—	—	1	—	—	—	—	1	1	1	1	1	1	1	2
	к.	20	50	40	25	25	30	50	60	—	20	20	50	—	50	50	—
Сигъ	р.	1	2	2	3	1	1	1	3	—	—	—	—	1	2	2	3
	к.	—	—	—	—	20	80	80	—	—	—	—	—	50	50	50	—
Щука	р.	—	—	1	1	—	—	—	1	1	1	1	1	—	—	—	—
	к.	30	75	—	25	40	50	60	20	10	30	30	60	—	—	—	—
Судакъ	р.	1	1	1	2	1	1	1	2	1	1	1	2	—	—	—	—
	к.	—	75	40	—	10	75	50	—	20	75	50	—	—	—	—	—
Лещъ	р.	—	1	—	1	—	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—	—
	к.	60	—	80	20	80	20	—	50	—	50	25	75	—	—	—	—
Палья	р.	1	1	1	2	1	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—
	к.	10	50	50	—	25	60	60	30	—	—	—	—	—	—	—	—
Лосось	р.	3	—	5	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

[1]) Олон. Губ. Вѣд. 1872 г., № 41,

[2]) Такихъ лодокъ ежегодно проходитъ до 40 штукъ.

[3]) Пам. книжка Ол. Губ. 1866 г. „Матеріалы для изученія рыболовства и охоты", ст. 54—55.

Мы видимъ такимъ образомъ, что высшія цѣны рынка нерѣдко превосходятъ мѣстныя цѣны въ 1½ и 2 раза, низшія цѣны рынка превосходятъ таковыя же на мѣстѣ въ 1½, 2 раза и даже втрое (щука свѣжая 30 к. и 1 р.), слѣдовательно и отношеніе среднихъ цѣнъ на мѣстѣ къ среднимъ цѣнамъ на рынкѣ будетъ приблизительно тоже самое, т. е. какъ 1 къ 1½—2; высшія цѣны на мѣстѣ равны приблизительно низшимъ на рынкѣ.—Помня задолженность рыбака, помня, что кулакъ понижаетъ цѣну рыбы, дѣлая ее иногда ниже низшей изъ существующихъ въ томъ же районѣ, мы должны признать, что если и случается иногда скупщику продать привезенную имъ рыбу по низшей цѣнѣ, то покупка рыбы на мѣстѣ по высшей мѣстной цѣнѣ крайне рѣдка; напротивъ въ силу той же задолженности рыбака онъ покупаетъ всегда по низшей; значитъ при продажѣ той же рыбы по низшей рыночной онъ выручитъ больше въ 1½ раза, а изрѣдка даже въ 2 раза; при продажѣ той же рыбы по высшей рыночной—а это можетъ имѣть мѣсто, благодаря тому, что цѣнности на рынкѣ и цѣнности на мѣстѣ обусловливаются причинами различными какъ количественно, такъ и качественно—скупщикъ выручитъ всегда вдвое, втрое (щука соленая 30 к. 1 р), иногда въ 4 раза (щука свѣжая 30 к и 1 руб. 25 коп.) и даже въ 6 разъ (мелочь свѣжая 20 к. и 1 р. 25 коп.); но выгода скупщика будетъ намъ представляться еще болѣе грандіозною, если мы вспомнимъ, что, напримѣръ, на Выгозерѣ при низшей цѣнѣ на икру въ 5 р. 50 к. за пудъ, кулакъ платитъ лишь 4 р., что на Ковжозерѣ при цѣнѣ на судака въ 3 р. 20 к. онъ платитъ лишь 1 р. 80 к., что, наконецъ, на Логмозерѣ вмѣсто 12 рублей лишь 7 рублей! „Но выгоды, говоритъ И. С. Поляковъ [1]), возросли бы до громадныхъ размѣровъ, если бы скупщики рыбы, напримѣръ, съ Водлы нашли возможность доставлять рыбу живою въ садкахъ, о которыхъ здѣсь почти не имѣютъ понятія, въ С.-Петербургъ, гдѣ стоимость живаго сига отъ 40 коп. до 75, а здѣшніе сиги могли бы безъ исключенія разсчитывать на болѣе высокую цѣну, такъ какъ величина ихъ колеблется отъ 1½ до 5 фун. И такъ, заключаетъ Поляковъ, если шальскіе скупщики рыбы довольствуются меньшимъ процентомъ сравнительно съ тѣмъ, который могъ бы существовать, то это только по ихъ же недальновидности и невѣжеству".

Посмотримъ въ заключеніе, въ чемъ выразилась борьба крестьянина-артельщика съ безрыбицею, а также и съ посредниками между нимъ и рынкомъ? Важно знать, стоитъ ли артельщикъ, по-

---

[6]) Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ. т. III, стр. 431.

корно принимая удары капитализма, безпомочно опустивъ руки и голову и не двигаясь ни на пядь дальше? такъ ли это? не дѣлаетъ ли онъ попытки къ движенію? Если это есть, то важенъ малѣйшій фактъ въ этомъ родѣ; начавшееся движеніе не должно остановиться, оно должно идти дальше, рости, крѣпнуть!

Въ Олонецкой губерніи найдется не одно озеро, гдѣ постепенное обѣднѣніе озера рыбою закончилось наконецъ полнымъ безрыбьемъ; но не вездѣ крестьяне мирились съ этимъ обѣднѣніемъ; такъ, напримѣръ, изъ большаго озера Пудозера въ давнія времена, сообщаетъ Г—ій, прокопана крестьянами неширокая канавка въ озеро Онего, саженъ въ 300 длины. Сдѣланъ этотъ каналъ для того, чтобы увеличить выгоды рыболововъ. И дѣйствительно, чрезъ эту канаву изъ Онежскаго озера въ Тудозеро во время весенняго половодья, говорятъ, въ иные годы приходитъ сига, окуня, щуки и проч. видимо-невидимо. Эта канавка сообща закрыта крестьянами деревень: Устья, Щокиной, Носоновой и др. селъ, расположенныхъ вокругъ озера, въ общемъ называющихся „Тудозерскимъ приходомъ". Точно такія же канавки, и съ той же цѣлью прорытыя изъ Онежскаго озера въ рѣку Вытегру, мнѣ приходилось видѣть неоднократно. Какъ на Тудозерѣ, такъ и здѣсь рыба по проложенному человѣческими руками пути входила и наполняла озеро, но въ Заонежьѣ обыватели Вырозера устроили то же почти, но уже иначе: рыбаки Вырозера, принужденные безрыбьемъ ихъ озера странствовать по окрестнымъ озерамъ, лѣтъ 10 тому назадъ собрались въ одно изъ воскресеній всѣ вмѣстѣ, захватили съ собою сѣти и отправились на Карасъ-озеро, наловили около ½ пуда рыбы, пронесли ее живую въ корзинахъ разстояніе около 20 верстъ и всю спустили въ свое озеро; послѣ этого дали зарокъ не ловить этой рыбы въ Вырозерѣ въ продолженіе 2-хъ лѣтъ, дали ей расплодиться, и Вырозеро опять стало рыбнымъ озеромъ; по примѣру обывателей Вырозера, обыватели села Толвуи точно также развели рыбу въ небольшомъ озерѣ, находящемся насупротивъ деревни Погоста, на другой сторонѣ залива. „О нѣкоторыхъ озерахъ близь Святозера, въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, пишетъ Георгіевскій [1]), извѣстно, что рыба въ нихъ разведена искусственно, т. е. живою привезена изъ большихъ озеръ". Такимъ образомъ оказывается, что искусственное разведеніе рыбы въ озерахъ, страдающихъ безрыбьемъ, является фактомъ не единичнымъ, и притомъ совершившимся не благодаря постороннему

---

[1]) Олон. Губ. Вѣд. 1888 г., № 17, „Святозеро", стр. 156.

внушенію и велѣнію, а по личной инициативѣ крестьянъ рыбаковъ.

Возить рыбу ежедневно на рынокъ, хотя бы даже на разстояніи десяти верстъ отъ мѣста ловли, затруднительно какъ отдѣльной семьѣ, такъ и отдѣльной артели, въ родѣ, напримѣръ, „невода“, „керегода“ и т. п.; на дорогу туда и обратно нагруженной лодкѣ необходимо около 5 часовъ; при большемъ разстояніи дѣло доходитъ до того, что такіе переѣзды являются уже прямо невозможными ни для семьи, ни для „невода“, ни для „керегода“, и вотъ артели озера Лачъ какъ „керегодныя“, такъ и лѣтнія неводныя соединяются по нѣсколько артелей вмѣстѣ; ежедневно одна изъ нихъ по очереди везетъ словленную рыбу прямо на Каргопольскій рынокъ; для этого все количество „керегодовъ“, ловящихъ на озерѣ Лачъ, дѣлится на десятки, и отъ каждаго десятка (а прежде отъ 12) керегодовъ точно такъ же, какъ и отъ каждыхъ 4-хъ лѣтнихъ неводовъ, ѣдетъ въ г. Каргополь ежедневно одна лодка (съ 3-мя человѣками), везя общую добычу 10 керегодовъ или 4 неводовъ, и распродаетъ ее тамъ; благодаря тому, что ежедневно одна лодка отсутствуетъ въ качествѣ коммисіонера отъ артели, ловитъ, собственно говоря, уже не десять керегодовъ, а 9, не 4 невода, а три; за то рыбаки имѣютъ возможность продать рыбу по настоящей рыночной цѣнѣ, обходятся безъ невыгоднаго посредства „маркитановъ“-прасоловъ; такой способъ доставки на столько выгоднѣе посредства маркитановъ, что артель, ловя постоянно въ количествѣ 9 керегодовъ вмѣсто 10, производитъ между тѣмъ дѣлежъ не 9, а на 10 керегодовъ; значитъ, отсутствующій керегодъ получаетъ пай за коммиссію, получаетъ, хотя бы ему пришлось пробыть въ г. Каргополѣ день и два; въ томъ случаѣ, если коммиссіонеры закутятъ и пробудутъ лишнее только благодаря этой причинѣ, то пая уже не получатъ; однажды дескретировавшаяся лодка другой разъ въ Каргополь уже не посылается.

Логмозерская (Петрозаводскаго уѣзда) артель при „гарвахъ“ и Сулажгорская неводная артель пошли еще дальше: они устроили доставку хотя и не живой рыбы въ садкахъ, но все же свѣжей рыбы, уложенной въ ящики со льдомъ, прямо къ петербургскимъ рыботорговцамъ; сдавъ рыбу на пароходъ [1]) въ видѣ посылки, рыбаки получаютъ отъ петербургскихъ рыботорговцевъ деньги, съ вычетомъ денегъ за провозъ съ пуда (около 40 к.), а также 10% за коммиссію; рыботорговцы сообщаютъ при этомъ счетъ, съ ука-

[1]) 3 раза въ недѣлю.

заніемъ, за сколько продана рыба, и на какіе случаи сдѣланы вычеты. Рыбу въ г. Петрозаводскъ для сдачи на пароходъ везетъ обыкновенно одна лодка съ 2-мя человѣками, тогда какъ количество участвующихъ въ артели простирается отъ 5 до 12 человѣкъ; отсутствующіе замѣщаются обыкновенно кѣмъ либо изъ домашнихъ или же, если въ число очередныхъ входятъ „полупайки“, т .е. внесшіе вдвоемъ одинъ пай, то одинъ ѣдетъ въ городъ, другой же заступаетъ его мѣсто въ ловлѣ.

Попытки противостоять посредству скупщиковъ и кабалѣ, этимъ, однако, не исчерпываются; артель старается оградить себя отъ кулака и въ отношеніи кредита; такъ, напримѣръ, артели Лекшмозера, окончивъ зимнюю ловлю, иногда бываютъ принуждены заложить неводъ для обзаведенія сѣменами хлѣба; артель при этомъ никогда не отдастъ невода кулаку; она отдастъ его или кому либо изъ своихъ артельщиковъ побогаче, или вообще рыбаку какой либо рыболовной артели того же озера, и тотъ, возвращая осенью сѣть обратно, „столько же, сколько далъ, вычтетъ *по братски*“; вычетъ при этомъ производится незаразъ, а сообразно съ уловомъ.

Во многихъ артеляхъ, дѣлящихъ уловъ не рыбою, а деньгами, дается артельщику при нуждѣ, напримѣръ, „если прижмутъ за подати“, 3, 4, 5 рублей въ долгъ изъ тѣхъ денегъ, которыя лежатъ у большака въ ожиданіи дѣлежа, т. е. изъ денегъ, накопляющихся въ продолженіе одной недѣли; дать больше артель обыкновенно не можетъ и, въ случаѣ, если кулакъ не соглашается дать находящемуся въ нуждѣ артельщику денегъ, то она ручается за него круговою порукою, иногда приглашая кулака на дѣлежъ добычи (Ковжозеро, озеро Лачъ).

Круговой поруки нѣтъ, обыкновенно, въ артеляхъ, ловящихъ рыбу лишь для собственнаго потребленія, изъ артелей, же ловящихъ для продажи, единственнымъ исключеніемъ является артель Лекшмозера; артель эта ни за что не позволяетъ, ни сама себѣ отдать неводъ въ закладъ, ни отдѣльному члену взять въ долгъ у кулака: артель какъ нибудь, переможется, соберетъ денегъ и выручитъ товаращa; послѣ этого долго, но немного вычитается изъ пая, идущаго на задолжавшаго артели артельщика, и деньги возвращаются лицамъ, ихъ давшимъ.

Вотъ извѣстныя мнѣ мѣры артелей къ улучшенію своего положенія; до чего артель додумается, что будетъ дальше, покажетъ намъ время.

(Перепечатано изъ Олон. Губ. Вѣд. 1896 г.)

Петрозаводскъ. Въ Губ. Тип.

V.

Артели Петрозаводскихъ чиновниковъ-рыболововъ.

Между канцелярскими служителями и чиновниками различныхъ палатъ и канцелярій г. Петрозаводска не мало людей, имѣющихъ плохіе достатки, принужденныхъ подчасъ ради экономіи отправляться на лодкѣ для кошенія сѣна, собиранія вѣниковъ, собиранія разбросанныхъ по берегамъ озера дровъ какой либо разбитой бурею гонки, а также рыбной ловли. Кромѣ того рыболовствомъ многіе занимаются между прочимъ, просто ради моціона, чтобы освѣжиться, оправиться послѣ цѣлой недѣли сидячаго труда въ душной, мрачной канцеляріи.

Прогуливаясь послѣ 3-хъ часовъ дня въ субботу или вообще наканунѣ праздниковъ и, попавъ на набережную, вы поражаетесь господствующею здѣсь не обычною суетою, движеніями, приготовленіями; предъ вами то и дѣло снуютъ субъекты, разодѣтые въ такіе костюмы, которымъ нечего уже бояться ни грязи, ни линянія, ни рванья, на нѣкоторыхъ видны заплаты иногда разноцвѣтныя.... одни тащатъ паруса, весла, другіе рыболовные снаряды, съѣстные припасы, обычные мѣдные чайники и котелки.... Наконецъ все уложено, лодка за лодкой отчаливаетъ отъ берега, чиновничьи артели отправляются въ свои излюбленныя мѣста: въ Пухту, въ Деревянскіе острова, въ Нѣмецкое, на Иваньковъ островъ и т. п.

Артели эти постоянны и состоятъ обыкновенно изъ 2 или 3 „масележниковъ“ [1]). Если же „масележники“ задумываютъ ѣхать далеко, верстъ за 50, 60, то составляется артель изъ 4-хъ человѣкъ т. е. соединяются двѣ артели „масележниковъ“, каждая со своими сѣтями, но ѣдутъ они на одной лодкѣ, гребутъ поочередно и по пріѣздѣ на мѣсто ловли сѣти ставятъ поочередно: въ то время какъ одна пара ставитъ „масельги“, другая пара или готовитъ пищу на берегу или отдыхаетъ, затѣмъ отдыхавшая ѣдетъ въ озеро, а работавшая пара въ свою очередь отдыхаетъ на берегу и т. д. Выниманіе „маселегъ“ изъ воды производится также поочередно и уловъ дѣлится между 4-мя артельщиками поровну, не смотря на то, что лодка принадлежитъ лишь 2-мъ пайщикамъ; если артельщиковъ 3, а четвертое лицо по найму, то послѣднему платитъ нанявшій его по 30 коп. въ сутки, кормитъ, поитъ его,

---

[1]) Участники въ артели, ловящей „масельгами“.

а иногда еще и табаку на дорогу купитъ, добыча же дѣлится уже на 3 части.

Для промысла артельщикамъ необходимо имѣть „масельги", „наживку" (рыба для насаживанія на крючки), лодку, „ергу" или „кошку" (приборъ для отцѣпливанія „масельги", зацѣпившейся за подводные камни, затонувшія бревна, имѣющій видъ мутовки съ грузами) и сакъ. „Масельга" не что иное какъ длинная, иногда въ нѣсколько сотъ саженъ веревка, къ которой на разстояніи 2½ маховыхъ сажень привязаны на небольшихъ (1½ арш.) веревочкахъ („симка") крючки. На крючки эти насаживается ряпушка, покупаемая или на общій счетъ или же кѣмъ либо изъ артельщиковъ, который по окончаніи ловли получаетъ за это уже рыбою. Величина „маселегъ" опредѣляется количествомъ крючковъ и „масельга" въ 100 крючковъ стоитъ отъ 1 руб. до 3-хъ, можно взять масельги и на прокатъ, съ условіемъ отдать ея хозяину ¼ или ⅕ улова.

У постоянныхъ артельщиковъ „масельги" всегда собственныя. Взносъ маселегъ распредѣленъ между пайщиками не всегда одинаково: случается, что пайщики вносятъ поровну; бываетъ, что взносъ одного превышаетъ взносъ другого на 100 и на 200 крючковъ и это не мѣшаетъ дѣлить уловъ поровну. Если же у одного, напр., 1000 крючковъ, а другого только 300, то послѣдній получаетъ уже третью часть улова; впрочемъ встрѣчаются „закадычные друзья" дающіе и здѣсь ½ вмѣсто ⅓.

Лодка, необходимая для ловли, покупается или на общій счетъ или же однимъ участникомъ посостоятельнѣе, но пая лишняго за это онъ никогда не получаетъ; иногда только, если между попавшеюся рыбою есть одна особенно крупная, то ее отдаютъ хозяину лодки.

Такая артель ловитъ все лѣто, продавая лишь излишекъ, для этого на обратномъ пути артель заѣзжаетъ въ гавань, уплативъ 20 коп. за право въѣзда, и продаетъ лишнюю рыбу торговцамъ; дѣлежъ денегъ производится уже дома.

Къ тому времени, какъ городъ проснется, чтобы начать будничныя работы, „масельги" уже развѣшены для просушки, домохозяйки заняты чисткой рыбы, а рыбакъ-чиновникъ спѣшитъ уже въ канцелярію.

VI.

Охотничьи артели.

Силковая или путиковая артель. Охота съ сътьми. Охота „въ одну копейку". Артели бѣлкопромышленниковъ. Собачій пай. Охота на оленя и медвѣдя. Соединеніе нѣсколькихъ артелей въ одну. Артель—экспромптъ. Символическіе знаки завладѣнія убитымъ звѣремъ. Кабала. Крестьянскія оборонительныя артели. Охота съ „лаваса" и пай за обманъ медвѣдя. Мірскія облавы на волковъ. Охотничьи команды.

Олончанинъ издавна охотникъ; онъ хорошо знаетъ свой дикій лѣсъ, смѣло и свободно странствуетъ въ немъ, опредѣляя страны свѣта по цвѣту коры деревьевъ, по обилію или малочисленности вѣтвей на различныхъ бокахъ дерева, считая время на глазомѣръ „по солнцу" или же „лаптями" [1]) онъ хорошо знаетъ нравы обитателей этого лѣса, начиная съ грознаго медвѣдя и кровожаднаго волка, кончая мелкой дичью.

Охотится олончанинъ и съ ружьемъ, и съ сѣтьми, и съ капканомъ и силками.

Сколько ни говорилось, сколько ни писалось о силковой охотѣ, „да только все не въ прокъ": силки тысячами разставлены по лѣснымъ тропинамъ, на разстояніи иногда десятковъ верстъ и соединяются еле замѣтною и одному охотнику извѣстною тропою или, какъ ее здѣсь зовутъ, „путикомъ"; смотря по тому, сколько поставлено силковъ, „путикъ" можно обойти въ три, четыре, пять или даже шесть дней, такъ что, обойдя весь „путикъ", приходится начинать обходъ сначала; дичь, въ продолженіи многихъ дней подвергавшаяся атмосферическимъ вліяніямъ, отчасти портится загниваетъ, отчасти съѣдается лѣсными хищниками, а потому охотники, ставящіе силки въ большомъ количествѣ, соединяются обыкновенно въ артели по 2, по 3 (Шимозеро, Кемозеро и многія другія мѣста), по 4 (Выгозеро) человѣка, ставятъ иногда и не по одинаковому количеству силковъ и „опохожаютъ" ихъ, т. е. дѣлаютъ обходъ заразъ, начиная его съ нѣсколькихъ условленныхъ пунктовъ; добыча отъ продажи давленой птицы дѣлится между артельщиками по ровну.

---

[1]) Для этой цѣли крестьянинъ становится такъ, чтобы собственная его тѣнь достигала до какого либо предмета, затѣмъ измѣряетъ эту тѣнь, приставляя пятку одной ноги къ носку другой, лапоть къ лаптю; отсюда выраженія, опредѣляющія время: „три лаптя", „пять лаптей", „семь лаптей" и т. д.

Разъ занята „путикомъ" извѣстная мѣстность, другой охотникъ, уважая право свободной заимки, выраженной или нарѣзами на деревьяхъ или проложенной тропкою, силковъ тамъ уже не поставитъ; пользованіе „путикомъ" продолжается нерѣдко десятки лѣтъ, а иногда переходитъ по наслѣдству къ слѣдующему поколѣнію. Но лишь только „путикъ" запускается, бросается охотникомъ, слѣдовательно переходитъ въ разрядъ пустующихъ угодій, онъ можетъ быть занятъ всякимъ другимъ охотникомъ и помимо прежняго своего хозяина или нѣсколькихъ хозяевъ („путиковой" артели).

Въ зимнее время, когда тетерева садятся къ ночи въ вырытыя ими въ снѣгу ямки, охотники, обыкновенно по двое, ходятъ ловить ихъ сѣтями. Высмотрѣвъ днемъ мѣсто тетеревиной ночевки, охотники ночью приходятъ туда съ сѣтями: одинъ держитъ пучекъ зажженой лучины и отыскиваетъ при свѣтѣ ея углубленія въ снѣгу; другой осторожно прикрываетъ ямки сѣтью, вынимаетъ оттуда дичь, прикалываетъ ее и складываетъ въ берестяный кошель.

Охота на дичь съ ружьемъ производится обыкновенно въ одиночку, и лишь на Шимозерѣ, Лодейнопольскаго уѣзда, практикуется охота „въ одну копейку", состоящая въ томъ, что 5, 6 или болѣе лицъ еще дома, предъ уходомъ на охоту, уговариваются подѣлить между собою добытую ими дичь поровну; послѣ этого они отправляются иногда даже въ различныя стороны, охотиться, и по приходѣ домой складываютъ въ одну кучу все добытое, хотя бы даже случайно попалъ и какой либо звѣрекъ. и дѣлятъ все это поровну, конечно, охота „въ одну копейку" практикуется лишь между постоянными охотниками, которые иногда берутъ съ собою и постороннихъ лицъ—такъ называемыхъ „загонщиковъ" [1]), давая имъ равный со всѣми прочими артельщиками пай.

На бѣлку охотники ходятъ постоянно по двое, съ собакою; при этомъ одинъ изъ нихъ идетъ съ ружьемъ, другой же называемый „бухальникомъ" или „подтомарникомъ" [2]) идетъ съ топоромъ: собака отыскиваетъ бѣлку и, подойдя подъ дерево, на которомъ та сидитъ, начинаетъ лаять; бѣлка иногда сидитъ, такъ плотно прижавшись къ стволу дерева или между его вѣтвями, что разсмотрѣть ее невозможно; но лай собаки ручается за при-

[1]) Обязанность ихъ гнать дичь на охотниковъ.

[2]) Въ весьма древнія времена. говоритъ И. С. Поляковъ, обязанность ихъ состояла въ сборѣ „томаровъ" т, е. стрѣлъ, которыми убивалась бѣлка. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. IX, стр, 40.

сутствіе звѣрька; поэтому „бухальникъ“ изо всей силы ударяетъ обухомъ по стволу дерева; дерево сильно вздрагиваетъ, бѣлка въ испугѣ бросается на сосѣднія вѣтви и падаетъ, пораженная картечью стрѣлка.

Въ качествѣ „бухальника“ или „подтомарника“ ходятъ нерѣдко дѣвушки; мало того, въ Лелемскомъ обществѣ, Каргопольскаго уѣзда, нерѣдко и въ качествѣ стрѣлка идетъ баба, ни сколько не уступающая въ стрѣльбѣ мужчинамъ; говорятъ, что въ деревнѣ Машъ-озеро, Петрозаводскаго уѣзда, были недавно двѣ дѣвушки, не имѣвшія по мѣткой стрѣльбѣ себѣ равныхъ даже среди мужчинъ и исправно охотившіяся и за бѣлкою, и за дичью.

По заведенному издавна обычаю собака, вносящая въ артель свою долю участія, получаетъ нѣчто въ родѣ пая, состоящаго въ томъ, что часть каждой убитой бѣлки отдается ей: разъ бѣлка упала на землю собака подходитъ и ложиться подлѣ убитаго звѣрька; охотникъ отрѣзаетъ у бѣлки обѣ переднія лапки, вынимаетъ изъ за пазухи ломтикъ хлѣба и отдаетъ все это своему четвероногому сотруднику; послѣ этого собака бѣжитъ дальше, обнюхивая то слѣдъ бѣлки, то „тюку“ (сваленный съ ветвей дерева снѣгъ) [1]), то „лузгу“ (объѣдки древесныхъ шишекъ), въ изобиліи валяющуюся подъ тѣми деревьями, чрезъ которыя бѣлка проложила свой воздушный путь. Такимъ образомъ убивается отъ 5 до 10 и даже 15 бѣлокъ въ день и продаются онѣ по 5—7 коп. за штуку.

Одною изъ продолжительнѣйшихъ и утомительныхъ охотъ нужно признать охоту на оленей: обнаруживъ слѣды оленьяго стада, охотники въ количествѣ 4, 5, 6, а иногда и 8 человѣкъ, съ собаками, отправляются на лыжахъ вслѣдъ за ними, гонятъ ихъ до изнеможенія, затѣмъ подъѣзжаютъ къ нимъ поближе и убиваютъ отъ 5 до 15 и болѣе оленей; погоня продолжается не рѣдко до 5 дней и лишь съ небольшими отдыхами, пока быстрота оленя, наконецъ, не уступитъ настойчивости человѣка.

Опаснѣйшая охота—это охота на медвѣдя; производится она больше зимою. Лѣтомъ охота на медвѣдя носитъ больше оборонительный характеръ. Въ зимнее время охота производится такимъ образомъ: охотники въ количествѣ 4, 5, 6 человѣкъ, вооруженные большепульными винтовками, топорами, рогатинами и

---

[1]) Если снѣгъ свалёнъ съ верхнихъ вѣтокъ, то охотники рѣшаютъ, что прошла бѣлка, прыгающая почти горизонтально, куница же тяжелѣе бѣлки и прыгаетъ съ макушки одного дерева на нижніе сучья другого, оттуда на средину слѣдующаго и т. д.

кольями, дѣлаютъ обходъ лежащаго въ берлогѣ медвѣдя; двое подходятъ къ единственному отверстію берлоги и ставятъ имѣющіеся при нихъ колья въ этомъ отверстіи крестъ на крестъ; третій просовываетъ свой колъ внутрь берлоги и, нащупавъ тамъ медвѣдя, начинаетъ его тревожить; разсвирѣпѣвшій звѣрь бросается къ отверстію; но такъ какъ оно перегорожено кольями, то медвѣдю выскочить нельзя, а приходится лѣзть потихоньку, просовывая голову между кольями; разъ голова медвѣдя показалась изъ отверстія, четвертый артельщикъ стрѣляетъ и убиваетъ медвѣдя на повалъ; если же стрѣлокъ промахнется, или только ранитъ медвѣдя, или въ берлогѣ окажется нѣсколько медвѣдей, то идутъ въ дѣло и ружья прочихъ артельщиковъ и рогатины и топоры. Шкура медвѣдя обыкновенно продается, вырученныя деньги вмѣстѣ съ земской преміей дѣлятся поровну между участниками.

Охотничьи артели нерѣдко встрѣчаются другъ съ другомъ въ лѣсу; нерѣдко 2, 3 артели соединяются въ одну и, хотя бы участники разошлись въ разныя стороны, набили различной дичи, хотя бы даже одни много набили, а другіе вернулись и съ пустыми руками, добыча все же дѣлится между всѣми уговорившимися поровну; такимъ образомъ соединяются въ артели не только обыватели сосѣднихъ деревень, обществъ, волостей, но иногда даже обыватели различныхъ уѣздовъ, селеній, отдѣленныхъ другъ отъ друга сотнями верстъ, часто лишь случайно сошедшіеся въ лѣсу, такъ въ 1889 году мнѣ встрѣтились два крестьянина Вытегорскаго уѣзда, охотившіеся на медвѣдей съ артелью изъ обывателей „Кривого пояса“ (на границѣ Архангельской и Олонецкой губерній); убитыхъ медвѣдей они подѣлили поровну и представили ихъ: вытегорцы—въ вытегорское земство, а обыватели „Кривого пояса“—въ пудожское, и получили за нихъ земскія преміи; разсказчики страшно жалѣли, что не могли представить всѣхъ медвѣдей въ одно земство и тѣмъ самымъ лишили себя возможности полученія, кромѣ причитающихся премій, еще даровато ружья.

Такія сложныя артели составляются во всѣхъ уголкахъ губерніи, но встрѣтившіеся артельщики обыкновенно могутъ, по своему усмотрѣнію, и уговориться охотиться вмѣстѣ, и не уговариваться; совсѣмъ другое дѣло на Шимозерѣ, Лодейнопольскаго уѣзда: тамъ артели встрѣтившіяся въ лѣсу, по издавна господствующему обычаю, *обязательно* охотятся „въ одну копейку“ т. е. дѣлятъ всю добычу по числу участниковъ такой случайной арте-

ли, составившейся изъ 2, 3, иногда 4-хъ отдѣльныхъ артелей; артели обыкновенно расходятся въ различныя стороны и затѣмъ, сошедшись въ условленномъ мѣстѣ, производятъ дѣлежъ.—Въ дѣлежъ идетъ и птица и звѣри. Охотники на медвѣдей соединяются лишь съ идущими тоже на медвѣдей; обыкновенно артельщики, встрѣтясь въ лѣсу, уговариваются охотиться сообща; но бываетъ и такъ, что медвѣдь уже убитъ, какъ вдругъ является другая артель и заявляетъ, что шла за этимъ же медвѣдемъ; для подобнаго заявленія, время, между прочимъ, ограничивается обычаемъ, выражающимся въ различныхъ мѣстахъ различно; такъ напр. пудожскіе и вытегорскіе охотники, убивъ медвѣдя, торопятся обыкновенно отрѣзать какую либо изъ лапъ медвѣдя, а лодейнопольскіе отрѣзаютъ ему голову; съ отрѣзанной части тѣла сдирается кожа. Послѣднее должно быть непремѣнно выполнено, иначе случайная какая либо артель, явившись на мѣсто охоты, можетъ заявить, что она преслѣдовала этого же медвѣдя, и придется всѣхъ прибывшихъ включить въ число пайщиковъ.

Какъ велики размѣры охотничьяго промысла, за неимѣніемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, сказать трудно. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что охоту собственно на *звѣрей* въ Обонежьѣ трудно отнести къ разряду промысловъ. „Звѣриный промыселъ, правдиво замѣчаетъ вытегорская земская управа [1]), существуетъ по волостямъ въ незначительныхъ размѣрахъ. Его даже нельзя назвать промысломъ, ибо имъ занимается незначительное количество крестьянъ-охотниковъ, сбывающихъ шкурки на ярмарки отчасти въ г. Вытегру, а больше въ г. Каргополь“. Охота на птицу производится въ бо̀льшихъ размѣрахъ, но такъ нераціонально, что промыселъ годъ отъ году падаетъ, паденіе же промысла ведетъ къ тому, что скупщики дичи начинаютъ переходить къ скупанію другихъ продуктовъ, а продолжающее закупать дичь у охотниковъ меньшинство скупщиковъ еще жесточе, безбожнѣе начинаетъ эксплуатировать бѣдняка-охотника.

Скупщиками являются или мѣстные богачи, или пріѣзжіе приказщики; они собираютъ у охотниковъ шкурки звѣрей, дичь и везутъ все это на подводахъ [2]) въ Шуньгу или Петербургъ. Цѣна шкурокъ и дичи при скупаніи понижается до возможнаго мини-

---

[1]) Журн. Вытег. Земск. Собр. 1869 г. стр. 76.

[2]) Цѣна подводѣ не велика: за десять верстъ 25 и до 40 к. съ воза въ 25 пуд., за разстояніе отъ 20 до 100 вер. съ воза въ 25 п.—75 к. и до 2 р. 50 к., за 200 вер. 5 р.; доставка въ Петербургъ обходится по 10—14 р. съ подводы. Майновъ „Поѣздка въ Обонежьѣ и Корелу“ стр. 312.

мума, частью благодаря тому, что скупщикъ пользуется нерѣдко монополіей, частью потому, что промышленнику приходится забирать въ счетъ будущаго у того же скупщика и деньги, и хлѣбъ и прочіе продукты; „когда при такихъ условіяхъ, пишутъ Калугинъ и Ждановъ [1]), гуртовщики-хлѣботорговцы вступаютъ въ сношенія со звѣропромышленниками, задавая имъ хлѣбъ впередъ подъ звѣря, то получаютъ чистаго барыша до 100 процентовъ“.

Въ оправданіе себя скупщики приводятъ то, что дичь портится и что иногда въ Петербургѣ сжигаются цѣлые возы дичи, разложившейся отъ оттепелей [2]), но какъ случаи порчи при низкой зимней температурѣ, такъ и сжиганіе дичи въ Петербургѣ настолько рѣдки, что барыши скупщиковъ все-таки остаются громадными.

„Сколькимъ лицамъ, говоритъ вытегорская земская управа [3]), даютъ возможность нажиться безъ особеннаго труда олонецкіе рябчики! Сколько не нужныхъ посредниковъ стоитъ между крестьяниномъ, ловящимъ рябчиковъ и отдающимъ на мѣстѣ скупщику-кулаку пару за 15 коп., и петербургскимъ покупателемъ, платящимъ за эту же пару, подъ часъ уже полусгнившую, 60 коп. и дороже? Куда дѣлись эти 45 коп. на каждую пару, оплаченныя потребителемъ?“ 45 копѣекъ при стоимости провоза пары рябчиковъ въ $2^2/_3—2^4/_5$ копѣйки!! [4])

Перейдемъ теперь отъ промысловыхъ артелей, отъ неприглядной экономической обстановки, въ которой имъ приходится работать, къ артелямъ, такъ сказать оборонительнаго характера, возникающихъ для защиты „живота“ [5]) отъ хищничества медвѣдей и волковъ, выражающагося для олонецкаго обывателя въ формѣ грознаго ежегоднаго налога, равняющагося, по вычисленіямъ Приклонскаго [6]), 1 р. 17 к. съ каждаго двора или 40 к. на каждаго плательщика податей! Нужно притомъ замѣтить, что цифра эта выражаетъ только стоимость истребляемаго хищниками крестьянскаго скота; но медвѣдь напр. не ограничивается этимъ, и будучи большимъ любителемъ овса, истребляетъ его въ большихъ количествахъ; ущербъ этотъ, къ сожалѣнію, не занесенъ на страницы мѣстной статистики.

---

1) Пам. кн. Олон. губ. 1868—1869 гг., стр. 21.
2) Кораблевъ. Описаніе г. Каргополя. стр. 46.
3) Журн. Вытегорск. очередн. земск. собр. 1869 г. стр. 79.
4) Майновъ. Поѣздка въ Обонежье, стр. 312.
5) „Животомъ“ зовется какъ вообще имущество, такъ и въ частности домашній скотъ.
6) Приклонскій. Народная жизнь на сѣверѣ, стр. 279.

Предѣлъ проказамъ появившагося близъ селенія медвѣдя кладетъ охота на него съ „лаваса“ [1]), устраиваемаго или близъ зарѣзанной медвѣдемъ коровы или лошади, или близъ попорченной полосы овса, куда Мишенька ежедневно ходитъ лакомиться. На „лавасъ“ рѣдко садится одиночка, больше идутъ вмѣстѣ по 2, по 3 и болѣе человѣкъ; въ Вытегорскомъ уѣздѣ (Айнозеро, Кемозеро) изъ дому къ лавасу“ идетъ всегда одинъ лишній человѣкъ, такъ что если на „лавасъ“ намѣрены сѣсть 2 охотника, идетъ не 2, а непремѣнно 3, если трое,—то идетъ 4 человѣка и т. д. Лишній человѣкъ берется затѣмъ, чтобы „отвести слѣды“; для этого, дойдя до „лаваса“, онъ сейчасъ же уходитъ домой, но обязанъ въ продолженіе всего пути по лѣсу аукаться, при чемъ товарищи его, помѣстившіеся на „лавасѣ“, на его крики не отвѣчаютъ; по убѣжденію крестьянъ, медвѣдь, слыша удаляющееся ауканье, принимаетъ его за знакъ полнаго удаленія всѣхъ охотниковъ изъ лѣсу; аукавшійся считается по этому активнымъ участникомъ охоты и получаетъ равный съ прочими охотниками пай.

Если медвѣдь и приноситъ крестьянину большой вредъ, если онъ и деретъ иногда скотину чуть не на глазахъ ея хозяина, за то онъ является больше одиночкою и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вдвоемъ или втроемъ; убивъ медвѣдя, можно поэтому быть на нѣсколько времени спокойнымъ. Совсѣмъ другое дѣло съ волкомъ: животныя эти стадныя, полчища ихъ нерѣдко считаютъ своихъ участниковъ десятками, да и наглостью природа ихъ наградила изрядною. „Въ позднюю глухую осень, говоритъ одинъ олонецкій бытописатель [2]), вой ихъ слышенъ со всѣхъ сторонъ; они цѣлыми стаями рыскаютъ по полямъ и бываютъ до того дерзки, что на глазахъ людей нападаютъ на запоздалую скотину и разрываютъ ее на мѣстѣ; иногда они бродятъ около домовъ и дворовъ и съ крылецъ уносятъ оплошавшихъ собакъ“.

Истребить цѣлое стадо волковъ—дѣло не легкое, а часто, при нынѣшнихъ условіяхъ, даже и невозможное; здѣсь нужна уже не артель въ 2, 3, 4 человѣка, какъ при охотѣ съ „лаваса“, а нѣчто большее и это то большее выразилось у олончанина въ мірской облавѣ на волковъ [3]).

---

[1]) „Лавасомъ“ зовется помостъ, устраиваемый охотниками на вѣтвяхъ деревъ.

[2]) П. Минорскій. Вытегорскія Кондуши. Стр. 14.

[3]) Олонецкій сборникъ, т. I, стр. 19 „Крестьянская облава на волковъ на Климецкомъ островѣ“ А. Русановъ; приводимъ пересказъ С. А. Приклонскаго.

Въ 1865 году крестьяне Сѣногубскаго общества, выведенные изъ терпѣнія хищничествомъ волковъ, рѣшились раздѣлаться съ ними своими силами. Восемнадцать деревень, въ числѣ около 2500 душъ обоего пола, поголовно возстали на волковъ, устроили общественную облаву и съ того времени каждый годъ повторяютъ ее, истребляя на своей землѣ дикихъ звѣрей.

Селенія Сѣногубскаго общества расположены на Климецкомъ островѣ, находящемся не въ дальнемъ разстояніи отъ сѣверо-западныхъ береговъ Онежскаго озера въ предѣлахъ Петрозаводскаго уѣзда. Этотъ островъ, величиною около 30 верстъ въ длину и отъ 400 саженей до 10 верстъ въ ширину, занимаетъ пространство въ 48 квадратныхъ верстъ. На юго-западномъ берегу его находится небольшой Климецкій монастырь, основанный въ началѣ XVI вѣка, новгородцемъ, сыномъ посадника, который, бросивъ выгодную, но трудную и опасную торговлю бѣломорскою солью, постригся въ монахи и по смерти былъ причисленъ къ лику святыхъ подъ именемъ Іоны Климецкаго. Въ 15 верстахъ отъ монастыря, красиво расположенъ на западномъ берегу острова погостъ Сѣнная губа, —старинный общинный центръ крестьянскихъ поселеній Климецкаго острова. Къ нему изстари тянутъ, составляя одно сельское общество 18 деревень, разбросанныхъ по острову. Самый островъ принадлежитъ къ числу лучшихъ по плодородію почвы и наиболѣе воздѣланныхъ мѣстностей въ Олонецкой губерніи. Тучная богатая почва, обыкновенно, даетъ урожаи ржи самъ 8—10 Благодаря счастливому положенію среди озера, здѣсь никогда не бываетъ неурожаевъ ни отъ засухъ, ни отъ раннихъ морозовъ. Обширные сѣнокосы даютъ прекрасное сѣно и позволяютъ крестьянамъ держать много скота. Одна бѣда—волки одолѣли крестьянъ. Зимою, по льду, они забираются на островъ и остаются здѣсь на лѣто душить крестьянскій скотъ.

Въ 1865 году, всѣ селенія Климецкаго острова соединились вмѣстѣ для общаго преслѣдованія волковъ и съ того времени успѣли выработать постоянныя, приспособленныя къ мѣстнымъ условіямъ, правила, которыми руководствуются при ежегодно повторяемой мірской облавѣ. Обыкновенно весною они собираются на общій мірской сходъ, гдѣ выбирается болѣе удобный день для облавы, непремѣнно въ маѣ. Здѣсь же рѣшаютъ, сколько человѣкъ должны участвовать въ облавѣ, много ли нужно *волкогоновъ*, которые должны шумомъ пугать и сгонять волковъ въ одно мѣсто, и много ли *насѣтниковъ*, на обязанности которыхъ лежитъ доставить сѣти и ловить ими волковъ. Затѣмъ производятся обще-

ственные выборы, избираются и записываются въ особый списокъ болѣе 100 насѣтниковъ, 9 сотенныхъ и 18 пятидесятниковъ, обязанныхъ наблюдать за волкогонами. О днѣ, назначенномъ для облавы, объявляется по деревнямъ съ тѣмъ, чтобы хозяева не смѣли выгонять скотъ изъ дворовъ, пока не окончится истребленіе волковъ, обыкновенно продолжающееся около двухъ дней.

Въ день, назначенный для облавы, раннимъ утромъ, всѣ волкогоны собираются въ деревнѣ Куршницы, самомъ сѣверномъ концѣ Климецкаго острова. Сельскій староста по спискамъ повѣряетъ прибывшихъ и раздаетъ пистоны и порохъ тѣмъ, у кого есть ружья, приказывая только пугать звѣря холостыми зарядами и отнюдь не стрѣлять дробью или пулями, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Затѣмъ волкогоны раздѣляются на 9 отрядовъ, которые бросаютъ между собою жребій для опредѣленія, по какой мѣстности острова каждый отрядъ долженъ идти при преслѣдованіи волковъ. Жеребьи означены нумерами отъ № 1-го до № 9 и всѣ отряды, во время преслѣдованія должны образовать изъ себя непрерывную сѣть, расположившись по порядку нумеровъ жеребья отъ востока къ западу. Староста напоминаетъ каждому отряду границы назначенной ему мѣстности и предостерегаетъ, чтобы, во избѣжаніе путаницы, никто несмѣлъ выходить изъ своихъ границъ и врываться въ границы сосѣдняго отряда. Для наблюденія за порядкомъ, начальство надъ каждымъ отрядомъ поручается, избраннымъ ранѣе на сходѣ, сотенному и двумъ пятидесятникамъ. По окончаніи всѣхъ этихъ приготовленій, служится мірской, напутственный молебенъ и волкогоны идутъ на сѣверный берегъ острова, откуда должно начаться преслѣдованіе волковъ.

На сѣверномъ берегу волкогоны становятся по своимъ мѣстамъ, какъ будто хорошо обученное и дисциплинированное войско. Каждый отрядъ въ своихъ границахъ растягивается цѣпью, сливаясь на границахъ съ сосѣдними отрядами, такъ что всѣ они образуютъ одну непрерывную цѣпь волкогоновъ, разставленныхъ на небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Раздается сигналъ, и вся цѣпь волкогоновъ разомъ поднимаетъ ужасный шумъ,—всѣ кричатъ какъ можно громче, колотятъ трещетками, трубятъ въ трубы, стрѣляютъ изъ ружей, шумятъ кто во что гораздъ. И среди этой безобразной разноголосицы, подъ оглушительный шумъ этого дьявольскаго оркестра вся цѣпь волкогоновъ въ порядкѣ выступаетъ въ путь. Порядокъ этого крестьянскаго похода примѣрный: ни одинъ волкогонъ не зайдетъ въ границы сосѣдняго отряда.

не выдвинется изъ цѣпи слишкомъ далеко, не отстанетъ назади, не перестанетъ держаться приблизительно равнаго разстоянія отъ своихъ сосѣдей. Сотенные и пятидесятники зорко смотрятъ за своимъ отрядомъ и, чуть замѣтятъ малѣйшее замѣшательство, тотчасъ прекращаютъ безпорядокъ, а главное,—то и дѣло напоминаютъ волкогонамъ, чтобы шумѣли, какъ можно громче.

Шумъ, поднятый волкогонами, пугаетъ волковъ и гонитъ ихъ въ глубину острова. Между тѣмъ, человѣческая цѣпь безостановочно и все въ одномъ и томъ-же порядкѣ подвигается впередъ и снова настигаетъ звѣря, скрывшагося въ какой нибудь глухой трущобѣ. Волкъ опять пускается бѣжать отъ человѣка, но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе онъ привыкаетъ къ крику, стуку, ружейнымъ выстрѣламъ и начинаетъ держаться не вдалекѣ отъ цѣпи. То тамъ, то здѣсь волкъ показывается на глаза волкогонамъ и по цѣпи проносятся оживленные крики: „волкъ, волкъ!“ Наступаетъ моментъ самый опасный для успѣха облавы. Бѣда, если горячіе охотники увлекутся преслѣдованіемъ и, бросившись къ волку, растроютъ порядокъ въ цѣпи. Тогда волкъ легко можетъ прорваться сквозь разорванную цѣпь, и волкогонамъ придется снова начинать преслѣдованіе. Для предупрежденія безпорядковъ начальники отрядовъ суетливо бѣгаютъ вдоль цѣпи, наблюдая, что бы никто не забѣгалъ впередъ и всѣ держались на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Волкогоны, поощряемые приказаніями сотенныхъ и пятидесятниковъ, поднимаютъ усиленный шумъ, и испуганный волкъ снова убѣгаетъ съ глазъ долой.

Когда цѣпь выходитъ на такъ называемый „зимникъ“ т. е. зимнюю дорогу, проложенную поперекъ острова, въ это время преслѣдованіе волковъ пріостанавливается. Шумъ смолкаетъ, утомленные волкогоны усаживаются вдоль дороги по своимъ мѣстамъ, и каждый принимается за принесенный имъ изъ дома обѣдъ. За обѣдомъ слѣдуетъ небольшой отдыхъ, во время котораго староста раздаетъ пистоны и порохъ тѣмъ волкогонамъ, у которыхъ осталось мало прежде выданныхъ зарядовъ. Отдохнувъ, всѣ, въ прежнемъ порядкѣ, съ шумомъ и гамомъ, отправляются въ дальнѣйшій путь. Теперь волкогонамъ осталось безостановочно пройти еще 13 верстъ до такъ называемой „Волчьей смерти“. И что за трудный, что за утомительный путь предстоитъ имъ. Въ иномъ мѣстѣ нужно брести болотомъ по поясъ въ водѣ; тамъ приходится перелезать чрезъ груды валежника, здѣсь перескакивать съ кочки на кочку, въ другомъ мѣстѣ то и дѣло спотыкаться объ усѣянные по землѣ камни, или пробираться сквозь лѣсную чащу,

Въ то же время нужно смотрѣть по сторонамъ, что бы не нарушить порядка въ цѣпи, и безъ перерыва и умолка должно кричать во все горло колотитъ по деревьямъ и камнямъ, стучать чѣмъ ни попало, стрѣлять изъ ружей. И чѣмъ ближе придвигаются волкогоны къ „Волчьей смерти", тѣмъ чаще и суетливѣе бѣгаютъ вдоль цѣпи сотенные и пятисотники, приказывая, какъ можно больше шумѣть, тѣмъ громче и задорнѣе становятся крики и чаще раздаются ружейные выстрѣлы. Здѣсь волкогонамъ нужно особенно постараться, чтобы прогнать всѣхъ волковъ чрезъ „Волчью смертью", чтобы ни одинъ волкъ не могъ проскользнуть и вернуться назадъ.

„Волчьею смертью" называется узкій перешеекъ шириною въ 400 саженей, раздѣляющій островъ на двѣ половины. Сюда къ полудню собираются болѣе 100 человѣкъ насѣтниковъ и скрываются въ засадѣ, поджидая прибытія волкогоновъ. Какъ скоро волкогоны прогонятъ всѣхъ волковъ чрезъ „Волчью смерть" и сойдутся на перешейкѣ, насѣтники выходятъ изъ засады и смѣняютъ волкогоновъ въ преслѣдованіи звѣря. Теперь волкогоны уходятъ за 5 верстъ въ Климецкій монастырь, гдѣ и остаются ночевать. Между тѣмъ насѣтники поспѣшно принимаются за работу, перегораживая перешеекъ въ иныхъ мѣстахъ частымъ частоколомъ, а большей частью, принесенными съ собою, рѣдкими и толстыми сѣтями, которыя разставляютъ въ два ряда. Окончивъ изгородь, они остаются около нея на всю ночь караулить, чтобы какой нибудь хитрый волкъ не могъ проскользнуть чрезъ частоколъ, или сѣти.

Волкогоны, переночевавъ въ Климецкомъ монастырѣ и отслуживъ поутру напутственный молебенъ, идутъ на южный конецъ острова. Здѣсь отряды разстанавливаются въ такомъ же точно порядкѣ, какъ было наканунѣ на сѣверномъ концѣ острова. Опять поднимается шумъ, гамъ и стрѣльба изъ ружей, опять волкогоны въ строгомъ порядкѣ вступаютъ въ свой обычный походъ и гонятъ волковъ къ „Волчьей смерти".

Между тѣмъ насѣтники сидятъ около изгороди, спрятавшись въ засадѣ,—въ наскоро устроенныхъ шалашахъ. Они съ нетерпѣніемъ поджидаютъ, скоро-ли заслышится шумъ и трескъ, поднятый приближающимися къ нимъ волкогонами.

Издали начинаетъ доноситься глухой гулъ человѣческихъ голосовъ и звуки ружейныхъ выстрѣловъ. Шумъ становится все яснѣе и яснѣе, по мѣрѣ приближенія волкогоновъ. Начинаютъ показываться и волки, но встрѣтивъ изгородь, поворачиваютъ назадъ.

Насѣтники приготовляютъ дубины и топоры, чтобы бить волковъ, но все еще смирно сидятъ въ засадѣ, поджидая своей очереди. Пока работаютъ по прежнему одни волкогоны, и притомъ теперь у нихъ идетъ самая трудная работа, требующая особеннаго вниманія и ловкости. Волки, встрѣтивъ изгородь изъ сѣтей и частокола въ „Волчьей смерти", бѣгутъ назадъ и стараются проскользнуть сквозь цѣпь волкогоновъ. Теперь нужно смотрѣть въ оба глаза и шумомъ не пропускать звѣря сквозь цѣпь, отгоняя его обратно къ изгороди.

Наконецъ, когда волкогоны, смыкаясь все тѣснѣе и тѣснѣе другъ къ другу по мѣрѣ приближенія къ узкому перешейку, близко подойдутъ къ изгороди, тогда предъ глазами, засѣвшихъ по шалашамъ, насѣтниковъ открывается рѣдкая картина. Множество звѣрей сбѣгаются къ изгороди. Сотни зайцевъ проскакиватъ сквозь рѣдкія сѣти и благополучно скрываются въ сѣверной половинѣ острова, не привлекая на себя вниманіе человѣка. Лисицы и волки то бѣгаютъ около изгороди, стараясь найти въ ней лазейку, то бѣгутъ назадъ, но, отогнанные волкогонами, опять возвращаются къ ужасному для нихъ мѣсту, къ „Волчьей смерти". А волкогоны сомкнутою цѣпью уже подошли къ сѣтямъ, и звѣри, испуганные и оглушенные ужаснымъ шумомъ, безнадежно бросаются въ сѣти.

Наконецъ насѣтники выскакиваютъ изъ засады и начинается дикая сцѣна убійства лисицъ и волковъ, запутавшихся въ сѣтяхъ. Съ волчьихъ и лисьихъ труповъ тутъ же сдираются шкуры и потомъ относятся въ Климецкій монастырь въ благодарность за ночлегъ и ужинъ, безплатно предложенный волкогонамъ.

Крестьяне съ радостью возвращаются по домамъ послѣ 2-хъ дневной утомительной облавы, если она окончилась благополучно и ни одинъ волкъ не ушелъ отъ смерти. Но бѣда если, по какой нибудь оплошности, волкъ успѣлъ ускользнуть отъ крестьянъ —тогда облава начинается снова. Сѣнногубскіе крестьяне настойчивы; они не успокоиваются до тѣхъ поръ, пока на островѣ не останется ни одного волка.

Чего же стоитъ крестьянамъ эта мірская облава? Если въ облавѣ участвуютъ 1000 человѣкъ, то на борьбу со звѣремъ тратится 2000 рабочихъ дней, не считая времени израсходованнаго на сельскій сходъ и другія приготовленія къ облавѣ. Денежная стоимость потраченнаго времени составляетъ не менѣе 1000 рублей,— сумма весьма почтенная для населенія въ 2500 душъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Понятно, что крестьяне горько жалуются,

разсказывая, какъ дорого обходится имъ ежегодное истребленіе волковъ. Но прекращать мірскія облавы они не думаютъ. Нѣтъ,— они несогласны на это, совершенно вѣрно разсчитывая, что для каждаго изъ нихъ выгоднѣе потерять два рабочихъ дня, чѣмъ, все лѣто безпокоится изъ за волковъ и терпѣть отъ нихъ убытокъ".

„Разсказы объ общественной облавѣ на Климецкомъ островѣ, говоритъ Приклонскій, разошлись по всей Олонецкой губерніи, и вездѣ крестьяне пришли къ убѣжденію, что это есть единственное, радикальное средство избавиться отъ хищничества волковъ. Какъ только гдѣ нибудь появится особенно много волковъ,—тамъ непремѣнно начинаются толки о мірской облавѣ на нихъ. Общественные порядки, заведенные на Климецкомъ островѣ, пришлись всѣмъ по душѣ, и всѣ были бы рады перенять ихъ про свой обиходъ. Но какъ скоро отъ словъ приходится перейти къ дѣлу тутъ снова выплываютъ наружу старыя сомнѣнія и неувѣренность въ своихъ силахъ". Съ нашимъ-ли народомъ новые порядки заводить? толкуютъ крестьяне въ отдѣльныхъ кружкахъ. Мы согласны на облаву, а, можетъ, кто другой не желаетъ; легкое-ли дѣло все общество сговорить. Да поди знай, удастся-ли еще облава? Намъ она дѣло новое, можетъ, что и не такъ сдѣлаемъ. Авось Господь и безъ того помилуетъ". А между тѣмъ, и точно,—волкъ, „рискучій пакостникъ переходитъ другое мѣсто, и толки о мірской облавѣ смолкаютъ, чтобы снова начаться тамъ, куда перекочевала стая хищниковъ".

Соглашаясь съ тѣмъ, что не легко привести къ соглашенію цѣлое общество, мы думаемъ однако, что главнѣйшею причиною, удерживающею отъ учрежденія мірской облавы, является очевидная безрезультатность такой облавы на материкѣ, гдѣ новыя стаи волковъ могутъ явиться изъ сосѣдняго общества и потребовать новой облавы; кромѣ того является вопросъ, гдѣ и какимъ образомъ устроить такое безвыходное положеніе, какъ „Волчья смерть" на Климецкомъ островѣ? Устраивавшіе облаву могутъ успокоиться, конечно, лишь въ томъ только случаѣ, если они жители острова, какъ сѣногубцы, или если они знаютъ, что на окружающемъ ихъ материкѣ нѣтъ больше волковъ, что они истреблены облавою повсемѣстною, государственною, или охватившею значительный районъ по крайней мѣрѣ въ нѣсколько губерніи.

Что крестьяне не боятся затраты на облаву нѣсколькихъ рабочихъ дней, объ этомъ свидѣтельствуетъ мірская облава сѣногубскихъ крестьянъ; мало того и на материкѣ, даже неогражденные

отъ дальнѣйшаго вторженія волковъ изъ сосѣдней территоріи, крестьяне, окончательно выведенные изъ терпѣнія наглостью хищниковъ, рѣшались на мірскую облаву; такъ напр. обыватели общества Кучепалды Каргопольскаго уѣзда въ 1880 г. страшно терпѣли отъ волковъ: хищники эти драли скотъ у самыхъ воротъ на глазахъ обывателей и ночью оглашали окрестность своимъ отвратительнымъ воемъ; „волчиха, передавалъ мнѣ разсказчикъ, большимъ голосомъ, а маленькіе такъ тонкимъ прихватятъ—какъ пѣсни поютъ“.

Наконецъ обыватели семи деревень рѣшили устроить на волковъ облаву, на которую изо всѣхъ семи деревень пошло по одному человѣку съ каждаго дома. Какъ была организована облава, на сколько порядокъ ея былъ похожъ на порядякъ облавы сѣногубскихъ крестьянъ, разсказывавшій о ней новобранецъ изъ той мѣстности сообщить не могъ, онъ передавалъ только, что облава эта не удалась, что волки всѣ разбѣжались кромѣ одного довольно матераго волка, который торжественно сожженъ былъ на кострѣ на глазахъ населенія всѣхъ семи деревень: по народному повѣрью, волки боятся запаха жжонаго мяса своихъ собратовъ, далеко отъ него убѣгаютъ. Облава эта стоившая двухъ дней, съ тѣхъ поръ не повторялась; такія же пробныя облавы имѣли мѣсто и въ другихъ уголкахъ Каргопольскаго уѣзда, но были неудачны: волки убѣгали и снова появлялись спустя не долгое время, доказывая, что борьба съ волкомъ одной деревней, однимъ обществомъ и волостью не можетъ быть успѣшною.

Цифры, иллюстрирующія въ наше время хищничество дикаго звѣря, впрочемъ обратили наконецъ на себя вниманіе русскаго общества, заставили встрепенуться и цѣлыя учрежденія: нѣкоторыя земства назначили поощрительныя преміи за убитыхъ хищниковъ и наконецъ Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству отъ 7 октября 1886 г. повѣлено, въ каждой отдѣльной части войскъ пѣхоты или кавалеріи имѣть особыя охотничьи команды изъ людей энергичныхъ, сильныхъ и искусныхъ въ стрѣльбѣ, а въ кавалеріи—въ ѣздѣ. Предметомъ занятій этихъ командъ должна служить главнымъ образомъ: въ пѣхотѣ—охота на хищныхъ звѣрей, а въ кавалеріи—псовая охота верхомъ.

Такія команды имѣются и при мѣстномъ батальонѣ въ г. Петрозаводскѣ, а также и при другихъ уѣздныхъ мѣстныхъ командахъ; къ сожалѣнію, изъ 9—10 командъ едва-ли не одна только пудожская охотничья команда дѣйствительно ходитъ на медвѣжью охоту, получаетъ преміи отъ земства, продаетъ шкуру медвѣдя, и вся

вырученная сумма дѣлится между участниками на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и заработанныя на вольныхъ работахъ солдатскія деньги. О существованіи этой команды знаютъ всѣ крестьяне Пудожскаго уѣзда и извѣщаютъ ее о появленіи звѣря. Команда является въ указанную мѣстность и охотится.

Военныя охотничьи команды явленіе новое, не успѣвшее еще заявить о себѣ какъ слѣдуетъ, но несомнѣнно, что уже самое учрежденіе такихъ командъ есть шагъ къ той государственной облавѣ, которую проповѣдывалъ покойный Приклонскій; [1]) остается пожелать, чтобы ежегодно, въ извѣстный срокъ, обязательный для всѣхъ охотничьихъ командъ, устраивались облавы на хищниковъ при дружной поддержкѣ со стороны мѣстныхъ жителей.

VII.

Артели лѣсного промысла.

Фиктивныя и дѣйствительныя лѣсорубочныя артели. Причины низкой заработной платы. Выгонка лѣса и постановленіе 1-го съѣзда земскихъ врачей. Бревнокатная и пиловая артель. Артель, сбросившая иго десятниковъ и ея организація. „Калыманъ“. Тесоносная и дровокатная артель. Женскія артели.

Лѣсной промыселъ охватилъ всю Олонецкую губернію; рубитъ лѣсъ и корелъ, и чудинъ и великоруссъ олонецкій, въ чаяніи себѣ прибыли, обогащая массу десятниковъ и лѣсопромышленниковъ. Тузы лѣсопромышленности, частью сидящіе въ самой Олонецкой губерніи, частью внѣ ея, разсылаютъ обыкновенно своихъ приказчиковъ въ разные уголки губерніи, гдѣ тѣ и входятъ въ легальныя и нелегальныя сношенія и переговоры съ блюдущими лѣсныя богатства.

Заручившись благоволеніемъ и разрѣшеніемъ начальства, приказчикъ принимается за наймъ крестьянъ для рубки и вывозки лѣса. Все количество нанятыхъ крестьянъ онъ дѣлитъ обыкновенно на артели, соединяя въ артель лицъ, живущихъ приблизительно въ одной мѣстности. Отъ такой артели требуется, чтобы она, какъ гласятъ письменные договоры, рубила деревья безъ гнилыхъ сучьевъ, прокладала дороги къ мѣстамъ сплава, гнала бревна по малымъ рѣчкамъ, отвѣчала за утраченные бревна и канаты и многое другое. „Съ неисправными порубщиками, гласятъ договоры, артель должна вѣдаться сама, не доводя компанію до отдѣльнаго разсчета“;

---

[1]) Народная жизнь на сѣверѣ. Стр. 307.

но въ то-же время „приказчикъ можетъ отказать артельщику, передать его работу другому".

Не говоря уже о томъ, многое изъ пишущагося въ договорѣ не исполняется какъ и по отношенію къ лѣсному уставу, такъ и по отношенію къ артели, и сама то артель есть не болѣе какъ фикція. Каждый изъ участвующихъ въ ней работаетъ не какъ артельщикъ, а какъ отдѣльное лицо, имѣетъ свою собственную книжку, гдѣ обозначается, сколько онъ вывозитъ, соразмѣрно съ чѣмъ онъ и получаетъ отъ приказчика деньги; хотя иногда и имѣется въ артели такъ называемый староста, но это обыкновенно лишь посредникъ между приказчикомъ и артелью, избранный приказчикомъ же для передачи денегъ отдѣльнымъ лицамъ, а не артели.

Круговая порука, упоминаемая въ договорахъ, судя по словамъ крестьянъ, рѣдко имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, потому что „перестанетъ возить одинъ, найдется другой".

Каждый нанятый крестьянинъ, если онъ имѣетъ свою лошадь и нужное число помощниковъ своей семьѣ, возитъ обыкновенно „на себя"; тѣ же, которые не имѣютъ лошади или не имѣютъ лишнихъ рукъ въ семьѣ, соединяются въ небольшія артели изъ 2-хъ, 3-хъ, 5-ти домохозяевъ, такъ напр. одинъ рубитъ, другой „коритъ" (т. е. обчищаетъ бревна отъ коры), третій возитъ бревна на берегъ какой-либо рѣки къ мѣсту, откуда долженъ начаться сплавъ лѣса, къ такъ называемому „кáтищу". Таковъ составъ артели, если кáтище отъ мѣста рубки лѣса недалеко; если же разстояніе это велико, то въ то время, какъ одинъ везетъ бревно къ кáтищу: другой успѣетъ и вырубить дерево и стесать кору, а потому и артель изъ 2-хъ человѣкъ вполнѣ достаточна.

Рубящій обыкновенно человѣкъ безлошадный и идетъ къ имѣющему лошадь въ качествѣ „козака" —работника, иногда съ платою по 20 коп. и болѣе въ день, иногда-же „съ половины" или „съ трети" заработка. Бываетъ и такъ, что двое, трое, пятеро крестьянъ лошадныхъ берутъ изъ своихъ семей по одному подростку, сами рубятъ и „корятъ" бревна, а подростки въ то-же время возятъ; деньги отъ приказчика получаетъ кто-либо одинъ изъ участвующихъ въ этой дѣйствительной артели и дѣлежъ производится по паямъ; такимъ-то образомъ оказывается, что фиктивная артель состоитъ изъ множества мелкихъ артелей, а также изъ отдѣльныхъ предпринимателей.

„Какъ велики выгоды, получаемыя крестьянами на вывозѣ за

ихъ тягостный трудъ, говоритъ С. И. Поляковъ [1]), рѣшить не трудно. Рабочій въ сутки на собственномъ содержаніи получаетъ 25 коп. и меньше (!); при такомъ дневномъ заработкѣ едвали и самъ онъ въ состояніи какъ слѣдуетъ пропитаться, лошадь же его навѣрное держится полуголодною; получая только сѣно, она ужъ и не видитъ хлѣба. Такимъ образомъ, лошади изнуряются еще больше, чѣмъ ихъ хозяева, и бываетъ такъ, что къ веснѣ лошадь заболѣваетъ и падаетъ или едва волочитъ ноги; она становится едва способною привезти сѣна да дровъ для дома; въ еще болѣе затруднительное положеніе становится крестьянинъ при наступленіи пахоты. Такимъ образомъ, весьма многіе поселяне впали въ нищету, и, несмотря на то, до сихъ поръ въ разныхъ волостяхъ работаютъ сотни человѣкъ".

Низость заработка объясняется, съ одной стороны, крайне недобросовѣстнымъ пріемомъ вырубленнаго лѣса отъ крестьянъ [2]), съ другой стороны, монополіей лѣсопромышленника или компаніи, иногда захватившей въ свои руки право рубки лѣса чуть не въ цѣломъ уѣздѣ. „Не имѣя предъ собою никакой конкурренціи, она, конечно, въ предѣлахъ отведенной ей области одна по произволу устанавливаетъ цѣны и до послѣдней крайности выгораживаетъ свои интересы, крестьяне же, какъ и вездѣ, руководимые часто безъисходною нуждою, соблазняются предлагаемыми имъ задатками по 9 руб. подъ каждыя сто бревенъ" [3]).

Въ письменномъ договорѣ, лежащемъ теперь предо мною, имѣется одинъ многозначительный параграфъ, въ нѣкоторой степени иллюстрирующій выгоды той же работы: „ежели, гласитъ параграфъ, при окончательномъ разсчетѣ за утраченные бревна и канаты *заработанныхъ денегъ на удовлетвореніе взысканія будетъ недостаточно*, то мы, порубщики, обязаны пополнить то число собственными наличными деньгами".

При чтеніи этого параграфа невольно припоминаются слова одного крестьянина, везшаго меня въ прошломъ году по р. Кемѣ (Вытегорскаго уѣзда): „снѣгу топтать люди на вывозку ходятъ,— увѣрялъ меня этотъ острякъ: — кулаки ломаешь, ломаешь, а разсчетъ придетъ, вмѣсто рукавицами хлопнешь, да и все тутъ!"

Лѣсъ, пригнанный порубщиками [4]) къ большой сплавной рѣкѣ,

[1]) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этногр. т. IX, стр. 29.

[2]) См. тамъ-же, т. III, стр. 479.

[3]) Тамъ же, томъ IX, ст. 29.

[4]) Сплавъ лѣса по малымъ рѣкамъ для порубщиковъ обязателенъ.

ожидается обыкновенно артелями изъ крестьянъ, навѣрбованныхъ десятниками во время уплаты податей въ февралѣ и мартѣ [1]). Эти рабочіе во время работъ обязаны безпрекословно повиноваться десятнику; получаютъ харчъ отъ хозяина и обязаны въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ выходить на работу въ 3 часа утра и оканчивать въ 9 часовъ вечера (ровно 18 часовъ); во время дня отдыхъ по назначенію хозяина; за лѣность и непослушаніе вычитается по одному рублю за день изъ жалованья, за болѣзнь—въ день по разсчету [2]). Хотя первый съѣздъ земскихъ врачей Олонецкой губерніи и рѣшилъ „обязать лѣсопромышленниковъ всѣхъ заболѣвшихъ на сплавахъ доставлять въ ближайшую больницу или къ ближайшему врачу и плату за лѣченіе больныхъ отнести на счетъ хозяевъ", но и теперь, какъ заболѣвшіе, такъ и пострадавшіе на сплавахъ, обыкновенно не знаютъ о мудромъ постановленіи съѣзда; лѣсопромышленнику же выгоднѣе отдѣлаться отъ пострадавшаго или безъ всякой затраты, или же давъ ему ничтожное вознагражденіе—рубль, два на дорогу до дому и на излѣченіе. Во время моихъ уже не однолѣтнихъ экскурсій по Олонецкому краю мнѣ не рѣдко приходилось встрѣчать такихъ злополучныхъ рабочихъ, пришедшихъ домой для излѣченія, лѣчащихъ домашними средствами сломанныя и раненныя руки и ноги. Въ прошломъ году мнѣ встрѣтился субъектъ, которому во время разборки „залома" [3]) его же багромъ раздробило нижнюю челюсть; щека гноилась и гангренозно синѣла, а несчастный лѣчился заговорами, нашептываніями и проч.; на убѣжденія мои отправиться въ городскую больницу, онъ отвѣчалъ что „тамъ возьмутъ за лѣченіе", а въ существованіе постановленія врачей даже не вѣрилъ; приглашенный мною староста чистосердечно сознался въ своемъ невѣдѣніи, а волостной писарь, не желая показаться профаномъ, развязно заявилъ, что дѣйствительно „что-то было писано гдѣ-то" объ этомъ, но что̀ такое—онъ не знаетъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ и это гуманное постановленіе постигнетъ та-же судьба, какая постигла предписаніе Лѣсного департамента о дозволеніи рубить подсѣки въ районѣ 3-хъ верстъ отъ селенія? Это послѣднее предписаніе состоялось 19 сент. 1868 года, а объявлено крестьянамъ лишь въ 1873 году!... [4])

---

[1]) Подробности см. „Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. Этн.", т. III, стр. 48 и т. IX, стр. 26.

[2]) „Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ." по отд. Этн., т. IX, стр. 27.

[3]) Куча бревенъ, натащенныхъ силою воды на камни или застрявшихъ въ узкомъ мѣстѣ рѣки.

[4]) Приклонскій, „Народная жизнь на сѣверѣ", стр. 72.

Пришедшія къ мѣсту назначенія бревна или поступаютъ на лѣсопильный заводъ, или пилятся ручными пилами на доски и рубятся на дрова; для этого бревна изъ воды выкатываются на берегъ или тѣми же выгонщиками, или же наемными лицами. Пилятъ бревна на доски и на дрова группами въ 2, 4 6 человѣкъ, складываютъ ихъ въ костры или стопы и получаютъ или по-саженно или съ сотни тесинъ и деньги дѣлятъ доровну.

Масса лѣсу, требуемаго для лѣсопильнаго завода, въ лѣтнюю пору обыкновенно прямо извлекается изъ воды заводскою цѣпью: бревно захватывается цѣпью и машина сама тащитъ его на заводъ по нарочно для того устроенному скату; бревна, назначаемыя для зимней заводской работы, должны быть выкатаны на берегъ.

Десятники добились того, что и здѣсь они, подобно тому какъ на сплавахъ, запродаютъ заводу закабаленныхъ рабочихъ; выходъ крестьянъ изъ-подъ кабалы затрудняется разнаго рода контрактами, недостаткомъ кредита, да и заводское начальство больше благоволитъ къ десятникамъ, а не къ крестьянамъ, исполняющимъ работу; не смотря на все это, выходъ все-же возможенъ, какъ доказали крестьяне Логмозера Петрозаводскаго уѣзда. Лѣтъ 5—6 тому назадъ, разсказываютъ крестьяне, когда наступилъ срокъ окончанія договора завода съ обывателями оз. Логмозера на право стоянія завода на крестьянской землѣ, крестьяне на общемъ сходѣ рѣшили „не давать рукъ", т. е. не подписываться подъ контрактомъ на дальнѣйшее существованіе завода на ихъ землѣ въ томъ случаѣ, если заводское начальство не согласится дать работу имъ, а не десятнику. Долго заводъ не соглашался; десятники и сельская администрація пустили въ ходъ обѣщанія, увѣщанія, угрозы, спаиваніе водкою, но ничто не помогало, крестьяне стояли на своемъ: „или заводъ выноси, или намъ работу дай"! Наконецъ, управляющій заводомъ, видя, что дѣло принимаетъ слишкомъ острый характеръ, что крестьяне цѣлыхъ 4-хъ деревень уперлись не на жизнь, а на смерть, „махнулъ рукой: возите всѣ"!

Такимъ образомъ 4 деревни: Наволокъ, Тихонъ-наволокъ, Лехъ-наволокъ и Ручьи взяли подрядъ на заводскую работу и исполняютъ ее изъ года въ годъ. Деревни устроили между собою очередь такъ, что 2 года работаютъ деревни Наволокъ, Тихонъ-наволокъ и Ручьи вмѣстѣ, а третій годъ одна большая деревня Лехъ-наволокъ. Эти двѣ большія смѣны кромѣ того дѣлятся еще на малыя смѣны или артели: первая смѣна изъ 3-хъ деревень

точно также и вторая, изъ одной деревни, дѣлится на 2, 3 и 4 артели; при этомъ д. Ручьи всегда состоитъ изъ двухъ артелей, а дд. Наволокъ и Тихонъ-наволокъ работаютъ то въ одной артели, то порознь. Въ свой очередной годъ эти артели выкатываютъ заводскія бревна на берегъ по-очередно: выкатаетъ одна штабель въ 1500—2000 бревенъ, идетъ на работу другая и т. д. Ежедневно два очередные артельщика представляютъ для работъ пару или своихъ лошадей, или нанятыхъ по 1 р. въ день; погонщикъ къ нимъ стоитъ 25 коп. въ день, но обыкновенно погонщиками являются мальчики-сыновья тѣхъ-же очередныхъ артельщиковъ. Не явившійся на работу долженъ представить за себя рабочаго и расплачиваться самъ. Лицо, не желающее или не могущее участвовать въ артельной работѣ, продаетъ свое право на участіе или комулибо изъ своихъ-же товарищей артельщиковъ, или даже совершенно постороннему лицу за „калыманъ", состоящій изъ трехъ рублей. Бываетъ иногда, что цѣлая деревня отказывается отъ работы, напр. д. Лехъ-наволокъ, но никогда при этомъ работа не передается слѣдующей смѣнѣ; работать въ какомъ случаѣ идетъ артель, составившаяся экспромптомъ изъ лицъ, уплатившихъ трехрублевый калыманъ каждому домохозяину очередной деревни; калыманъ платитъ не артель деревнѣ, а каждое отдѣльное лицо отдѣльному домохозяину.

Артель работаетъ лѣто и зиму: лѣтомъ выкатываетъ бревна на берегъ, а зимой подвозитъ ихъ къ заводу на такое разстояніе чтобы заводская цѣпь свободно могла захватить нужное бревно. Плата какъ за лѣтнюю, такъ и за зимнюю работу производится отдѣльно.

Вмѣстѣ съ открытіемъ навигаціи тесъ начинаютъ грузить на суда. Грузятъ артели въ 10, 15 и болѣе человѣкъ; при этомъ бываетъ, что на одномъ суднѣ работаетъ нѣсколько артелей, но случаи, чтобы одна артель работала сразу на нѣсколькихъ судахъ, крайне рѣдки. Работа артели состоитъ только въ подносѣ на судно теса, раскладываніемъ же его занимаются уже судорабочіе. Артель выбираетъ обыкновенно двухъ кашеваровъ, которые освобождаются отъ работъ на время варки, а также для закупокъ.

Если нужно грузить на суда дрова, то артели изъ 5—8 человѣкъ катаютъ ихъ на тачкахъ или прямо на суда по настланному тесу, или же только до пристани, какъ это практикуется въ селѣ Вознесенская пристать. Съ пристани на суда и пароходы дрова носятъ уже женщины на носилкахъ.

Женскія артели здѣсь состоятъ изъ 4, 6 и болѣе человѣкъ; ношеніемъ дровъ занимаются какъ мѣстныя дѣвушки и женщины, такъ и жены солдатъ мѣстной команды, пришедшія иногда за сотни верстъ, чтобы жить подлѣ своихъ супруговъ.

VIII.

Артельные и мірскія запашки, сѣнокосы.

„Обчина“ или „обчина“. „Сороковицы“. Артель, распространяющая травосѣяніе. Артельные стога. Выдѣлъ пая на „церковь и „на пропой“

Выборъ мѣста для подсѣки, т.-е. искусство по растущимъ на извѣстной площади деревьямъ, травѣ, мхамъ и т. п. опредѣлить характеръ почвы, опредѣлить по скудости или богатству на различныхъ сторонахъ дерева вѣтвей, по цвѣту коры отношеніе мѣста къ странамъ свѣта, искусство регулировать огонь и равномѣрно въ требуемой степени прожечь почву,—все это представляетъ секреты вѣковой агрономіи простаго русскаго человѣка.

Агрономія эта чисто-практическая, не писанная. Передается она изъ рода въ родъ, отъ отцовъ сыновьямъ, внукамъ, правнукамъ и т. д.; частности ея, извѣстныя всей массѣ крестьянства, въ то же время, во всемъ объемѣ извѣстны не всякому изъ среды крестьянъ.

Кромѣ извѣстнаго запаса знаній, для рубки подсѣки необходимо еще много времени и денегъ, что и дѣлаетъ изготовленіе ея въ одиночку возможнымъ или для крестьянина зажиточнаго, или большесемейнаго.

Небогатые и малосемейные олончане достигаютъ того же самаго, и, притомъ, такъ, что работа выполняется веселѣе, скорѣе, легче и вѣрнѣе посредствомъ соединенія въ артели.

Подсѣчная система хозяйства, издавна практикуемая въ Обонежьѣ, заставляетъ насъ предполагать такія же артели и въ сѣдой древности, но исторія не занесла ихъ на свои вѣщія страницы.

Писцовая книга Обонежья 1622 г. передаетъ намъ о существованіи земледѣльческихъ товариществъ, которыя составлялись ради арендованія и покупки земель и нерѣдко, говоритъ С. А. Приклонскій, „помогали обезземеливанію крестьянской массы точно такъ же, какъ богатые торговцы и родовыя семьи“ [1]).

[1]) Народная жизнь на сѣверѣ, стр, 121.

Артелей такого рода теперь, повидимому, нѣтъ: въ аренду берутъ лишь богачи и большесемейные.

Нынѣшняя земледѣльческая артель создается не ради захвата подъ видомъ купли или аренды земли уже воздѣланной, но ради созданія новой культурной площади, ради облегченія труда каждаго изъ участниковъ; въ ней, по пословицѣ: „умъ хорошо, а два лучше", дѣло ведется на основаніи общаго мнѣнія и, такимъ образомъ, на основаніи совѣта лицъ болѣе свѣдущихъ въ самобытной деревенской аграноміи; помогая знаніемъ, артель помогаетъ и матеріально, давая малоимущему ржи на сѣвъ съ обязательствомъ возвратить взятое по осени безъ всякаго процента; точно также вмѣстѣ съ введеніемъ каргопольскими крестьянами на подсѣкахъ травосѣянія, артель даетъ въ долгъ и сѣмена „сіянки" (тимоѳеевой травы); кромѣ того, артель сообщаетъ неопытному необходимыя при травосѣяніи свѣдѣнія, учитъ его примѣнять ихъ на практикѣ и подымаетъ, такимъ образомъ, своихъ неимущихъ товарищей, какъ мы уже раньше имѣли случай печатно выразиться [1]), до высшаго уровня развитія мѣстной земледѣльческой культуры, является двигателемъ сельско-хозяйственнаго прогресса.

Товарищества такого рода зовутся „сябрами", „артелями", „мѣстовщиною" (Вытегорскій у.), „мислиною" (Пудожск. у.) и, наконецъ, вопреки всѣмъ увѣреніямъ писавшихъ о томъ, что „община" не народный терминъ, а чисто-литературный, зовутся „обчйною" въ Волосовской, Троицкой и Уствельгской волостяхъ и „обцйною" въ Мошинской волости.

Согласившись работать вмѣстѣ, крестьяне идутъ въ лѣсъ, сообща выбираютъ мѣсто для подсѣки, назначаютъ, по сколько „топоровъ" [2]) должно явиться на работу. сообща рубятъ въ первый годъ лѣсъ, въ слѣдующій годъ сжигаютъ его, обносятъ изгородью, сѣютъ всѣ поровну, боронятъ, назначаютъ для жатья своихъ бабъ и дѣлятъ или сжатый хлѣбъ снопами, или же обмолоченный уже зерномъ по количеству „топоровъ" или семействъ.

Въ артель соединяются одна, двѣ, три семьи (Кимозеро, Лодейноп. у., Айнозеро, Вытег. уѣзда: и во многихъ другихъ мѣстахъ) и болѣе; отъ каждой семьи идутъ по 1, 2, 3 человѣка, и

[1]) Русскія Вѣдомости 1887 г., № 345, ст. Кормовыя средства и травосѣяніе въ Обонежьѣ.

[2]) Подъ терминомъ „топоръ" разумѣется взрослый человѣкъ, могущій работать топоромъ; два подростка составляютъ одинъ „топоръ"; женщина идетъ на подсѣку на одинаковыхъ съ мужчиною правахъ.

такимъ образомъ получаются артели въ 5—7 чел. (повсюду), въ 10—12 чел. (Мошинское оз.).

Лѣтъ 30 или болѣе тому назадъ въ Фатьяновской вол., Каргопольскаго уѣзда, по словамъ старожиловъ, рубились подсѣки 40 домохозяевами, въ память чего и мѣста эти, теперь поросшія дикимъ лѣсомъ, народъ зоветъ „сороковицами"; отсутствіе такихъ большихъ подсѣкъ въ нынѣшнее время мошинскій обыватель объясняетъ тѣмъ, что „мѣстъ такихъ нѣтъ", но согласиться съ такамъ объясненіемъ, конечно мудрено, потому что новая артель въ крайности могла бы изготовить подсѣку и на мѣстѣ „сороковицы".

Причина отсутствія большихъ подсѣчныхъ артелей лежитъ здѣсь въ чемъ-либо другомъ, тѣмъ болѣе, что не вдалекѣ же отъ нихъ до нашихъ дней рубятся сравнительно бо̀льшія подсѣки, иногда нѣсколькими деревнями вмѣстѣ; такъ наприм., обыватели дд. Доршинской и Исаковской Колодозерской волости, Пудожскаго уѣзда, лѣтъ 15 тому назадъ рубили подсѣку сообща въ количествѣ 60 человѣкъ, сѣяли по 1 пуду на душу и дѣлили снятый хлѣбъ на 25 паевъ.

Въ 1885 году крестьяне дер. Федоровской, Каргопольскаго уѣзда (на р. Кенѣ), рубили подсѣку въ 60 „топоровъ" и дѣлили снятый хлѣбъ на 30 паевъ.

Въ прошломъ году дд. Доршинская и Сюзикъ (на Пудожско-Каргопольскомъ трактѣ) рубили подсѣку вмѣстѣ. Снявъ съ подсѣки одинъ, два хлѣба, артель или бросаетъ старую подсѣку и рубитъ иногда не въ томъ уже составѣ другую, или обращаетъ ее въ такъ называемую „запольную" и дѣлитъ на участки, переходящіе въ собственность отдѣльныхъ артельщиковъ; такимъ образомъ, вслѣдъ за возникновеніемъ вопроса объ унавоженіи артель распадается.

Въ послѣднее время, впрочемъ, артель, способствуя развитію и распространенію травосѣянія, тѣмъ же травосѣяніемъ сама сильнѣе скрѣпляется, становится продолжительнѣе: дѣло въ томъ, что разъ засѣянная тимоѳеевой травой подсѣка жнется и косится 5, 8, 10, а при удобной почвѣ даже 15 лѣтъ [1]) сряду и артель

---

[1]) Русскія вѣдомости 1887 г. № 349, ст.: Кормовыя средства и травосѣяніе въ Обонежьѣ.

[2]) „Заколиною" зовется количество сѣна, помѣщающееся между двумя колами; колы эти ставятся посреди зарода (считая отъ одного бока къ другому) и количество ихъ доходитъ до десятковъ.

собираетъ въ продолженіе этого времени сѣмена (дѣля фунтами) и сочное сѣно (дѣля заколинами [2]) или кучами).

Рубятся подсѣки и специально для сѣнокоса (безъ засѣва тимоѳеевой травы), но больше отдѣльными зажиточными лицами и лишь изрѣдка въ восточной части губерніи (Мошинское оз., Воеозеро, Каргопольскаго уѣзда) артелями; точно также осушка болотъ для сѣнокоса производится отдѣльными зажиточными лицами, артельная же осушка, насколько намъ удалось наблюсти, представляетъ явленіе крайне исключительное, хотя въ литературѣ и имѣются сообщенія о знаменитомъ Туксинскомъ болотѣ, а также у Приклонскаго (стр. 44) объ артеляхъ въ 3—4 человѣка.

На подсѣкѣ, подготовляемой для сѣнокоса, соблюдается то же дѣленіе на „топоры" и паи, какъ и при кошеніи тимоѳеевой травы.

При существованіи подсѣкъ, производимыхъ цѣлою деревней для полученія пахотной земли, мы не наблюдаемъ, въ то же время, ни одной мірской подсѣки, рубленой ради полученія сѣнокоса, между тѣмъ, существующіе общинные покосы заставляютъ предполагать, что такія подсѣки въ былое время практиковались и остались до сихъ поръ въ распоряженіи потомства.

Нѣкоторые изъ покосовъ, принадлежащихъ міру, теперь подѣлены на „трети" (Мошинское оз., Зарѣчное и Лимское общ.) и группы обывателей ежегодно переходятъ съ одной трети на другую, пока не дойдутъ до первой доставшейся на ихъ долю и т. д. Въ другихъ обществахъ и деревняхъ той же волости „трети" эти зовутся „общинами"—наприм., д. Кипровская, фатьяновской вол., дѣлятся на 6 „общинъ", деревня Парѳеновская на 2 „общины", по 30 человѣкъ въ каждой, и, наконецъ, д. Сельская, Лимскаго общ., представляетъ собою уже одну „общину" въ 40 домохозяевъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „трети", прежде погодно переходившія отъ однихъ къ другимъ, перешли въ постоянные покосы отдѣльныхъ группъ (Каргопольскій уѣздъ, Мошинское оз., Большая Шалга).

Въ другихъ мѣстахъ (Шимъ-озеро, Кимъ-озеро и и Юксовское, Лодейнопольскаго уѣзда; Айнозеро, Ковже-озеро, Вытегорскаго уѣзда, Колодозеро, Кенъ-озеро Водлозеро, Пудожскаго уѣзда, Фатьяновская, Троицкая, Волосовская, Мелентьевская и другія волости, Каргопольскаго уѣзда. а также изрѣдка и въ Петрозаводскомъ, Олонецкомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ) сѣнокосы не подѣлены на

„трети“ или „общины“, а косятся сообща обывателями цѣлой деревни, напоминая намъ объ извѣстныхъ по писцовой книгѣ 1622 г. волостныхъ покосахъ [1]).

На общинный или артельный покосъ участники являются по одному съ 2-хъ, 3-хъ и даже $1^1/_2$ и $2^1/_2$ душъ наличныхъ или ревизскихъ, смотря по уговору.

Не могущіе или не желающіе косить „продаютъ свои души“, т.-е свои артельные паи, или тѣмъ же артельщикамъ, или посторроннимъ лицамъ.

Скошенное артелью или общиною сѣно складывается всегда въ одинъ зародъ, артельный зародъ-гигантъ, доходящій до 40, 50 и болѣе саж. длины; на торчащихъ изъ массы сѣна кольяхъ артельщики ставятъ свои фамильные значки, состоящіе изъ разнаго рода комбинацій черточекъ, точекъ и срѣзовъ, и вывозятъ сѣно когда понадобится.

Въ нѣкоторыхъ уголкахъ губерніи даже при отсутствіи артельныхъ и общинныхъ сѣнокосовъ имѣются иногда небольшіе, отдѣленные отъ принадлежащихъ деревнѣ сѣнокосовъ, участки, косимые всѣми сообща обыкновенно по праздникамъ; при этомъ или все сѣно, или часть его продается для какой-либо надобности; такъ, наприм., д. Стегневская, Ряговской волости, Каргопольскаго уѣзда, отдѣлила часть выгона, обнесла его изгородью, коситъ его сообща и, продавъ сѣно, откладываетъ деньги на поправку часовни.

Въ Микулинской волости, Пудожскаго уѣзда, есть одна артельная пожня, укосъ которой выражается въ 30 заколинахъ; одна изъ этихъ заколинъ ежегодно продается за 2 руб. 50 коп.—3 р. и деньги отдаются въ церковь.

На Колодозерѣ, Пудожскаго уѣзда, одна заколина, проданная за 80 коп. идетъ въ церковь, а двѣ заколины или 1 руб. 60 коп. на „пропой“.

Въ деревнѣ Кривцахъ, Коловской волости, Пудожскаго уѣзда, такой покосъ косится всегда въ день заговенья, т. е. 30 августа; 80 коп., вырученныя за продажу одной заколины сѣна, отдаются въ церковь, а на 1 р. 60 к,, полученныя за двѣ заколины, покупается водка и приносится на лугъ; появляется деревенское печеніе, пироги, калитки и проч. и охмѣлѣвшіе артельщики съ пѣснями возвращаются домой.

---

[1]) О сѣнокосной пустоши, что была д. Голеневская, писецъ говоритъ: „а косятъ то сѣно всею волостью“; то же самое говоритъ онъ и о дер. Спиринской.

IX.

Артельныя и мірскія зданія.

Артельныя и мірскія мельницы. Артель въ артели. „Помельщикъ". Артельныя риги, рыбацкія избушки. Артельныя и общія бани.

По обычному праву олончанина, какъ при рыбной ловлѣ такъ и при постройкѣ мельницы пользованіе водою подводится подъ рубрику свободной заимки, — артель, строющая мельницу, не обязывается ни къ какому денежному взносу, ни тѣмъ болѣе къ передачѣ по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ мельницы въ собственность міра, какъ это имѣетъ мѣсто въ мельницахъ Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи [1]).

Мельничная артель [2]) состоитъ обыкновенно изъ 3—5 домохозяевъ, но доходитъ до 7 (Устьменга, Каргопол. уѣзда, Колодозеро, Пудожск. уѣзда), до 9 (Кимозеро, Лодейнопольскаго уѣзда), до 30—40 (Лекшмозеро, Мелентьевская волость, Каргоп. уѣзда, Колодозеро, Пудожскаго) и даже до 50 и 70 человѣкъ (дер. Лукояновская, Коневской вол., Каргопольскаго уѣзда).

Участники мельничныхъ артелей представляютъ группу домохозяевъ одной деревни или нѣсколькихъ, но мельница остается все же артельною, и чисто-мірскія мельницы, принадлежащія одной деревнѣ-общинѣ (дер. Чаженга, Каргоп. уѣзда, по р. Чурьегѣ) или двумъ деревнямъ (Айнозеро, Вытегорскаго уѣзда, р. Чурьега, Каргопольскаго), крайне рѣдки.

Артельная мельница устраивается на такъ называемыхъ „дняхъ": напримѣръ, „мельница о семи дняхъ", „мельница о десяти дняхъ" и т. п. Слова „день" и „пай" здѣсь равносильны и выраженіе „о семи дняхъ" означаетъ, что капиталъ и матеріалъ, потраченные на устройство [3]) артельной мельницы, создались изъ сложенія 7 паевъ и что въ каждыхъ семи дняхъ, составляющихъ одну смѣну, приходится по одному дню на каждый пай (на Кимозерѣ, Лодейноп. уѣзда, по цѣлой недѣлѣ, на Айнозерѣ, Вытегорскаго уѣзда, на недѣлю назначается 2 участника).

Пай [4]) можетъ быть внесенъ однимъ лицомъ (на Чурьегѣ встрѣ-

---

[1]) Недѣля 1877 г., № 44, ст.: „Мірскія мельницы.

[2]) Артельными мельницами бываютъ только водяныя мельницы, какъ дорого стоющія.

[3]) Камни, хворостъ для плотины и проч. возятъ сообща, точно также постройка мельницы, плотины и починка производятся всею артелью.

[4]) Вступающій въ мельничную артель платитъ въ Волосовской вол., Каргопольскаго уѣзда, 20 р. за полный пай и 10 р. за половину пая.

чается взносъ $1^1/_2$ пая), двумя, тремя, семью (Мелентьевская волость) и даже 15 человѣками (р. Чурьега), и въ такомъ случаѣ внесшій пай единолично имѣетъ право въ каждой смѣнѣ работать одни сутки, внесшіе пай вдвоемъ чередуются черезъ смѣну, втроемъ—черезъ 2, впятеромъ—черезъ 4 и т. д.

Такимъ образомъ, въ артельной мельницѣ мы наблюдаемъ собственно нѣсколько мелкихъ артелей—съ 2, 5, и до 15 участниковъ, соединившихся въ одну большую артель.

Каждая мелкая артель посылаетъ въ свой очередной день на мельницу по одному артельщику, устраивая очередь посредствомъ жеребьевки [1]).

Артельщикъ является на мельницу на правахъ полнаго хозяина (явка обязательна); онъ можетъ молоть и свое, и чужое зерно, брать за помолъ деньги въ свою собственность, но, въ то же время, отвѣчаетъ за порчу, причиненную имъ мельницѣ.

Къ западу отъ г. Каргополя отвѣтственность очереднаго артельщика переходитъ на такъ называемаго „помельщика".

„Помельщикъ„ не есть лицо, нанятое какимъ-либо отдѣльнымъ артельщикомъ ради замѣны себя, онъ не есть артельщикъ, назначенный на цѣлый годъ по заведенной очереди, какъ это практикуется въ мірскихъ артеляхъ. Мелетинской волости, Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи [2]),—„помельщикъ" Олонецкой губерніи есть лицо посторонее артели, но лицо, которому вся артель довѣряетъ мельницу.

Живетъ „помельщикъ" всегда при мельницѣ (за 3, 5 даже 10 верстъ отъ деревни), въ нарочно для того артелью устроенной избушкѣ (деревни Печниково, Лядины, Каргопольскаго уѣзда); онъ долженъ смазывать мельницу, держать ее въ опрятности, чинить небольшія погрѣшности, кромѣ того, помогать пріѣхавшему на мельницу артельщику, свалить съ воза и навалить на возъ хлѣбъ, пріютить его у себя на цѣлыя сутки, за всѣ эти услуги пріѣхавшій обязанъ кормить помельщика цѣлыя сутки и дать съ каждаго привезеннаго на мельницу мѣшка по „лопаткѣ" муки, безразлично, будетъ ли онъ молоть свою рожь или чужую.

Роль „помельщика" при такихъ условіяхъ въ восточной половинѣ Олонецкой губерніи настолько выгодна, что на нее идутъ съ охотою и платятъ артели за время работы отъ Ильина дня до весны 40 рублей.

---

[1]) Жеребьевка производится ежегодно весною.

[2]) Недѣля 1877 г., № 54, ст.: „Мірскія мельницы".

Артельныя риги [1])—явленіе обыкновенное въ Олонецкой губерніи и повсемѣстно строятся 3, 4 и 5-ю, а въ Заонежьѣ даже 8-ю и 10-ю домохозяевами съ тѣмъ же распредѣленіемъ на „паи“ и очереди.

Въ заключеніе, ради параллели съ упомянутыти артельными зданіями, можно указать еще на артельныя рыбацкія избушки (повсемѣстно), на артельныя сушилки [2]), устраиваемыя тѣми же рыбками для сушки ершей и вообще мелкой рыбы (Лачъ-озеро, Каргопольскаго уѣзда), а также на артельныя бани.

Бани во многихъ мѣстахъ Обонежья, подобно тому, какъ это было и въ древней Руси [3]), посѣщаются вмѣстѣ всѣми безъ различія пола и возраста: туда идутъ и женатые, и дѣвушки, и парни (въ восточной половинѣ губерніи въ волостяхъ: Коштугской, Чернослободской, Вытегорскаго уѣзда, въ Полтомской, Красновской, Коловской, Авдѣевской и Водлозерской, Пудожскаго уѣзда, въ Канакшанской, Мелентьевской, Федовской, Вадьинской, Ряговской и Лекшмозерской, Каргопольскаго уѣзда, и чуть не повсемѣстно въ западной половинѣ); баня строится или отдѣльнымъ лицомъ, или нѣсколькими сообща, причемъ если деревня мала, напримѣръ, около полдесятка домовъ, и всѣми домохозяевами; такъ или иначе, но въ баню идутъ всѣ сосѣди—и внесшіе, и не всесшіе своей доли труда.

Весною при сжиганіи подсѣкъ, когда всѣ могущіе работать уходятъ изъ дому, когда, въ то же время, необходимо вечеромъ смыть съ себя всю грязь, сажу, копоть и пепелъ, осѣвшіе на тѣло за день, а послать домой кого-либо истопить баню не всегда есть возможность, топкою бани занимаются поочередно отъ каждаго домохозяина оставшіеся дома старики и старухи.

---

[1]) Вь литературѣ встрѣчается лишь упоминаніе о существованіи артельныхъ ригъ; такъ напримѣръ, П. Минорскій, въ книжкѣ „Вытегорскія Кондуши“ (стр. 22), пишетъ, что „малосемейные и несостоятельные держатъ одну ригу сообща, что и называется имѣть сябру“.

[2]) См. главу объ артеляхъ рыбаковъ, стр. 27.

[3]) Полное Собраніе Законовъ, т. XI, декабрь 1743 г.; т. XV, августа 31, 1876 г.; Уставъ благочинія 1782 г., ст. 220 и др.; объ общихъ баняхъ упомнается и у Олеарія; общія же бани имѣютъ мѣсто и въ Щвеціи и Норвегіи (Отечеств. Зап. 1883 г., № 3, ст.: „Страна полуночнаго солнца и грамотныхъ поселянъ“ стр. 229).

X.

Помочи, печебитья, супрядки.

Кромѣ того, что олончанинъ строитъ хозяйственныя зданія, принадлежащія артели или даже цѣлой деревнѣ, однимъ изъ весьма распостраненныхъ видовъ крестьянской взаимопомощи, являются помочи при постройкѣ жилыхъ домовъ; при этомъ на помощь одному обывателю приходитъ вся деревня, вся община, иногда даже нѣсколько близь лежащихъ общинъ, со своими собственными орудіями: такъ напр. при возкѣ бревенъ для постройки дома, общинники являются со своими лошадьми, веревками, топорами и т. п. Въ лѣсъ ѣдутъ и мужчины и женщины (за отца или брата) длинною вереницею въ 20, 30 и болѣе лошадей; лѣсъ рубится сообща, сообща взваливается на дровни, везется, и въ 2, 3 или много 4 пріема на деревенской улицѣ воздвигаются цѣлыя горы бревенъ, привезенныхъ помочью. Хозяинъ угощаетъ помочанъ и начинаетъ строиться: для рубки сруба онъ нанимаетъ рабочихъ, но разъ срубъ сложенъ, та-же, помочь является къ нему по первому его зову, разбираетъ срубъ—и перекладываетъ на готовый фундаментъ или вообще на то мѣсто, гдѣ быть дому, конопатитъ его, пьетъ такъ называемое „обложейное“ и расходится по домамъ.

Кладку балокъ, потолка, стропилъ производитъ опять наемная сила, но какъ только домъ отстроенъ, какъ является необходимость подумать о запасѣ тепла на зиму, подумать объ изготовленіи печки, строющійся хозяинъ идетъ опять по деревнямъ; заходя въ каждую избу, а также при каждой встрѣчѣ онъ произноситъ: „прошу, пожалуй, на печебитье!“ Помочь является и на этотъ разъ какъ въ Каргопольскомъ, такъ и Вытегорскомъ уѣздѣ она состоитъ преимущественно изъ холостыхъ ребятъ и дѣвицъ.

Прежде всего они привозятъ въ достаточномъ количествѣ глину, затѣмъ печебитье производится слѣдующимъ образомъ: въ мѣстѣ, назначенномъ для печи, вырубается въ полу хозяиномъ вновь построеннаго дома четыреугольное пространство, въ углахъ котораго вкапываются въ землю толстые столбы; на нихъ вырубается срубъ въ нѣсколько вѣнцовъ, вышиною около 5 четвертей отъ полу, называемый „опечькомъ“; внизу опечка настилается полъ, а вверху потолокъ; на потолокъ кладется слой глины или кирпичей, толщиною около $1^1/_2$ вершка; глина слегка смачивается водою и сильно убивается молотомъ—это и будетъ „подъ“ печи. Затѣмъ дѣлается изъ полукруглыхъ обручей сводъ, обручи обиваются досками такъ что сводъ представляетъ собою родъ кибит-

ки; онъ становится посреди пода и долженъ представлять внутренность печки; досками-же огораживаютъ стороны обращеннаго внутрь избы мѣста, гдѣ должна быть печь. Глину мнутъ и укладываютъ въ это четыреугольное пространство, убиваютъ досками, молотами, даже ногами до тѣхъ поръ, пока вся печь не будетъ сбита въ одинъ комъ; затѣмъ въ выбитой до самой трубы печкѣ прорѣзываютъ устье печи, кладутъ изъ кирпича палатку и трубу и производятъ топку. Работа идетъ весело и живо, подъ тактъ народныхъ пѣсенъ и чрезъ какихъ нибудь два часа большая крестьянская печь бываетъ готова; послѣ этого на оставшейся глинѣ начинается пляска и раздаются веселыя пѣсни; хозяинъ угощаетъ парней водкой, а дѣвицъ—пряниками; помочане разходятся иногда только къ полуночи. Такого рода помочь не имѣетъ мѣста тамъ, гдѣ печь уже не битая изъ глины, а складывается изъ кирпичей; тамъ вмѣсто, помочанъ угощеніе получаетъ наемный печникъ, празднуя „печное" (когда печь сложена) и „дымовое" (когда выведена уже труба).

Помочь до сихъ поръ помогаетъ отдѣльнымъ обывателямъ производить кошеніе и жатву, являясь со своими косами, серпами, довольствуясь по большей части предложенной закускою, „да развѣ кто выпить любитъ, домой съ пѣсенками пойдетъ". На Мошинскомъ озерѣ кромѣ того варятъ для помочанъ еще „пиво" (брагу). Помочи устраиваются въ однихъ мѣстахъ по будничнымъ днямъ (Айнозерѣ, Кемозерѣ, Вытегорск. у.), въ другихъ по праздничнымъ и вечеромъ (Шимозеро), въ третьихъ и всего чаще въ праздничные дни и послѣ обѣда; на помочь идутъ и мужики, и замужнія женщины, и парни и дѣвушки, идутъ не только къ однодеренцамъ, но и къ членамъ сосѣднихъ общинъ, къ лицамъ служащимъ или вообще почему либо живущимъ въ деревнѣ, такъ напр. къ лѣсничему, фельдшеру, сельскому учителю, священнику и т. д. Идутъ охотно, потому что работа помочью не трудна, представляетъ благодаря большому собранію народа массу веселья, развлеченій; особенно любитъ помочи молодежь, для нея это просто праздникъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать упрашиванія молодыми дѣвушками какого либо домохозяина: „сдѣлай помоць, заискиваюце просятъ онѣ, всѣ соберемся, живо сработаемъ пѣсенъ напоемъ".

Помочь является какъ къ богатому, такъ и къ бѣдному, и пригласившій старается непремѣнно угостить помочанъ; помочь и угощеніе настолько неразрывно иногда связаны, что люди съ небольшими достатками, „маломощные", какъ ихъ обыкновенно зовутъ,

стараются обойтись безъ помочи, говоря что „и на помочь не напахать, а и пригласишь, да помочь все и съѣстъ“. Не смотря однако-же на это, въ Каргопольскомъ уѣздѣ напр. не рѣдко помогаютъ вдовамъ помочью и пахать и жать. Въ Каргопольскомъ же уѣздѣ есть спеціально „бабья помоць“: послѣ того какъ положены на овинъ для просушки ленъ или конопля, приглашаютъ помочь „мять“ ленъ. На такую помочь собирается отъ 15 до 20 и болѣе женщинъ и дѣвушекъ со своими „мялками“; помочь сопровождается угощеніемъ.

Древній обычай помочей годъ отъ году падаетъ; въ Заонежьѣ напр. передавали, что помочи устраиваются у нихъ лишь священниками; угощеніе помочанъ въ мѣстахъ, лежащихъ по трактамъ и близь городовъ, замѣняется платою денегъ; такимъ образомъ напр. въ Андомѣ, Оштѣ, Макачевѣ и многихъ мѣстахъ помочане являются уже наемными лицами, согласившимися за заработную плату (рѣдко пониженную противъ обычной) поработать нѣсколько часовъ, не смотря на праздничный день.

„Супрядки“ устраиваются обыкновенно лишь въ томъ случаѣ, если домохозяйки видятъ, что не поспѣть сработать требуемаго количества пряжи или шерсти; въ такомъ случаѣ онѣ въ одинъ изъ вечеровъ устраиваютъ у себя не только безплатную вечеринку, но угощаютъ еще дѣвушекъ, приходящихъ обыкновенно съ собственными прялицами, угощаютъ чаемъ, калитками, толокномъ и т. д.; кромѣ того приглашаютъ и парней, потому что „дѣвка безъ парня сидѣть не стане“, супрядокъ „льневыхъ“ кромѣ того въ Каргопольскомъ напр. уѣздѣ совсѣмъ не бываетъ, а только для праденія шерсти; въ Заонежьѣ супрядки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ практикуется лишь ради приготовленія пряжи для рыболовныхъ сѣтей.

XI.

Артельныя пирушки и посидѣлки.

Бесѣды очередныя. Наемъ помѣщенія. Плата денежная и продуктовая. „Виноградье“. „Сѣтки“, „остолушка“, „обчая киша“.

„Бесѣдою“, „посидкою“, а въ мѣстахъ, сильно тронутыхъ городскимъ вліяніемъ, и „клубомъ“ зовется изба, въ которой, начиная съ осени и кончая великимъ постомъ, сельская молодежь проводитъ долгіе зимніе вечера. Дѣвушки являются на посидку съ работой, большей частью съ пряденіемъ и разсаживаются по

лавочкамъ. Бойкія, привычныя руки, всучивая волокно за волокномъ, начинаютъ тянуть изъ неуклюжаго комка кудели непрерывную нить; раздается неугомонный стукъ веретенъ, говоръ и смѣхъ сельскихъ красавицъ, сидящихъ на своихъ прялицахъ, не рѣдко украшенныхъ вычурною рѣзьбой или окрашенныхъ въ яркія краски. Украшеніемъ прялицъ занимаются или братья дѣвушекъ или ихъ возлюбленные, нарочно дѣлающіе, какъ говорятъ, пошире площадку для прикрѣпленія кудели, „чтобы не видно было, какъ цѣлуются".

Собравшіяся дѣвушки успѣютъ обыкновенно наговориться, подѣлиться новостями до того времени, пока явятся парни съ пѣснями, прибаутками, гармоникой. Парни разсаживаются обыкновенно къ своимъ подругамъ, ведутся общіе и интимные разговоры, поютъ пѣсни, пляшутъ „утушку„, „завивай", „черника", а въ мѣстностяхъ, болѣе пронутыхъ городскимъ вліяніемъ, „кадрель", „ланце", „въ польку".

Избу молодежь обыкновенно нанимаетъ у какой-либо вдовы или вообще у людей небогатыхъ, которымъ не безвыгодно принимать у себя молодежь. Наемъ квартиры крайне рѣдко обходится чередованіемъ; такъ, напр., на Чикозерѣ (Лодейнопольскаго уѣзда), на Айнозерѣ, Кемозерѣ и р. Сойдѣ (Вытегорскаго у.) вечера поочередно устраиваютъ у себя всѣ взрослыя дѣвушки деревни. Изъ этой очереди никто не исключается, такъ что если въ одномъ домѣ имѣется 2—3 дѣвушки, то и количество справляемыхъ въ немъ вечеринокъ въ 2—3 раза больше, чѣмъ въ томъ домѣ, гдѣ дѣвушка лишь одна; при этомъ всѣ 2—3 вечера бываютъ одинъ за другимъ сряду, а затѣмъ уже молодежь переходитъ въ другой домъ. Для удобства очередь соблюдается, начиная съ одного края деревни и до другаго и вновь въ томъ же порядкѣ. Освѣщеніе — со стороны хозяйки; угощеніе же бываетъ лишь въ томъ случаѣ, если дѣвушка выходитъ замужъ. Постоянные переходы изъ одной хаты въ другую представляютъ то неудобство, что хата одной дѣвушки сравнительно съ хатою другой можетъ быть крайне малою и не въ состояніи вмѣстить всѣхъ желающихъ; кромѣ того, вечера въ своемъ домѣ неудобны для каждой дѣвушки-хозяйки еще и тѣмъ, что, находясь на глазахъ родителей, она по неволѣ должна держать себя скромнѣе прочихъ дѣвушекъ: для дѣвушки считается неловкимъ при родителѣ и родительницѣ цѣловаться съ парнемъ, сѣсть къ нему на колѣни или его посадить къ себѣ, а между тѣмъ всѣ другія все это позволяютъ себѣ, потому что для нихъ „эвто не въ своемъ домѣ". Нужно сказать, что вообще

на вечеринкахъ молодежь держитъ себя крайне свободно. Но это на сельскій взглядъ не представляетъ ничего особеннаго, и надо сознаться, что хотя это и носитъ, на взглядъ городскаго жителя, некрасивый обликъ, но не ведетъ къ тѣмъ непріятнымъ для дѣвушекъ послѣдствіямъ, которыя имѣютъ мѣсто въ городской жизни, не смотря на всю изысканность отношеній одного пола къ другому.

Способы платы за вечеринку весьма разнообразны: и деньгами, и хлѣбомъ, и дровами и проч. Дѣвушки, отправляясь на вечеринку, несутъ обыкновенно полѣно дровъ, коврижку хлѣба для хозяйки и горсть лучины для освѣщенія; въ Усть-Мошѣ Каргопольскаго уѣзда носятъ по уговору или керосину, или „свѣчу пальмыву". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Нименское, Бережная Дуброва Каргопольскаго у. и др.) въ продолженіе всей зимы дрова возятъ парни въ достаточномъ для отопленія нанимаемой квартиры количествѣ, но и здѣсь лучину для освѣщенія заготовляютъ дѣвушки; онѣ же ежесуботно моютъ полы нанимаемой комнаты [1]). Кромѣ того, платятъ и деньгами, иногда за всю зиму сразу, какъ это дѣлается, напр., въ Нигижмѣ Пудожскаго у., гдѣ дѣвушки платятъ за всю зиму 30 к., на Чикозерѣ Лодейнопольскаго у.—25 и 20 к. и т. п.; иногда же взносъ производится въ три срока, какъ, напр., въ Усть-Мошѣ Каргопольскаго у.: первый взносъ дѣлается предъ началомъ вечеринокъ, второй—предъ Рождествомъ, третій—предъ великимъ постомъ. Не мало и такихъ мѣстъ, гдѣ плата производится по-недѣльно, притомъ парни платятъ за всѣ будни, а дѣвушки лишь за дни воскресные такъ называемую „воскресенщину". Въ Ялгубѣ Петрозаводскаго у. плата производится по-вечерно, и величина ея для различныхъ половъ и возрастовъ различна; такъ, напр., парни платятъ по 10 коп. за вечеръ, дѣвушки—по 5 коп., подростки—по 3 коп.; въ большинствѣ случаевъ дѣло устраивается такъ, что дѣвушки вносятъ хозяйкѣ плату за всю зиму, а съ приходящихъ по праздникамъ (въ Нигижмѣ также и по буднямъ) парней берутъ такъ называемое „половое" —5, 10 и даже 20 коп.; парень, не уплатившій хозяйкѣ „половое", не имѣетъ права подсѣсть ни къ одной дѣвушкѣ, ни плясать съ нею; хотя онъ все же можетъ находиться въ комнатѣ, любоваться на танцы, любовныя изліянія молодежи, но на такую не завидную роль посторонняго наблюдателя мало охотниковъ. Парни чужой общины или волости платятъ „половое" въ двой-

---

[1]) То-же самое ставится въ условіе мастеровымъ дѣвушкамъ г. Петрозаводска, но хозяйка за мытье половъ должна угостить ихъ кофе.

номъ количествѣ. Оригинальны способы расплаты за пользованіе хатою въ Усть-Мошѣ и Лядинской волости Каргопольскаго уѣзда. Кромѣ взносовъ, дѣлаемыхъ дровами, лучиною, коврижками, а иногда и мукою или толокномъ (въ праздничные дни калитками и пирогами), въ Усть-Мошѣ плата дополняется еще калачами и деньгами, полученными за славленіе Христа (парнями) и за пѣніе „винограднья" (дѣвушками).

Въ первый день Рождества до обѣдни ходятъ славить Христа лишь нищіе и получаютъ за это такъ называемыя „короватки"—хлѣбцы на-половину ржаные, на-половину ячменные. Послѣ того, какъ православные уже пообѣдаютъ, славятъ Христа мальчики и дѣвочки, собирая въ свои „зобенки" (ручныя корзинки) пряники, сухари и крендели. Затѣмъ идутъ славить бабы и мужики, а по вечеру, когда кончится такъ называемая „денная игра" (зимній хороводъ), ходятъ славить парни, и отдѣльно отъ нихъ дѣвушки. Тѣ и другія собираются толпою со всей деревни, распѣваютъ праздничныя стихиры и получаютъ за то калачи и крендели. Кромѣ того, дѣвушки ходятъ еще пѣть „виноградье", но преимущественно къ лицамъ богатымъ, къ „торгованамъ" (купцамъ), а также къ людямъ служащимъ, такъ, напр., къ „наставницѣ" (учительницѣ), къ писарю волостному, къ старшинѣ, къ начальнику военной команды, къ фельдшеру, къ телеграфисту и т. д. Вваливаясь въ избу толпа поетъ:

1. Ты позволь, сударь хозяинъ, ко двору прійти,—
Виноградье красно-зелено — [1])
Ко двору прійти.
Ко двору прійти, да виноградье спѣть.
У хозяина дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ, да на семидесятъ столбахъ,
5. Кругомъ-около двора да желѣзный тынъ.
Что-ль на каждой тычинкѣ по маковкѣ,
Виноградье красно-зелено, *что-ль* по маковкѣ.
Что-ль по маковкѣ, по жемчужинкѣ,
По жемчужинкѣ, да по злату кресту.
Какъ хозяинъ въ дому, да какъ Адамъ въ раю;
10. Какъ хозяюшка въ дому, да какъ оладейка въ меду;
Малы дѣточки въ дому, да какъ орѣшечки.
Еще да́лече, дале́че во чистомъ полѣ.
Во чистомъ полѣ, да во удаленкѣ, [2]).

[1]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха съ повтореніемъ 2-й половины его и съ прибавленіемъ иногда что-ль, какъ въ стихѣ 6-мъ (также 17 и 23).

[2]) Въ отдаленіи, вдали.

Что-ль стоитъ тамъ яблонь кудреватая;
Что-ль подъ яблонькой кроваточка тесовая стоитъ,
На кроваточкѣ перинушка пуховая лежитъ,
На перинушкѣ сголовье косельчато (*или* косевчато).
Еще кто тутъ спитъ да опочивъ держитъ?
Еще спитъ, поспитъ *(имя хозяина)* господинъ.
Еще *(имя хозяина)* господинъ, да свѣтъ *(отчество хозяина)*
Со своей госпожей *(имя жены)* душой.
Еще съ *(имя жены)* душой да свѣтъ *(отчество ея)*.
Что-ль между ними катается златой перстень;
Что златой перстень да дума крѣпкая,
Дума крѣпкая да заединая.
Оны [1]) думали—гадали, ясна сокола сряжали, [2])
Ясна сокола сряжали, по поднебесью пущали;
Еще оны гадали, черна выдрушка сряжали,
Черна выдрушка сряжали, во темны леса пущали;
Да еще оны гадали, черна коробля сряжали,
Черна коробля сряжали, во синё море пущали.
Ясный соколъ идё, бѣлу лебедь несё,
Что-ль *(имя хозяина)* господину, имъ на кушанье;
Черный выдрушекъ идетъ, да много кунушекъ [3]) несетъ,
(Имя хозяйки) госпожѣ на кунью шубушку.
Ей шуба сошить, да къ обѣдни ходить;
Ей къ обѣднѣ ходить, да молебны служить;
Ей молебны служить, за царя Бога молить,
За царя, за дѣтей, за супруга своего;
Черный корабль идетъ, да живота много несетъ.
Что-ль *(имя хозяина)* господину на житье-бытье;
На житье-бытье да на богачество.
Не пора-ль тебѣ, хозяинъ, виноградчиковъ дарить?
Пора жаловати, да не отказывати.
Намъ не рубль, не полтина, не полтины половина;
Намъ не дорога полтинка серебряная,
Дорога ваша козулька [4]) рождественская,—
Виноградье красно зелено—да рождественская [5].)

---

[1]) Они.
[2]) Готовили въ путь.
[3]) Куницъ.
[4]) Родъ кренделя.
[5]) Сравн. съ „коледой" того-же уѣзда, помѣщенной у Колосова („Замѣтки о русск. яз. и народной поэзіи", стр. 168) а также съ записью Кораблева („Этнографич. и геогр. очеркъ г. Каргополя", стр. 60).

За такое яркое изображеніе богатства хозяина, его дома, двора, его „крѣпкой“, „заединой“ со своею хозяйкою думы, удачныя слѣдствія которой аллегорически передаются пѣснею, дѣвушки получають обыкновенно 10—15 коп., а отъ „хвастуновъ“ даже и 20, и „полтины половину“, отъ которой въ пѣснѣ отказывались, и 30 коп., и болѣе.

Какъ наславленные калачи и крендели, такъ и деньги, полученные за „виноградье“, относятся цѣликомъ къ той хозяйкѣ или старику хозяину, у которыхъ въ эту зиму бываютъ бесѣды.

Въ Лядинской волости Каргопольскаго-же уѣзда, кромѣ взносовъ дровами, мукой и проч., дѣвушки осенью жнутъ у хозяевъ квартиры нѣсколько полосъ ржи; если хозяева, у которыхъ дѣвушки „сидѣли“ предъидущую зиму, такъ бѣдны, что не имѣютъ ничего посѣяннаго, то дѣвушки нанимаются къ кому-либо побогаче жать „изъ зерна“, т. е. чтобы по сжатіи ржи хозяинъ поля далъ имъ столько зерна, сколько онъ сѣялъ на выжатомъ ими мѣстѣ. Благодаря такому способу расплаты за жатву, очень распространенному по Каргопольскому уѣзду, старикъ или старуха, пускавшіе къ себѣ въ продолженіе зимы молодежь, получаютъ хлѣбъ иногда въ такомъ количествѣ, что хватитъ на всю зиму.

Такую жатву дѣвушки устраиваютъ обыкновенно въ праздничный день послѣ обѣда. Разодѣтыя въ яркія праздничныя платья, вооруженныя серпами, дѣвушки толпою выступаютъ въ походъ, направляясь къ назначенному полю: за ними же двигаются парни съ гармониками; вся толпа съ пѣснями, а иногда и пляскою, достигаетъ поля и весело и ретиво принимается за работу. Благодаря тому, что жатье считается здѣсь работою чисто женскою, жнутъ однѣ лишь дѣвушки; парни же снуютъ вокругъ нихъ, балагурятъ; нерѣдко какой либо дѣтина, желая помочь своей подругѣ, а то и просто подурачиться, сгорбится, начнетъ жать, выкажетъ свое полнѣйшее неумѣніе, возбудитъ смѣхъ, а то и толчковъ получитъ. Масса тутъ картинъ живыхъ и веселыхъ: тутъ жнетъ дѣвушка, а близь нея, или на камнѣ или прямо на землѣ, сидитъ „парочка“ (парень) и ведетъ нескончаемую бѣседу; тамъ борьба изъ-за серпа, бѣганье въ догонку, смѣхъ, говоръ, остроты; а работа все подвигается, и на выжатой мѣстности воздвигается снопъ за снопомъ. Въ картинѣ этой столько неподдѣльной веселости, столько молодого задора, свѣжести силъ и удали, столько юмора въ выходкахъ парней, явившихся сюда ради веселья, что человѣкъ посторонній, хотя бы только однажды видѣвшій этотъ праздникъ молодой силы, вполнѣ пойметъ тѣхъ стариковъ и стари-

ковъ, которые изъ деревни плетутся вслѣдъ за молодою толпой въ поле; онъ пойметъ чувства, волнующія и радующія отцовъ, матерей, бабокъ и дѣдовъ, любующихся на грядущую молодую силу, пойметъ дряхлыхъ, надломленныхъ длинною трудовою жизнью стариковъ, здѣсь на полѣ вспоминающихъ свои молодые годы.

На вечеринкахъ угощенія бываютъ обыкновенно лишь одинъ, много два раза въ годъ; это періодическія угощенія, пріуроченныя къ извѣстнымъ днямъ года. Экстренныя же угощенія бываютъ лишь въ томъ случаѣ, если парни вернутся съ какой-либо прибыльной работы; тогда парни складываются по 10—15 к., покупаютъ пряниковъ и устраиваютъ „пряженіе пироговъ".

Кромѣ угощенія, повсемѣстно пріуроченнаго къ кануну Новаго года, въ восточной части Олонецкой губерніи, преимущественно въ Каргопольскомъ уѣздѣ, имѣетъ мѣсто еще такъ называемая „остолушка". Устраивается „остолушка" на послѣдней передъ праздникомъ Рождества Христова вечеринкѣ, бывающей за три дня до праздника. На эту вечеринку каждая изъ дѣвушекъ несетъ чашечку клюквы, чашечку моченаго гороху и коврижку хлѣба—для хозяйки, и чашечку гороху же и клюквы въ общую посудину. Кромѣ того, каждая изъ дѣвушекъ запасается изъ дому свѣжеиспеченными „витушками" (крендели, имѣющіе видъ цифры 8 или видъ спирали, сплюснутой въ одну плоскость) и бѣлыми пряжеными пирогами. Въ то время, какъ горохъ и ягоды ѣдятся сообща, пирожки пряженые и „витушки" попадаютъ лишь на зубы любимаго парня, который въ свою очередь угощаетъ подругу конфектами и пряниками.

Почти повсемѣстно вечеринка подъ Новый годъ также сопровождается угощеніемъ. Такъ, на Айнозерѣ, напримѣръ, а также на Кемозерѣ и Ковжозерѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ въ этотъ вечеръ дѣвушки приносятъ на бесѣду по кружкѣ толокна и кусочку скоромнаго масла. Толокно размѣшивается въ растопленномъ маслѣ и служитъ для угощенія, какъ дѣвушекъ, такъ и приходящихъ на бесѣду парней; при этомъ послѣдніе приносятъ своимъ подругамъ конфектъ. На Чикозерѣ въ складчинѣ подъ Новый годъ участвуютъ взносомъ и парни: они приносятъ здѣсь муку и масло, а дѣвушки яйца и масло; изъ принесеннаго пряжатъ пироги или пекутъ блины. Въ с. Нигижмѣ, Пречистенской волости, Пудожскаго уѣзда, подъ Новый годъ дѣвушки приносятъ крупу и масло на „обчую кашу" и угощаютъ ею парней, а тѣ кладутъ за кашу кто 5, кто 10, а кто и 15 коп.; собранныя день-

ги дѣлятся между дѣвушками поровну. Складчину подъ Новый годъ устраиваютъ также мастеровые чугунно-литейнаго завода въ г. Петрозаводскѣ; здѣсь всѣ складываются по 30—50 коп.; при этомъ „парочка" платитъ за любимую имъ дѣвушку. Собравшіеся пряжатъ пироги и не прочь принять маскированныхъ съ пѣтухами и другими гадательными средствами, говорящими о грядущихъ радостяхъ и горестяхъ.

XII.

Общественные пиры и поминки.

Въ Олонецкой губерніи весьма распространенъ обычай приношенія въ жертву домашнихъ животныхъ, въ однихъ мѣстахъ закалываютъ барановъ, въ другихъ быковъ. Народная молва гласитъ, что въ далекія времена къ урочному дню всегда прибѣгалъ олень, какъ-бы самимъ Богомъ посылаемый, указываемый какъ угодная жертва. Жертвоприношеніе въ большинствѣ мѣстностей пріурочено къ дню пророка Ильи,—обыкновенно первое воскресенье послѣ Ильина дня,—рѣже къ Петрову дню, или-же ко дню Св. Власія; мѣстами день жертвоприношенія зовется оригинальнымъ именемъ „бараньяго воскресенья". Въ общемъ всѣ жертвоприношенія эти похожи другъ на друга: жертвенныя животныя приводятся „по обѣту" отдѣльными крестьянами; одно или нѣсколько изъ нихъ закалываются, остальныя продаются, и деньги, вырученныя отъ продажи, поступаютъ въ церковь. Мясо зоколотыхъ животныхъ варится въ большомъ котлѣ и, вмѣстѣ съ наваромъ, съѣдается обыкновенно или на погостѣ, или на кладбищѣ или просто на ближайшей къ церкви или часовенкѣ лужайкѣ; наваръ ѣдятъ съ хлѣбомъ и разнаго рода печеньемъ, зоготовленнымъ домохозяйками деревни, въ которой этотъ день празднуется. Надо сказать, что обычай жертвоприношеній постепенно падаетъ и утрачиваетъ свой прежній характеръ; если въ однихъ мѣстахъ онъ носитъ архаическія черты, и крестьяне относятся къ нему съ благоговѣніемъ, то въ другихъ онъ имѣетъ характеръ необходимой формальности, сохраняя лишь нѣкоторыя отдѣльныя черты былаго церемоніала. Въ сравнительно болѣе цѣльномъ видѣ обычай этотъ сохранился въ восточной части Олонецкой губерніи, въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Одинъ изъ такихъ праздниковъ, видѣнныхъ нами на Мошинскомъ озерѣ, мы здѣсь опишемъ.

Живописное Мошинское озеро лежитъ въ 120 верстахъ отъ уѣзднаго города Каргополя; по берегамъ и островамъ его раз-

бросаню до 70 деревень. Вся масса этихъ деревень изстари дѣлится на отдѣльныя группы, такъ такъ называемые „улусы". Дѣленіе на „улусы" не есть дѣленіе на общины или общества, а чисто церковное дѣленіе: каждый „улусъ" группируется около своей часовенки, справляетъ свои праздники, принимая у себя всѣ прочіе „улусы", какъ гостей.

Праздники „улуса" отличаются отъ прочихъ дней отсутствіемъ работы, службою вь часовенкѣ, хороводами, блюдообильными обѣдами; кромѣ того, къ празднику варится „пиво" (брага). Пиво это варитъ и богатый и бѣдный; богачи варятъ обыкновенно много и имѣютъ собственные „дошники„ [1]) и чугунные котлы, которые не подъ силу купить бѣдняку; но такъ какъ праздники „улусовъ" не совпадаютъ, а въ каждомъ „улусѣ" найдется кто либо имѣющій котелъ, то котлы можно доставать на прокатъ, что и дѣлаютъ люди незажиточные. Обыкновенно 2, 3, 4 бѣдныя семьи (Мошинское озеро), а иногда и 6, какъ напр. на Воезерѣ, берутъ сообща на прокатъ (по 20 коп. за день пользованія) котелъ—„дошникъ", всыпаютъ поровну или и не поровну солодъ, хмѣль, варятъ сообща и дѣлятъ „поушатно".

Артельное пивовареніе практикуется постоянно и повсемѣстно и не въ одной Фатьяновской волости, но и въ Мелентьевской, а на нѣкоторые праздники кромѣ пива, варимаго отдѣльными домохозяевами, кромѣ пива артельнаго, варится еще такъ называемое „общественное пиво", такъ напр. въ Канашкѣ на Ильинъ день варится „общественное пиво" въ 50 пудовъ, на Воезерѣ къ дню Михаила Архангела—въ 30 пудовъ, въ Среднемъ къ дню Успѣнія—въ 80 пуд., въ улусѣ Ковкола къ Ильину дню—въ 30 пуд., въ улусахъ Шалгѣ и Погостищѣ къ Воздвиженью—по 50 пудовъ и въ уласѣ Лохта—въ 10 пуд. Приведенныя цифры вмѣстѣ съ пивомъ, варимымъ артельно, а также отдѣльными домохозяевами, составляютъ на Фатьяновскую волость до 9000 пуд, [2]) ежегодно; если-же къ этому прибавить еще вывозъ хлѣба, простирающійся ежегодно до 5000—6000 пудовъ [3]) то получится цифра для отдѣльной волости весьма почтенная!

„Общественное пиво" варится изъ хлѣба, собраннаго по всѣмъ

---

[1]) Громадный деревянный чанъ, не рѣдко имѣющій дно въ сажень діаметромъ.

[2]) См. мою статью въ Олонецк. Губ. Вѣд. 1888 г. № 10 „Въ странѣ пивоваренія".

[3]) Тамъ-же.

деревнямъ „улуса“, и собираніемъ на это пиво хлѣба и хмѣля занимаются обыватели очередной деревни: къ одному празднику —одна, къ другому—другая и т. д. Если въ „улусѣ“ 5 деревень, то каждая варитъ пиво чрезъ 4 праздника, если 10 деревень— чрезъ 9 праздниковъ и т. д. Домохозяева очередной деревни за 2 или $1^1/_2$ недѣли до праздника, запасшись мѣшками, обходятъ обывателей всего „улуса“, получая въ каждомъ домѣ по нѣскольку фунтовъ ржи. Собравъ зерно, они должны его „ростить“ т. е. превратить въ солодъ, затѣмъ сварить пиво и привезти его на мѣсто праздника, иногда за 3, 5, 7 верстъ.

Чтобы попасть на одинъ изъ такихъ праздниковъ на Мошинскомъ озерѣ, и увидѣть все отъ начала до конца мы съ сельскимъ учителемъ и его братомъ рѣшили выѣхать изъ дома ночью, чтобы быть тамъ уже раннимъ утромъ. Нѣсколько темная, тихая іюльская ночь позволяла слышать каждый звукъ, произведенный на берегу: слышался лай деревенскихъ собакъ, трескъ пылающихъ на берегу костровъ, на которыхъ запоздавшіе домохозяева варили свое пиво. Видны были темные силуэты пивоваровъ, сидѣвшихъ и ходившихъ подлѣ ярко горящихъ костровъ, мѣсто которыхъ уже днемъ можно было опредѣлить издали по тонкимъ струйкамъ дыма, тамъ и сямъ подымавшимся къ нему.

Пріѣхали мы очень рано. Деревня, помѣщавшаяся на острову, еще спала. Часовъ съ 4—5 утра къ острову со всѣхъ сторонъ стали причаливать лодки; разряженные обыватели, шумно разгуливали по деревнѣ, а домохозяекъ и дѣвушекъ очередной деревни можно было узнать по большимъ узламъ съ печеньемъ, а также по „братинамъ“ [1]) которыя онѣ носили подъ мышкою.

Но вотъ ударилъ церковный колоколъ, толпа перекрестилась и двинулась къ церкви, туда-же повели и быковъ, чтобы выбрать одного изъ нихъ по жеребью. Вышелъ изъ церкви староста, бросили жребій, затѣмъ свернули на солнцѣ ножницы и, отрѣзанный у избраннаго быка, кончикъ уха староста унесъ въ церковь, чтобы положить за образъ св. пророка Ильи. Окровавленнаго избранника повели къ мѣсту закланія, между тѣмъ какъ туда уже давно явились очередные пивовары, выставили на зеленый лугъ „общественное пиво“, подлѣ одной изъ бань развели костеръ и повѣсили котелъ.

Вслѣдъ за быкомъ привели для закланія-же около полудесятка

---

[1]) „Братиной“ или „яндовой“—зовется оловянный сосудъ, вмѣщающій около полуштофа или штофа пива.

барановъ, остальной же скотъ остался пока въ хлѣву [1]. Когда мясо сварилось, его помѣстили въ ушатъ и унесли въ церковь; крестьяне очередной деревни принялись за устройство столовъ изъ принесенныхъ тесинъ и короткихъ бревенъ, покрыли ихъ скатертями.

Обѣдня кончилась. Раздался трезвонъ. Толпа начала было выходить изъ церкви, но остановилась въ ожиданiи чего-то. Запахъ ладона почувствовался сильнѣе, яснѣе послышалось церковное пѣнiе: въ сѣняхъ церкви освящали мясо „завиченныхъ" животныхъ Вслѣдъ затѣмъ, какъ смолкло пѣнiе, толпа заволновалась, каждый лѣзъ поближе къ церковному крыльцу на встрѣчу къ толпѣ, туго выходящiй сквозь узенькiя двери деревенской церкви. На паперти показался здоровенный дѣтина, несшiй въ своихъ рукахъ ушатъ съ жертвеннымъ мясомъ; онъ изо всѣхъ силъ напиралъ на набросившуюся на него толпу, отталкивалъ ее отъ себя ушатомъ, къ которому рвались всѣ съ протянутыми впередъ руками, лице его побагровѣло отъ усилiй почти нечеловѣческихъ, глаза, казалось, готовы были выскочить изъ орбитъ, волоса безпорядочно разметались по мужественному лицу.... Но вотъ, сильная мускулутура взяла свое и ушатъ, отнесенный шаговъ за 10 отъ церкви, опустился на землю. Вслѣдъ затѣмъ поднялся шумъ, крики, визгъ нечаянно попавшихъ въ толпу ребятъ [2]); толпа лѣзла, наклонялась, колыхалась надъ роковымъ ушатомъ и куски мяса нерѣдко летѣли на воздухъ. Выскочившiе изъ свалки прятали желанное мясо за пазуху, въ шапки, карманы или отдавали своимъ женамъ, дочерямъ.

Наконецъ, мясо все разобрано; ушатъ помятый стоитъ посреди площади, а толпа перешла уже въ другое мѣсто, куда приведены оставшiяся въ живыхъ „завиченныя" животныя. Жарко, тѣсно и душно на узкой деревенской улицѣ, но за то аукцiонъ [3]) производится на виду у всѣхъ и каждаго. Кто смотритъ въ окно, кто съ крыльца, мальчуганы повлезали на изгородь, костры, крыши сараевъ, домовъ.

— Ярочка, раздается голосъ старосты, цѣна 30 копѣекъ!

— Сорокъ! кричитъ кто-то изъ толпы.

— Сорокъ пять! перебиваетъ другой и оставляетъ ярочку за собой.

---

[1]) Животныя эти наканунѣ приводятся крестьянами по обѣту, пророку и зовутся „завиченными".

[2]) Женщины и дѣти не принимаютъ участiя въ хватанiи мяса.

[3]) Деньги отъ продажи идутъ въ пользу церкви.

— Продана!—сообщаетъ староста, принимая деньги. Вся толпа снимаетъ шапки, крестится, затѣмъ аукціонъ продолжается съ тѣми-же возгласами и крестнымъ знаменемъ,

Послѣ аукціона толпа хлынула на лугъ, кто усѣлся за столъ, а кто прямо на землю; священникъ благословилъ трапезу и началось угощеніе: хозяйки радушно подчивали гостей своимъ печеньемъ, а дѣвушки подносили въ „братинахъ“ общественное пиво.

Общественное пиво варится кромѣ Мошинскаго озера, въ Канакшѣ, Вохтомъ, Мехренгѣ, Воезерѣ и другихъ мѣстностяхъ Каргопольскаго уѣзда и всегда соединено съ общественнымъ пиромъ. Въ уѣздахъ небогатыхъ хлѣбомъ общественнаго пивоваренія не бываетъ и празднованіе не такъ сложно.

Кромѣ общественныхъ пировъ, ѣденія жертвеннаго мяса въ извѣстные праздники, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приносятъ съ собою кашу и масло, или кисель и молоко и ѣдятъ ихъ близь часовенки, къ которой празднованіе пріурочено.—Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ праздниковъ такого рода является „Киселевъ день“, который мнѣ пришлось наблюдать въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ въ группѣ деревень, извѣстныхъ подъ именемъ Роксы.

Въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ ежегодно у часовни, стоящей въ рощѣ, на возвышенномъ мѣстѣ среди деревень, собираются крестьяне; всѣ домохозяйки приносятъ изъ дому по кринкѣ молока и чашкѣ киселя, ставятъ ихъ на нѣсколько минутъ подъ образа; затѣмъ садятся на лавочки вокругъ часовни, и ѣдятъ все это сообща, поминая „пановъ“ о происхожденіи которыхъ разсказываютъ такъ: „соберется бывало шайка, вотъ и скажетъ кто либо: „буду я надъ вами *паномъ*“, и станетъ паномъ; да и у насъ всѣ зовутся паны, *вся деревня пановы, паны*“.

День этого празднованія зовется „Киселевъ день“; относятся къ нему крестьяне не серьзно, дурачатся у часовни, обливаютъ другъ друга молокомъ и киселемъ. Какъ-то разъ рѣшили даже не праздновать, но послѣ этого случился неурожай овса; неурожай объяснили мщеніемъ за игнорированіе празднества, и съ тѣхъ поръ празднуютъ его ежегодно.

Подъ именемъ „пановъ“ въ Олонецкой губерніи можно подозрѣвать Чудь, преданіями о которой полна вся Россія, а также Литву и вообще всѣхъ людей, съ которыми пришлось вести жестокую борьбу олонецкому колонизатору; Рокса единственное мѣ-

сто въ Олонецкой губерніи, гдѣ „пановъ" считаютъ какъ бы своими и даже, какъ видимъ, устраиваютъ по нихъ ежегодно общественную поминку.

Въ наши дни кромѣ поминокъ, справляемыхъ отдѣльными семьями, встрѣчаются иногда какъ бы родовыя поминки празднуемыя въ одномъ домѣ сообща родственниками, живущими отдѣльными семьями въ разныхъ домахъ; но Дашковъ [1]) передаетъ о существованіи поминокъ, празднуемыхъ цѣлою деревнею. Для такого общественнаго поминовенія, по его разсказу, назначается день, и вся деревня налагаетъ на себя добровольный постъ. За два или за три дня до срока собираются къ кому либо, у кого изба побольше, и начинаютъ стряпню; стряпнею занимаются лишь гости, хозяева-же выдаютъ припасы и ходятъ по всѣмъ угламъ съ плачемъ и причитаніями. Въ назначенный день накрываютъ столы: одинъ на крыльцѣ, другой въ сѣняхъ, третій въ горницѣ, и толпою выходятъ на встрѣчу воображаемымъ покойникамъ, привѣтствуя ихъ; „вы устали, родные, покушайте что нибудь!" Послѣ такого угощенія на крыльцѣ, идутъ тѣмъ-же порядкомъ въ сѣни, а наконецъ и въ избу. Тутъ хозяинъ обращается къ покойникамъ и говоритъ: „чай вы зазябли въ сырой землѣ, да и въ дорогѣ то не тепло, можетъ, было: погрѣйтесь, родные, на печкѣ!" Послѣ этого всѣ присутствующіе садятся за столъ. Предъ киселемъ, когда по обыкновенію поютъ вѣчную память, хозяинъ открываетъ окно, спускаетъ съ него на улицу холстъ, на которомъ спускали въ могилу какого нибудь покойника, и начинаетъ провожать невидимыхъ гостей своихъ съ печки: „теперь пора бы вамъ домой, да ножки у васъ устали: не близко вѣдь было отди; вотъ тутъ помягче, ступайте съ Богомъ". Для такого обряда выбираютъ обыкновенно урожайный годъ.

XIII.

Торговыя артели.

Кромѣ 8000—9000 пудовъ хлѣба, употребляемыхъ на пивовареніе, одна только Фатьяновская волость Каргопольскаго уѣзда продаетъ ежегодно около 5000—6000 пудовъ въ Архангельскую губернію, доставляя его туда р. Онегою на особаго рода плотахъ. По тому же пути идетъ хлѣбъ также изъ Мехренги, Воезера, Канакши, Вохтомы и другихъ мѣстностей Каргопольскаго уѣзда. Хлѣбъ везется всегда весной во время половодья. На пло-

[1]) Дашковъ. Описаніе Олонецкой губерніи, стр. 213.

ту обыкновенно два хозяина и рѣже—три. Плотъ покупается на паяхъ и хлѣбъ грузится обязательно поровну: если одинъ кладетъ на него 500 пудовъ, то другой не имѣетъ права класть ни больше, ни меньше. Кромѣ хлѣба каждый пайщикъ обыкновенно везетъ съ собой массу разнаго рода издѣлій изъ бересты и дерева, такъ, напр. ведра, кадушки, квашни, корзины, шкатулки, коробочки, табакерки и т. п. По отношенію къ этому послѣднему грузу соблюдается то же правило—класть поровну—хотя не наблюдается той строгости, которая прилагается при нагрузкѣ на плотъ хлѣба. Плотъ требуетъ для проведенія по р. Мошѣ около 10 человѣкъ рабочихъ, а по р. Онегѣ, богатой порогами, до 15 человѣкъ; одного рабочаго, обыкновенно дѣльнаго и добросовѣстнаго человѣка, пайщики берутъ съ мѣста отправленіи на всю дорогу, остальныхъ нанимаютъ по мѣрѣ надобности, лишь на извѣстное разстояніе. Плата по найму рабочихъ раскладывается между пайщиками поровну, равно какъ и продовольствіе во время пути. Прибывъ въ намѣченную мѣстность, или останавливаясь въ дорогѣ [1]), артельщики производятъ продажу независимо другъ отъ друга, часто по различной цѣнѣ. Продавъ весь товаръ артельщики продаютъ и плотъ, на которомъ пріѣхали, и возвращаются сухимъ путемъ.

Хлѣбъ артельщики везутъ частью свой, частью скупленный, но никогда небываетъ, чтобы хлѣбъ был сборный т. е. данный извѣстнымъ количествомъ домохозяевъ для продажи. Послѣдній способъ доставки своего товара на рынокъ практируется крестьянами Пудожскаго уѣзда, занимающимися льноводствомъ, съ цѣлью избавиться отъ посредства скупщиковъ.

Крестьяне, занимающіеся льноводствомъ [2]) „большей частью не имѣютъ оборотнаго капитала, и употребивъ небольшой запасъ наличныхъ денегъ на покупку сѣмянъ, принуждены забирать нужные для себя продукты въ долгъ. Такъ напр. своего хлѣба недостаточно жителямъ этой мѣстности на годовое продовольствіе, и они должны ежегодно прикупать себѣ отъ 4 до 10 кулей муки. Богатые торговцы пользуются нуждою крестьянина и отпускаютъ ему товары въ долгъ по высокой цѣнѣ и съ непремѣннымъ условіемъ продать будущій ленъ кредитору по извѣстной, разумѣется, низкой цѣнѣ. Чтобы спастись отъ монополіи скупщиковъ, маломоч-

[1]) Распродажа груза начинается обыкновенно уже съ Устьмоши.

[2]) Памятн. книжка Олонецкой губерніи на 1864 г. ст. П. Р. „О разведеніи льна въ Пудожск. уѣздѣ" ст. 151; отсюда заимствованы свѣдѣнія Поляковымъ, см. Зап. Геогр. Общ. Этногр. Отдѣл. т. III стр. 171.

ные хозяева выбираютъ себѣ надежнаго человѣка, даютъ ему на коммисію каждый по 6—15 пудовъ льна и посылаютъ его въ Каргополь, на р. Онегу, въ Вытегру, поморье и Шуньгу. Въ этихъ мѣстахъ, кромѣ Шуньги, имъ дѣйствительно удается продать выгодно товаръ и раздѣлить полную ему цѣну между собою. Но въ Шуньгѣ дѣло оканчивается для нихъ не совсѣмъ благополучно: богатые торговцы привозятъ нарочно по 100—200 пуд. льна на ярмарку, какъ будто для продажи, и роняютъ цѣну до того, что незначительные торговцы весьма часто принуждены сбывать свой товаръ въ убытокъ и тому-же скупщику, спасаясь отъ котораго, они привезли ленъ на ярмарку.".

Торговыя товарищества чаще практикуются между мелкими торговцами; крупные торговцы рѣже соединяются для общаго дѣла, и организація товариществъ послѣднихъ ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ компаній.

Изъ артелей некрупныхъ торговцевъ интересной представляется „Liito wäli"; такъ зовутся союзы корельскихъ торговцевъ, странствующихъ по Олонецкой, а также Архангельской губерніи, заходящихъ и въ Финляндію. „Liito wäli" состоитъ или изъ самостоятельныхъ пайщиковъ, вносящихъ на покупку товара извѣстную сумму, или же изъ хозяина и его пайщиковъ, торгующихъ съ 1/3, 1/4 или 1/5. Хозяинъ вноситъ напр. на покупку товара 100 рублей, а работникъ 50, 25, 20 и т. д.: если при такихъ условіяхъ получено барыша напр. 10 рублей, хозяинъ беретъ себѣ 5 р. а его пайщики по 1, по 2 р. 50 к. и т. д. сообразно съ тѣмъ какъ велико число такихъ пайщиковъ, равенъ ли ихъ сложный капиталъ, капиталу, внесенному на покупку товара хозяиномъ, или меньше его. Хозяинъ, обыкновенно лицо зажиточное, беретъ для всѣхъ своихъ сотрудниковъ имянныя торговыя свидѣтельства по 8 рублей каждое; они сообща покупаютъ товаръ, везутъ его до какой либо мѣстности и здѣсь устраиваютъ складъ. Изъ склада артельщики берутъ по небольшому количеству товара и расходятся въ разныя стороны для его продажи. Смотря по разстоянію, на которое артельщики уходятъ, они уговариваются возвращаться къ складу чрезъ нѣсколько дней, чрезъ недѣлю и т. п. и снова запасаются товаромъ на дорогу. Если пайщикъ не приходитъ въ срокъ, значитъ, или онъ погибъ или просто скрылся съ отпущеннымъ ему товаромъ; послѣднее иногда случается потому что хозяинъ, вмѣсто того чтобы платить за себя гильдейскія да за пайщиковъ еще приказчицкія, просто беретъ на всѣхъ имянные билеты, какъ будто бы они торгуютъ каждый отъ себя.

Послѣднее обходится много дешевле перваго, но за то, если въ артель попадетъ лицо недобросовѣстное и завладѣетъ взятымъ товаромъ, искать съ него что либо не представляется возможнымъ.

Сходясь чрезъ извѣстные промежутки времени къ складу, артельщики производятъ здѣсь учетъ товара, подсчитываютъ барышъ, [1]) производятъ дѣлежъ вырученныхъ дерегъ, иногда прикупаютъ товару, или переѣзжаютъ съ нимъ въ новую мѣстность и устраиваютъ новый складъ. Такимъ образомъ артельщики ходятъ и зиму и лѣто. Иногда хозяинъ беретъ себѣ одного или двухъ работниковъ, съ платой по 2 р. 50 к. въ недѣлю, и посылаетъ ихъ торговать или ходитъ съ ними-же въ одной мѣстности, иногда беретъ работника исполу.

Нерѣдко артельщики рискуютъ отправляться въ путь безъ торговыхъ свидѣтельствъ, но въ томъ случаѣ, если кто либо на этомъ попадется и товаръ конфискуютъ, убытокъ раскладывается между артельщиками поровну.

XIV.

Артели по перевозкѣ клади и пассажирокъ.

Въ предыдущей главѣ, въ артеляхъ, сплавляющихъ хлѣбъ внизъ по Мошѣ и Онегѣ, мы видимъ, что артель здѣсь составляется собственно для доставки товара на рынокъ, разъ артель туда прибыла, каждый артельщикъ торгуетъ независимо отъ своего товарища; тѣмъ не менѣе это не транспортная артель: здѣсь везутъ товаръ сами хозяева и получаютъ деньги не за провозъ, а за самый товаръ; провозъ здѣсь подымаетъ нѣсколько цѣнность товара, цѣнность, которая въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ условій рынка, количества привоза и другихъ причинъ, а плата за провозъ товара играетъ роль уже сравнительно небольшую.

На рѣкахъ и озерахъ, съ развитымъ судоходствомъ и пароходствомъ, такихъ артелей уже не составляется; каждый торговецъ сдаетъ свой товаръ самостоятельно на параходъ или на судно; рѣдко случается чтобы кладь надо было перевозить на лодкѣ, въ мѣстность находящуюся внѣ рейсовъ парохода. Въ послѣднемъ случаѣ нанимаютъ одну или нѣсколько лодокъ и плата производится отдѣльнымъ хозяевамъ лодокъ, сообразно съ количествомъ перевезеннаго ими товара.

Пассажировъ на лодку берутъ или за извѣстную плату, или-же

---

[2]) Изъ вырученной суммы вычитается плата за провозъ товара, за храненіе его въ складѣ и т. п. расходы.

безплатно, но съ условіемъ грести въ соотвѣтствующихъ смѣнахъ гребцовъ; послѣдній способъ передвиженія не разорителенъ и весьма распространенъ; способъ этотъ сослужилъ нѣкоторую службу и мнѣ, когда я, будучи еще гимназистомъ и, имѣя карманныя деньги въ количествѣ далеко незавидномъ, движимый любознательностью, отваживался на странствованія сравнительно далекія. При сказанныхъ условіяхъ каждый, внося свой трудъ, пользуется правомъ передвиженія на извѣстномъ разстояніи усиліями артели; онъ временный пайщикъ и получаетъ свою долю за сравнительно небольшое усиліе, употребленное въ рядахъ встрѣченной имъ артели. Нѣчто похожее мы видимъ въ партіяхъ богомольцевъ, ежегодно проѣзжающихъ чрезъ Олонецкую губернію въ Соловецкій монастырь: они попеременно гребутъ, устроивъ очереди, и доплачиваютъ хозяину лодки небольшую сумму сообща; хозяинъ лодки только сидитъ и правитъ въ мѣстности незнакомой богомольцамъ; въ греблѣ онъ не участвуетъ.

Весьма интересенъ способъ разверстки денегъ, получаемыхъ обывателями озеръ [1]) сѣвера Олонецкой губерніи за провозъ богомольцевъ. Доходъ этотъ не предоставленъ обоюдному соглашенію перевозчиковъ съ богомольцами, не составляетъ въ то же время промысла нѣкоторыхъ хозяевъ лодокъ, а подчиненъ точнымъ, опредѣленнымъ правиламъ и составляетъ общую собственность лежащихъ на пути деревень. Право возить богомольцевъ отъ одной деревни до слѣдующей считается принадлежащимъ всему обществу деревни, такъ что каждый пользуется имъ какъ участникъ въ правахъ своей деревни и во вторыхъ какъ работникъ въ вознагражденіе за свой дѣйствительный трудъ и свою лодку, ибо на дѣлѣ возятъ не всѣ, а тѣ, кто хочетъ; при чемъ гораздо меньшая доля приходится на вознагражденіе труда, который очень не великъ, ибо, какъ сказано уже раньше, гребутъ сами богомольцы. Разсчетъ дѣлается слѣдующимъ образомъ. По окончаніи перевоза богомольцевъ высчитывается общее число проѣхавшихъ и число верстъ, которое каждый проѣхалъ. Таксой за перевозъ опредѣлено по 2 коп. съ человѣка за каждыя 5 верстъ. Такимъ образомъ распредѣляется по скольку должно прійтись на душу. Но такъ какъ въ дѣйствительности возили не всѣ и не поровну, то не довозившими средняго приходящагося на душу числа богомольцевъ, или вовсе невозившими, приплачивается перевозившимъ болѣе этого средняго числа по 5 к. съ каждыхъ полученныхъ ими 6 коп. Такія же условія перевозки и на обратномъ

[1]) Путь богомольцевъ лежитъ черезъ Выгозеро и Сумозеро.

пути. Въ деревнѣ Сумъ-озерѣ приходится на душу отъ этого промысла 2 р. 40 к. даже до 5 рублей.

Ѣдущимъ на лодкахъ по рѣкамъ, если лодки загружены какимъ либо товаромъ, приходится въ порогахъ брать въ помощь себѣ или лошадь, или же нѣсколько человѣкъ, которые и тащатъ лодку на бичевѣ; обыкновенно это практикуется лишь на небольшихъ разстояніяхъ—разъ лодка прошла порогъ, ѣдутъ снова на веслахъ. Совсѣмъ другое дѣло съ большими грузовыми судами или трешкоутами, наполненными пассажирами: [1]) ихъ приходится тянуть на бичевѣ по всему каналу, а временами и по рѣкѣ [2]). Всего больше движеніе судовъ человѣческой или конной тягой распространено по Маріинской системѣ. По свѣдѣніямъ, относящимся къ участку пути между Константиновскими порогами и Николаевскимъ шлюзомъ, въ районѣ Олонецкой губерніи, [3]) для тяги людьми составляются артели отъ 6 до 14 человѣкъ, смотря по размѣрамъ судна. Выборный такой артели предъявляетъ хозяину судна или его приказчику свой паспортъ, который оставляется у хозяина, а взамѣнъ его выдается расчетный листъ со внесеніемъ въ него имени и фамиліи представителя артели, числа нанятыхъ тяглецовъ и суммы выданнаго задатка (обыкновенно въ размѣрѣ 50 коп. на каждаго путиннаго).—Такъ какъ, по § 89 временныхъ правилъ для плаванія по внутреннимъ водамъ, на одного тяглеца, впрягающагося въ лямку, полагается опредѣленный вѣсъ груза, то судохозяинъ, нанимая артель заботится лишь о томъ, чтобы число ея членовъ соотвѣтствовало вѣсу груза его судна. Что же касается возраста лямочниковъ,—сами рабочіе заинтересованы въ томъ, чтобы артель составлялась изъ полносильныхъ работниковъ. Впрочѣмъ, нерѣдко туда поступаютъ подростки и старики, и таковые, при раздѣлѣ заработка, получаютъ меньше другихъ членовъ артели (какъ общее правило, заработанная сумма дѣлится между всѣми членами поровну). Окончательный расчетъ хозяина съ артелью производится по доставкѣ судна на мѣсто назначенія.

Плата одному человѣку за тягу между г. Бѣлозерскомъ и Вытегрой на протяженіи 170 верстъ, смотря по мѣсяцу составляла: въ 1887 г. отъ 3 до 9 р., въ 1888 г. отъ 3 до 5 р., въ 1889 г.

[1]) Трешкоуты ходятъ до сихъ поръ по Маріинской системѣ не смотря на присутствіе канавныхъ пароходовъ.

[2]) Даже на р. Свири при наличности паровой тяги, суда идутъ иногда на бичевѣ.

[3]) Новое слово 1895 г. № 1. В. В. „Артели для подрядныхъ и наемныхъ работъ“, стр. 96.

отъ 2, 3—4, 5 р. За протяженіе въ 90 верстъ отъ Константиновскихъ пороговъ до Вытегры платили въ 1887 г. 2, 5—9 руб. въ 1888 г. 3—5 р. въ 1889 г. 2—3, 5 р., въ 1890 г. 1, 75—6 р.; за протяженіе отъ Николаевскаго шлюза до Вытегры: въ 1887 г. 1, 5—6 р., въ 1888 г. 1, 5—5, 5 р. въ 1889 г. 1, 7—4, 5 р., въ 1890 г. 0,5—5 р. Пониженіе платы объясняется вліяніемъ неурожаевъ 1888—89 гг. Средній валовой заработокъ одного тяглеца въ теченіе 1888—1891 гг. былъ 20—35 р, въ сезонъ.

Въ путинномъ промыслѣ мѣстные жители принимаютъ участіе только въ свободное отъ земледѣлія время, когда къ тому же повышается и плата за тягу. Большая часть тяглецовъ принадлежитъ къ пришлому и обыкновенно бѣдному люду. По точнымъ записямъ врача при Рубежской больницѣ для судорабочихъ (въ Вытегорскомъ уѣздѣ), А. Шипилевскаго, обнимающимъ 2650 человѣкъ, наибольшее число путинныхъ рабочихъ на Маріинскую систему даютъ Новгородская губ. (40%), Олонецкая (25%) и Вологодская (22%). По сословіямъ работающихъ крестьянамъ принадлежитъ 90%, мѣщанамъ 7%, духовному званію 2%, дворянамъ 1%. Большая часть рабочихъ находится въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ; на возрастъ отъ 14 до 20 лѣтъ выпадаетъ 20%, отъ 50 до 60 л.—10%, старше 60 л. было 3,2% лямощниковъ Изъ среды крестьянъ было 26% безлошадныхъ домохозяевъ; контингентъ лошадныхъ бурлаковъ набирается изъ свободныхъ членовъ земледѣльческихъ семей, и домохозяевъ, отправляющихся на промыселъ въ промежуткахъ между сельскозяйственными работами. Грамотныхъ среди путинныхъ рабочихъ насчитывается до 30%, въ томъ числѣ на долю разночинцевъ приходится 10%.

Для проведенія судна конной тягой требуется 4 (рѣдко 3) лошади, и такъ какъ немногіе крестьяне владѣютъ такимъ числомъ лошадей, то обыкновенно для работы соединяются 2—3 домохозяина (Вытегорскій у.), изъ коихъ одинъ, наиболѣе свободный. отправляется съ лошадьми на работу за условленную съ товарищами плату. Въ виду безпорядковъ, происходившихъ при наймѣ на конную тягу и крайняго колебанія цѣнъ, въ зависимости отъ прилива и отлива тяглецовъ [1]), въ срединѣ навигаціи 1889 г., по взаимному согласію тяглецовъ и судохозяевъ,—при участіи и руководствѣ начальника 1-го участка Девятинскаго отдѣленія Маріинскаго пути, Е. О. Шульцъ и уѣзднаго исправника—выработаны правила очередной тяги судовъ между Вытегрой и Возне-

[1]) Такъ, напр., за участокъ отъ Константиновскихъ пороговъ до Николаевскаго шлюза плата на одну лошадь колебалась въ предѣлахъ: въ 1887 г. 6—22 р., въ 1888 г. 4- 16 р., въ 1889 г. 3—14 р., въ 1890 г. 2—12 р.

сенской пристанью и определена одинаковая для всѣхъ плата на одну лошадь. Всѣ наличные коневоды, по жеребью опредѣлили свои очереди тяги; вновь прибывшіе тѣмъ же способомъ заносились въ очередь. Требуемыя для тяги судна лошади назначались по списку выборнымъ старостой, къ которому обращались судохозяева. Весной 1890 г. крестьяне тяглецы обратились къ судоходному начальству съ просьбой организовать порядокъ тяги, подобный прошлогоднему. Ихъ просьба была исполнена, при чемъ для записи очередей и наблюденія за порядкомъ, по просьбѣ тяглецовъ и хозяевъ, начальникомъ 1-го участка устроена контора и назначены староста и другіе служащіе. Въ теченіе навигаціи этого года въ тягѣ участвовало 1570 конно-хозяевъ съ 3017 лошадьми; всего поставлено 11949 лошадей; выручено 50132 руб. или 16 руб. 62 коп. на лошадь. [1])

Переходя къ артелямъ по перевозкѣ тяжестей и пассажировъ по сухому пути, мы прежде всего отмѣтимъ артели крестьянъ Воезера, Каргопольскаго уѣзда, гдѣ находятся большія залежи алебастра. Вывозъ этого алебастра является одной изъ доходныхъ статей для мѣстнаго населенія. Крестьяне соединяются въ артели, обыкновенно изъ 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ и болѣе человѣкъ, отправляются въ г. Каргополь и нанимаются тамъ возить кому либо алебастръ. Уговорившись съ нанимателемъ, крестьяне идутъ къ лѣсничему, завѣдующему этими залежами, берутъ у него свидѣтельство на право ломки алебастра. Возвращаясь на Воезеро они откалываютъ требуемое количество, возятъ его нанимателю и деньги дѣлятъ по ровну, или сообразно съ количествомъ лошадей, поставленныхъ каждымъ изъ артельщиковъ.

Тотъ же порядокъ раздѣла добытыхъ денегъ практикуется и другими артелями по перевозкѣ грузовъ; „протяжные“ же или „долгіе“ [2]) берутъ обыкновенно съ пуда и версты сообразно съ количествомъ перевезеннаго каждымъ товара; равно и за порчу или утрату товара каждый отвѣчаетъ отдѣльно. Рѣдко бываетъ, чтобы всѣ извозчики, везущіе кладь одного хозяина, имѣли общій харчъ. Хотя всѣ извозчики ѣдутъ вмѣстѣ, лошади связаны вереницей одна за другой, но артель встрѣчается между ними рѣдко. Случается, что на „протяжныхъ“ берутъ и пассажировъ и плату получаетъ тотъ, кто ихъ нашелъ, безразлично, будетъ ли это одинъ изъ участниковъ извозной артели или просто извозчикъ, везущій кладь

---

[1]) Олонецкія Губ. Вѣдомости 1891 г. № 4–6, 89—91. „Тягловый промыселъ на Маріинской системѣ“ и „Статистическій очеркъ о судорабочихъ на системѣ“.

[2]) Обозы съ кладью.

на свой страхъ. Настоящія артели по перевозкѣ пассажировъ, а частью и клади, мы встрѣчаемъ въ почтовыхъ и обывательскихъ станціяхъ, содержимыхъ нѣсколькими домохозяевами сообща.

Дорожная повинность, доставка подводъ лицамъ ѣдущимъ по служебнымъ обязанностямъ отбывается въ глухихъ мѣстностяхъ обывателями или понедѣльно, или поподводно т. е. одинъ или группа дворовъ представляютъ въ продолженіе недѣли всѣ требующіяся подводы и затѣмъ очередь переходитъ на слѣдующую группу, или же одинъ ставитъ одну подводу, другой другую, третій третью и т. д. Такой порядокъ на почтовомъ трактѣ или вообще, гдѣ проѣзжающихъ много, замѣняется обыкновенно денежной повинностью, а содержаніе станцій сдается съ торговъ отдѣльнымъ лицамъ или нѣсколькимъ предпринимателямъ вмѣстѣ. Въ послѣднемъ случаѣ соединяются 2, 3, 4 и болѣе лошадныхъ домохозяевъ, станція устраивается у одного изъ артельщиковъ; остальные платятъ ему за комнату для проѣзжающихъ и за безпокойство по уговору. Лошади, а равно и экипажи часто стоятъ на дворѣ у отдѣльныхъ артельщиковъ; имъ сообщаютъ со станціи, что нужна подвода, и требуемая подвода является; если артельщикъ не ѣдетъ самъ, то присылаетъ въ качествѣ кучера или сына, или работника, Выговоренная на торгахъ плата за содержаніе станціи, а равно деньги полученныя съ ѣдущихъ „за прогоны", дѣлятся между артельщиками поровну.

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ артельныхъ станцій по всей Олонецкой губерніи; нѣкоторыя отличительныя черты представляетъ станція—или, можетъ быть вѣрнѣе, полустанокъ между Мошинскимъ озеромъ и станціей Андреевской, въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Было время, когда разстояніе между этими пунктами, около 52 верстъ, считалось за одну станцію, по срединѣ этого перегона стояла, оставшаяся и до нашихъ дней маленькая приземистая избушка; администрація края, а равно и заѣзжія лица пили здѣсь чай, закусывали, въ ожиданіи пока покормятъ лошадей, сдѣлавшихъ 25-ти верстную перебѣжку; на остановку полагалось 2 часа. Въ этой избушкѣ 12 лѣтъ тому назадъ возникла обывательская станція, но такъ какъ артельщики были люди „маломощные", то могли содержать станцію всего два года, затѣмъ опять возобновилась станція въ 52 версты съ прежней остановкой для кормежки лошадей. Годовъ 8 тому назадъ въ дер. Яковлевской составилась артель изъ 5 пайщиковъ и рѣшила открыть станцію; построила сообща домъ близь избушки, о которой было говорено, навѣсъ для экипажей, конюшни и проч.

Всѣ пять пайщиковъ этой артели имѣютъ свои экипажи, сбрую и по тройкѣ лошадей. Пайщики отбываютъ свою очередь понедѣльно, а такъ какъ по контракту на станціи полагается 4 лошади, то каждому пайщику, отправляющемуся [1]) туда для отбыванія своей недѣли, приходится нанимать одну лошадь за 1 руб. 50 коп., 1 р. 80 к. и даже 2 р. въ недѣлю. По окончаніи недѣли новый очередной артельщикъ пріѣзжаетъ на полустанокъ на 2-хъ парахъ; каждый артельщикъ, кромѣ работника привозитъ съ собой женщину или дѣвушку изъ очередной семьи, для услугъ проѣзжающимъ, приготовленія пищи работникамъ, а также для присмотра за домомъ въ отсутствіи мужчинъ. Въ этой артели выговоренная на торгахъ сумма дѣлится между артельщиками, но деньги, полученные съ ѣдущихъ „за прогоны", поступаютъ тѣмъ, на долю кого выпало вести, чья была недѣля.

Въ мѣстахъ, гдѣ мимо станціи, кромѣ почтоваго, сухого пути, идетъ также и водный путь, значитъ требуются и лодки и гребцы, соблюдается тотъ же порядокъ очередей между обывателями какъ по отношенію къ подводамъ; если въ такой мѣстности находится артельная станція, то она же должна имѣть лодку и нанимать гребцовъ если не хватитъ своихъ рабочихъ.

Заканчивая описаніе Олонецкихъ артелей, мы увѣрены, что далеко не описали всѣхъ артелей этого интереснаго во многихъ отношеніяхъ края; мы описали лишь наблюденное нами, прибавивъ къ нему то, что было въ извѣстной намъ литературѣ этого края. Многія изъ артелей не внесены въ описаніе благодаря своей незначительности, таковы напр. артели женщинъ для кошенія осоки на рѣкахъ и озерахъ, артели при собираніи вѣниковъ, грибовъ, ягодъ и т. п. Изъ артелей крупныхъ съ развитой организаціей, нами выпущены артели лоцмановъ на р. Свири, въ виду ихъ регламентаціи и подчиненія мѣстному судоходному начальству, отъ котораго зависитъ какъ пріемъ въ артель, такъ иногда и порядки внутри ея.

При описаніи артелей намъ пришлось сказать попутно нѣсколько словъ о положеніи дѣла, которымъ артель занята, сообщить объ упадкѣ или развитіи промысла, о роли старосты въ артели [2]),

---

[1]) Деревня Яковлевская находится вдали отъ тракта, и ходить со станціи въ деревню, требовать оттуда лошадей по мѣрѣ надобности было бы весьма затруднительно.

[2]) Староста въ Олонецкихъ артеляхъ чаще такой же работникъ какъ и прочіе артельщики, а въ артели крючниковъ работа его иногда даже тяжелѣе, чѣмъ другихъ артельщиковъ.

о борьбѣ артели съ капитализмомъ, закабаленности артели и т. п. Въ главѣ о рыболовныхъ артеляхъ (стр. 48) мы возможно подробно коснулись причинъ, дающихъ мощь кулаку, способствующихъ закабаленію рабочаго человѣка капиталистомъ. Къ сожалѣнію въ тѣхъ же почти условіяхъ находятся и другія артели олонецкаго края: непостоянство артелей, недостатокъ кредита, отсутствіе обыкновенія откладывать часть выручки въ фондъ артели, упадокъ промысла, несовершенство способовъ заготовленія добытыхъ продуктовъ въ прокъ, несовершенство путей сообщенія, отдаленность рынка отъ производителя—вотъ причины тормозящія развитіе артели; въ различныхъ мѣстахъ онѣ дѣйствуетъ или въ общей сложности, или только въ извѣстной группировкѣ, не говоря уже о причинахъ, таящихся въ обще-экономическомъ и правовомъ положеніи нашего крестьянства, какъ податнаго сословія Россіи. Мы видимъ, что указанныя причины частью топографическаго свойства, частью зависятъ отъ степени цивилизаціи края. Что касается неумѣнія заготовлять продукты въ прокъ и отсутствія откладыванія части выручки въ фондъ артели, то съ одной стороны не всѣ продукты требуютъ заготовленія въ прокъ, съ другой—откладываніе въ фондъ при нынѣшнемъ экономическомъ положеніи во многихъ мѣстахъ положительно немыслимо, артель, какъ говорятъ, въ состояніи только перебиваться „съ кочки на камень“.

Въ концѣ концовъ едва ли не единственной причиной личнаго свойства является непостоянство олонецкихъ артелей. Послѣднее объясняется отчасти тѣмъ, что большинство промысловъ находится на примитивной ступени развитія: ни рыболовство, ни охота ни другіе промыслы не требуютъ особенной технической подготовки, не выходятъ изъ круга обыденныхъ свѣдѣній каждаго изъ крестьянъ, поэтому нѣтъ большой разницы при замѣнѣ одного артельщика другимъ. Мы видимъ въ то же время, что разъ дѣло требуетъ подготовки, спеціальныхъ свѣдѣній, какъ напр. у лоцмановъ, стекольщиковъ [1]), отчасти при травосѣяніи и др., артель становится болѣе постоянною; значитъ, разъ промыселъ выйдетъ изъ примитивнаго состоянія, непостоянство, теперь наблюдаемое, не будетъ уже имѣть мѣста. Кромѣ того развитіе промысла потребуетъ и болѣе дорогихъ снарядовъ, орудій, значитъ тодымется и цѣнность артельнаго имущества; послѣднее обстоятельство и теперь уже способствуетъ тому, что артель становится

---

[1]) Въ артеляхъ послѣднихъ кромѣ техническихъ свѣдѣній нужно еще знаніе условнаго языка.

болѣе постоянною, таковы напр. мельничныя, станціонныя артели и нѣкоторыя изъ рыболовныхъ. Усовершенствованіе снарядовъ, увеличеніе ихъ цѣнности отразится, вѣроятно, и на величинѣ артели, какъ это наблюдается въ рыболовныхъ артеляхъ: число пайщиковъ увеличится. Въ тѣхъ же рыболовныхъ артеляхъ мы видимъ, что съ усовершенствованіемъ снаряда, увеличеніемъ артели на сцену является и кредитъ и ссуда въ артели.

Отмѣтивъ непостоянство, какъ отрицательную сторону олонецкой артели, указавъ явленія, возникающія вмѣстѣ съ развитіемъ въ ней постоянства, мы напомнимъ здѣсь одну изъ симпатичнѣйшихъ положительныхъ сторонъ той же артели—стремленіе поднять промыселъ, какъ напр. въ артеляхъ рыболовныхъ посредствомъ искусственнаго рыборазведенія и артеляхъ для обработки земли путемъ введенія новыхъ культуръ; въ послѣднемъ случаѣ мы подразумѣваемъ травосѣяніе, вводимое въ Каргопольскомъ уѣздѣ на подсѣкахъ и вообще на земляхъ, не подлежащихъ общинному передѣлу[1]).

При описаніи артелей намъ не разъ приходилось касаться и общинныхъ отношеній олонецкой деревни, тѣмъ болѣе, что часто трудно отличить артель ли разрослась въ извѣстномъ случаѣ, захвативъ всю общину, или община взяла на себя извѣстное обязательство, какъ большая артель. Отъ подробнаго описанія общинной жизни мы воздержались пока; это потребуетъ съ одной стороны отдѣльной разработки, съ другой—еще нѣкотораго дополненія добытаго нами матеріала. Въ собранныхъ пока данныхъ объ общинѣ, а въ связи съ нею и о жизни большой семьи, много архаическихъ чертъ; видно, что въ жизни деревни общинныя отношенія играли въ прежнее время роль весьма значительную; и въ матеріалахъ объ артеляхъ есть указанія, что волостная община сохранилась отчасти, слѣды ея встрѣчаются въ помочахъ, они же чувствуются въ охотничьихъ артеляхъ, напр. въ обычаѣ охотиться „въ одну копейку", въ артеляхъ для перевоза богомольцевъ черезъ Сумозеро и др. Упадокъ общины, распаденіе большой крестьянской семьи годъ отъ году даютъ себя чувствовать сильнѣе и сильнѣе, какъ это наблюдается и въ остальной Россіи; явленіе это нельзя объяснять какими либо мѣсными причинами, причины эти общи для всего русскаго крестьянства, какъ для всякаго народа, переходящаго отъ общаго для всѣхъ примитивнаго земледѣлія къ дифференціаціи въ области труда; отъ чисто земледѣльческаго строя къ заработку денегъ на сторонѣ, на промыслахъ, требующихъ особыхъ знаній, дающихъ особыя

[1]) См. мою статью „Кормовыя средства и травосѣяніе въ Обонежьѣ" Русскія Вѣдомости 1887 №. 345.

выгоды, [1]) которыя несоизмѣримы съ заработкомъ земледѣльца, тѣмъ болѣе земледѣльца полосы не черноземной.

Въ сравнительно болѣе цѣльномъ видѣ община сохранилась въ восточной половинѣ Олонецкой губерніи, въ Каргопольскомъ уѣздѣ, а частью въ Пудожскомъ у. и Вытегорскомъ; тогда какъ въ западной части губерніи передѣлы во многихъ мѣстахъ не запомнятъ, когда были, получилось что то похожее на безсрочное наслѣдственое пользованіе участкомъ, въ восточной половинѣ существуютъ періодическіе передѣлы; здѣсь же сохранились общественные покосы, мельницы, общественные пиры и подсѣки такихъ размѣровъ, какъ нигдѣ въ губерніи; тѣмъ не менѣе и здѣсь замѣчается упадокъ общины, годъ отъ году усиливающійся; весьма возможно, что вмѣстѣ съ развитіемъ сельскаго хозяйства, введеденіемъ новыхъ культуръ, общиннику чаще и чаще придется обращаться къ организаціи артелей, устраивать свое опытное поле внѣ общинной земли; требовать производства эксперимента цѣлой общиной едва ли всегда и возможно. Чѣмъ больше въ тоже время будетъ опытныхъ артельныхъ полей, тѣмъ роль общины будетъ слабѣе; общинѣ съ ея однообразнымъ обязательнымъ для всѣхъ засѣвомъ, за опытными внѣобщинными участками конечно не угнатьтя; въ смыслѣ сельскохозяйственнаго прогресса она будетъ всегда отсталой и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше будетъ личнаго почина среди предпріимчивыхъ хозяевъ, соединяющихся группами, какъ это имѣетъ мѣсто и въ нынѣшней подсѣчной артели.

Перебирая въ памяти все сказанное объ артели и общинѣ въ Олонецкой губерніи, мы замѣчаемъ среди обывателей его сравнительно большую склонность къ труду артельному, нежели къ общинному; предпочтеніе это не намъ первымъ бросается въ глаза, оно было замѣчено и другими наблюдателями.—Явленіе это, по мнѣнію В. В., объясняется тѣмъ, что „русскіе колонисты, являясь на сѣверъ съ сильно развитымъ духомъ общественности, съ привычкой жить вмѣстѣ и дѣйствовать сообща, не могли здѣсь построить бытъ свой по излюбленнымъ формамъ, хотя при всякомъ удобномъ случаѣ старались дѣйствовать вмѣстѣ, примѣнить кооперативный принципъ. Мѣстныя условія были причиной, что кооперація приняла форму артели, а не общины [2])

Соглашаясь съ значеніемъ мѣстныхъ условій въ прошедшемъ,

---

[1]) Во многихъ мѣстахъ отхожій промыселъ является главнымъ подспорьемъ семьи.

[2]) Отечественныя Записки 1882 г., № 3, ст. „Очерки общиннаго землевладѣнія въ Россіи“ стр. 93.

допуская его отчасти и въ нынѣшнее время, мы прибавимъ, что одною изъ важныхъ причинъ, объясняющихъ преобладаніе артели надъ общиной, является отсутствіе въ обывателѣ олонецкаго края (по крайней мѣрѣ, въ нынѣшнее время) какъ племеннаго, такъ сословнаго, профессіональнаго и родоваго антагонизма: рыболовы, напр., не предпочитаютъ продавать рыбу непремѣнно своимъ однообщинникамъ, какъ это имѣетъ мосто въ другихъ углахъ Россіи; въ артель примутъ и корела, и чудина, и сельскаго учителя, и дьячка, а на р. Водлѣ, Пудожскаго уѣзда, какъ передаютъ *Акты историческіе* (т. III, № 75), въ Меневскомъ порогѣ ловили вмѣстѣ крестьяне Пудожскаго погоста и Юрьевъ монастырь; по писцовымъ книгамъ Сабурова, крестьяне имѣли здѣсь $43^1/_2$ мерды, [1]) а монастырь $21^1/_2$.

Вмѣсто того, напр., чтобы создать подсѣку или мельницу мірскую, изъ домохозяевъ всей общины (иногда деревни-общины), связанныхъ мѣстомъ жительства, исторически и генеалогически, олонецкій обыватель создаетъ мельницу и подсѣку, соединяясь въ артель изъ домохозяевъ различныхъ деревень, по 2 по 3 съ деревни, сошедшихся по взаимной склонности другъ къ другу; мірская мельница, подсѣка представляютъ не болѣе, какъ случайное распространеніе артели на всю деревню-общину, хотя бы, напр., потому, что другой деревни не было близко.

Знатокъ обычнаго права нашего крестьянства Якушкинъ и другіе изслѣдователи признаютъ чрезвычайную гибкость артели способность артели устраиваться при всевозможныхъ условіяхъ а временами переходить въ общину; при взаимномъ соглашеніи домохозяевъ одной деревни или цѣлой группы деревень мы это явленіе наблюдаемъ иногда и въ олонецкомъ краѣ; но разъ соглашеніе не достигнуто —достигнуть же его далеко не всегда легко,—разъ есть сомнѣвающіеся, неспособные, выдвигается артель и идетъ на встрѣчу дѣлу, иногда совершенно новому; Н. Озерецковскій [2]) передаетъ, что каждую весну артели села Щелейки лавливали рыбу въ Финскомъ заливѣ, ловили недѣль пять и возвращались къ началу полевыхъ работъ домой; на такое довольно рискованное и длинное путешествіе, періодически повторяющееся рѣшится не всякій.

Вообще въ артель изъ крестьянской среды выдѣляется все

---

[1]) Рыболовная сѣть.

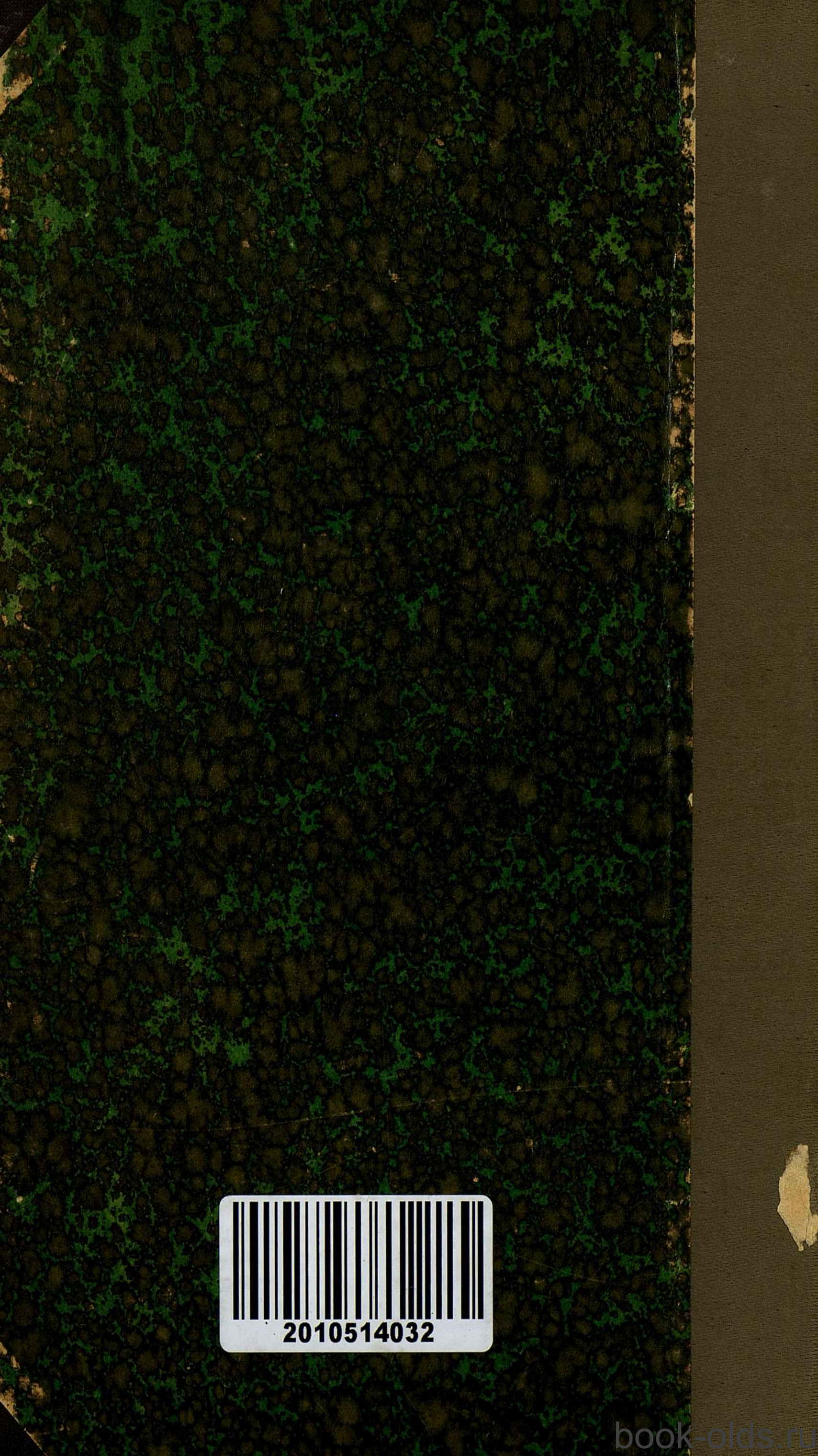
[2]) Озерецковскій: „Путешествіе по Ладожскому и Онежскому озерамъ въ 1792 г.“.

сильное, энергичное (исключая развѣ артели нищихъ, отчасти путинныхъ), способное, не мирящееся съ сельской рутиною; за этимъ передовымъ отрядомъ идетъ остальная крестьянская масса, и отряду этому нельзя не симпатизировать, нельзя не пожелать для русской артели лучшаго экономическаго и правоваго положенія.

Перепечатано изъ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1896 г.
Петрозаводскъ. Въ Губернской Типографіи. 1896.

Главнѣйшіе пропуски и опечатки.

Стран.	Строк.	Напечатано	Надо читать
7	7	и сыновья	или сыновья
10	1	высокой поденной	выской попенной
—	3	въ рамѣ желобки	въ прорѣзанные въ рамѣ желобки
13	10—11	Билящгекъ	Билямщикъ
—	22	Копра	Койра
14	15	Новодъ	Неводъ
22	38	личозерскіе	лачозерскіе
23	1	„веши“	„верши“
—	37	общество	новшество
26	18	уже пай	уже не пай
28	24	прогоняющихъ снастью	прогоняющихъ снасть
31	13	производился	производится
32	19	кошевникамъ	кошевщикамъ
35	18—19	интерены	интересы
39	3	и баба за то не	и баба за то-же
44	35	качество	качествомъ
45	19	на одинъ	не одинъ
56	22	которыя ле-	которыя лежатъ
69	6	пятисотники	пятидесятники
—	32	вступаютъ	выступаютъ
74	3	о томъ, многое	о томъ, что многое
—	18	своей семьѣ	въ своей семьѣ
77	7	доровну	поровну
88	28	однодеренцамъ	однодеревенцамъ
93	15	леса	лѣса
96	13	Вогомъ	Богомъ
98	21	къ нему	къ небу
—	31	свернули	сверкнули
104	17	пассажирокъ	пассажировъ
111	38	тодымется	подымется

2010514032